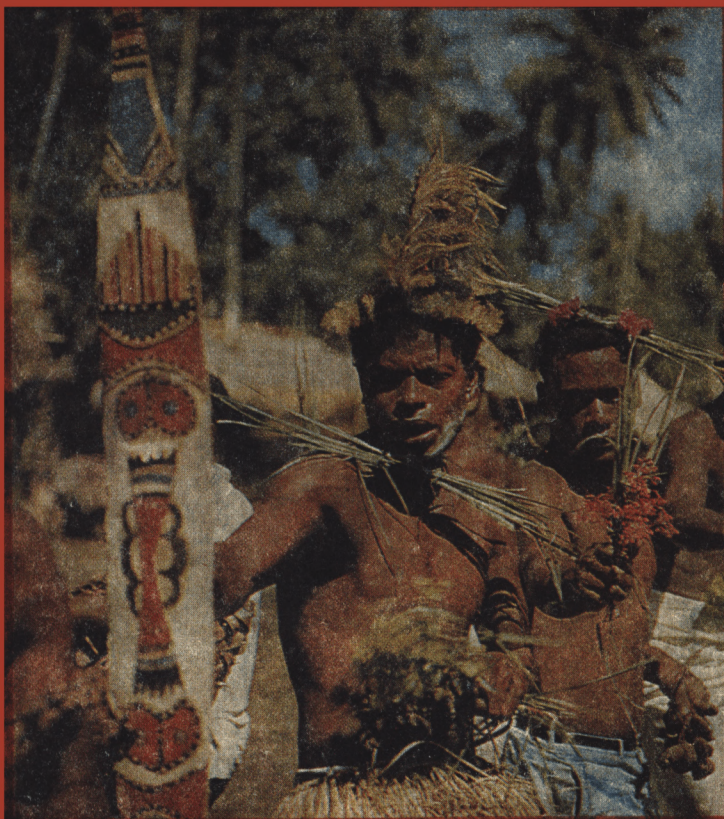

СЛЕВА ПО БОРТУ-РАЙ

АРНЕ ФАЛЬК-РЁННЕ

АРНЕ ФАЛЬК-РЁННЕ

СЛЕВА ПО БОРТУ- РАЙ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

АРНЕ ФАЛЬК-РЁННЕ

СЛЕВА ПО БОРТУ- РАЙ

ПУТЕШЕСТВИЕ
ПО СЛЕДАМ «БАУНТИ»

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1980

91п
Ф19

Arne Falk-Rønne
Paradis om bogbord
En rejse i Bountys kølvand
København, 1965

Редакционная коллегия:

К. В. МАЛАХОВСКИЙ (*председатель*), Л. Б. АЛАЕВ,
А. Б. ДАВИДСОН, Н. Б. ЗУБКОВ, Г. Г. КОТОВСКИЙ,
Г. Г. ЛАНДА, Н. А. СИМОНИЯ

Перевод с датского и предисловие
В. Л. ЯКУБА

Ответственный редактор и автор послесловия
К. В. МАЛАХОВСКИЙ

Фальк-Рённе Арне

Ф19 Слева по борту — рай. Пер. с датск. и предисл.
В. Л. Якуба. Послесл. К. В. Малаховского. М.: Глав-
ная редакция восточной литературы издательства
«Наука», 1980.

221 с. с ил. («Рассказы о странах Востока»).

Известный датский путешественник, этнограф и писатель расска-
зывает о своем плавании на острова Тихого океана Танти, Тонго, Фид-
жи, об их природе, о самобытной жизни, нравах и обычаях островитян.
Вторая половина книги посвящена острову Питкерн, где когда-то выса-
дились мятежники судна «Баунти». Автор пытается проследить их
судьбу, узнать о сегодняшней жизни их потомков.

Ф $\frac{20901-094}{013(02)-80}$ 139-80. 1905020000

91п

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1980.

Флетчер Крисчен взял курс на восток, к острову Мата-ки-те-ранги. В январе 1790 года, стоя на палубе «Баунти», он заметил возникающий из океана остров. Быть может, они нашли долгожданную обитель? К нему подошел гардемарин Эдвард Янг (так гласит предание) и воскликнул:

— Слева по борту — рай, сэр!

Предводитель мятежников повернулся и со слезами на глазах тихо произнес:

— Запомните мои слова, Янг: окажется ли земля, лежащая слева по борту, раем или адом, будет зависеть только от нас.

ВСЕГДА В ПУТИ

Этого человека вы никогда не застанете дома. Арне Фальк-Рёнке почти всегда в пути. В 1945 году, когда молодому датчанину было двадцать пять лет, случай привел его к берегам Америки. До этого он готовился стать богословом и отнюдь не помышлял о странствиях. Помогли ему найти свое призвание встреча и беседа с Эрнестом Хемингуэем в Гаване. С той памятной встречи прошло более 30 лет. 28 книг вышло и на родине писателя, и во многих странах мира — таков итог удивительных путешествий в самые отдаленные уголки нашей планеты. Книгами Фальк-Рёнке зачитываются люди всех возрастов и всех профессий, и, каким бы невероятным ни был сюжет произведения, читатель верит автору, ибо чувствует: он пережил все сам, проверил на собственном опыте.

О нем самом можно написать увлекательную книгу. Человек мужественный и бесстрашный, Фальк-Рёнке месяцы, а то и годы проводил среди племен, живущих на уровне каменного века, изучая их нравы и обычаи. Он то пускается в рискованное путешествие по джунглям Перу, то живет среди индейских племен, участь у них искусству стрельбы из духовых трубок, то поселяется у искателей алмазов в Гвиане и ловцов жемчуга в Карибском море, а год спустя он уже ищет на плоскогорьях Анд потомков последнего короля инков. Вот он в Новой Гвинее, среди воинственного племени кукукуку, охотится на крокодилов. Да разве перечислишь хотя бы часть его увлекательных путешествий в мир тропических лесов и островов, что затерялись среди безбрежных океанских просторов! Недаром его приняли в члены знаменитого «Эдвенчэ клуба». Такой чести может удостоиться лишь тот, кого мы называем первооткрывателем.

Читатель, познакомившись с Фальк-Рёнке, с миром и героями его произведений, наверняка задаст себе вопрос: зачем этот датчанин странствует по свету, стараясь показать, что есть на нем еще немало белых пятен? Кто он? Искатель острых ощущений, экзотики? Отнюдь нет. Им движут глубоко гуманные идеи, которые он

высказывает на страницах своих книг. Он как бы говорит: мир обширен и разнообразен, богат и прекрасен, его населяют многочисленные народы, находящиеся на разных уровнях развития. Есть на земле племена, которые живут еще в тех же условиях, что и тысячи лет назад, а есть народы, создающие искусственные спутники Земли, облетающие шар земной за каких-нибудь пятьдесят минут. Цивилизованный человек многого достиг на пути познания окружающего мира, то, что недавно для него было несбыточной мечтой, теперь — обыденно, реально. И все-таки ему можно кое-чему поучиться у человека, живущего на уровне первобытной отсталости, и прежде всего бережному отношению к окружающей природе. Нельзя бесконечно черпать из ее кладовой, надо постоянно компенсировать взятое. Писатель призывает нас ценить и беречь природу и в особенности человека как ее составную часть.

А. Фальк-Рённе не раз отмечает, что, несмотря на то что он всю свою сознательную жизнь странствовал по свету, побывал на многих континентах, он не стал космополитом, а остался верен своей родине. Он убежден, что только через свое, национальное, можно познать другие народы и научиться их любить. Немало проблем, которых писатель касается в своих книгах, волнуют его именно как датчанина. Небольшая страна, Дания достигла высокого уровня промышленного развития, и темпы урбанизации намного превышают возможности очистки отходов производства. Свыше трети неочищенных отходов сбрасывается в реки, а больше половины — прямо в море. Целиком исчезают отдельные виды животных, пропадает рыба — лишь в десяти из тысячи датских озер сохранилась чистая вода. Все это волнует население страны, но только в 1973 году в Дании было создано специальное министерство по охране среды. Рисуя мир далеких континентов, во многом сохранивший первозданные черты, Арне Фальк-Рённе как бы выполняет свой гражданский долг писателя и борца за сохранение окружающей природы.

Изучая жизнь отсталых племен, Фальк-Рённе столкнулся с политикой геноцида, поголовным истреблением целых народов в современном капиталистическом мире. Огромной обличительной силы его голос достигает в книге «Мертвые индейцы молчат». Автор рассказывает, как ради овладения землями коренного населения Бразилии за несколько десятилетий было уничтожено около миллиона индейцев.

Искренняя любовь к своим героям, стремление постичь их жизнь, обычаи и нравы, глубокое уважение к ним, умение жить среди племени так, как это принято в самом племени, неизменно раскрывают перед Фальк-Рённе сердца и двери хижин аборигенов. Именно поэтому поэтому книги, написанные им, так увлекательны, и мы всегда находим в них много нового. История и современность в них слились, то, что, казалось бы, давно забыто, вновь оживает под пером неистощимого на выдумки писателя. Вот исполняется сто лет со дня выхода романа Жюль Верна «Вокруг света в 80 дней», и Фальк-Рённе отправляется по следам героев книги и повествует нам о том, как изменился мир за столетие. То же самое произошло и с нашей книгой: Фальк-Рённе прошел по местам маршрута мятежного фрегата «Баунти». Ведь именно благодаря восстанию в английском флоте в конце XVIII века, документам и описаниям, дошедшим до наших дней, мы кое-что знаем о жизни на островах

Южных морей в те времена, когда многие из них еще не были открыты европейцами.

Повесть «Слева по борту — рай» — первая книга известного датского путешественника, изданная в Советском Союзе. Узнав, что его повесть выходит в свет в переводе на русский язык, автор просил передать читателям, что счастлив быть представленным в стране, где книга стала постоянным спутником миллионов.

Сегодня писателя снова нет дома. Он отправился странствовать в далекие края.

— Куда? — спросили мы его.

— На земле еще немало белых пятен, — ответил Арне. — Узнаете из новой книги.

В. Л. Якуб

Каботажное торговое судно «Бетиа» плавало в омывающих Англию водах, пока в 1787 году адмиралтейство не закупило его для экспедиции за хлебным деревом, переименовав в «Баунти» («щедрость» или «изобилие»). Хотели ли тем самым угодить королю Георгу III, оказавшему экспедиции финансовую поддержку, или же просто подчеркнуть гуманность самой идеи — обеспечить рабов Вест-Индии новым продуктом питания в виде плодов хлебного дерева — для нас значения не имеет. За судно водоизмещением 215 тонн заплатили 2000 фунтов стерлингов, но переоборудование, вызванное необходимостью разместить на борту саженцы хлебного дерева, обошлось еще в 4500 фунтов стерлингов. Это были большие деньги, если вспомнить, что суточное жалованье капитана Блая не превышало 3 шиллингов. Высота трех мачт судна составляла 14—18 метров, длина его достигала 24 метров, а ширина — 7,5 метра. «Баунти» был очень небольшим кораблем для плавания в неизведанных морях, гораздо меньше среднего современного траулера.

Когда «Баунти» 23 декабря 1787 года покинул Англию, команда его насчитывала 46 человек. Один матрос умер в пути, старый доктор Хагген, судя по вахтенному журналу Блая, скончался на Таити от пьянства. Двое мятежников — капрал Чарлз Черчилль и матрос Мэтью Томпсон — были убиты на Таити.

19 лоялистов на баркасе «Баунти»: Уильям Блай, командир корабля, лейтенант (в дальнейшем губернатор колонии Новый Южный Уэльс в Австралии, умер в Англии в 1810 году), первый штурман Джон Фраер (умер в звании старшего капитана в 1817 году), судовой врач Томас Ледуорд (погиб при кораблекрушении по пути домой), садовник Дэвид Нельсон (умер от болотной лихорадки в Ост-Индии по пути на родину), Роберт Тинклер, канонир Уильям Пековер, боцман

Лоялисты, высаженные на баркас
(Аquatинг художника Р. Додда)

Уильям Коул, плотник Уильям Перселл (умер в Портсмуте в 1834 году), штурман Уильям Эльфинстон (умер от болотной лихорадки по пути домой), гардемарин Томас Хейворд (погиб во время тайфуна много лет спустя), гардемарин Джон Хеллет (свалился за борт и утонул), старшина Джон Нортон (убит каннибалами на Тофуа в 1789 году), старшина Питер Линклеттер (умер от болотной лихорадки по пути домой), парусный мастер Лоренс Лебог, кок Томас Холл (умер от болотной лихорадки), кок Джон Смит, старшина Джордж Симпсон, матрос Роберт Лемб и писарь Джон Сэмюэль.

Мятежники, доставленные на борт королевского фрегата «Пандора»: оружейный мастер Джошиа Коул-

мен, музыкант Майкл Бирн, плотники Чарлз Норман и Томас Макинтош (все оправданы), гардемарин Питер Хейвуд (признан виновным, но помилован, умер в звании старшего капитана в 1831 году), боцман Джеймс Моррисон, матрос Уильям Маспрет (оба помилованы после вынесения приговора), гардемарин Джордж Стюарт, матрос Ричард Скиннер, бондарь Генри Хиллбрант и матрос Джон Самнер (все утонули при гибели «Пандоры»), матрос Томас Беркит, матрос Джон Миллуорд и юнга Томас Эллисон (все повешены в 1792 году).

Мятежники на Питкерне: второй штурман Флетчер Крисчен (убит на Питкерне), гардемарин Эдвард Янг (умер от астмы на Питкерне), матрос Александр Смит, он же Джон Адамс (умер на Питкерне в 1829 году), младший канонир Джон Миллз, матрос Айзек Мартин, кузнец и матрос Джон Уильямс, младший садовник Уильям Браун, матрос Мэтью Кинтал (все убиты на Питкерне) и матрос Уильям Маккой (умер на Питкерне от белой горячки).

1

Преодолеваем проход между рифами. Ярко светит полная луна. Серо-зеленые волны вскипают белопенными гребнями. Верхушка мачты скользит по звездам, чертит кольца вокруг созвездия Южного Креста. Прибой с ревом обрушивается на шхуну «Мейлис», которая движется по узкому проходу и уже через несколько секунд оказывается в тихой воде. Мерно стучит мотор, направляя шхуну в бухту Кука на острове Моореа. После шума Тихого океана тишина кажется особенно удивительной, влажный ветерок доносит запах земли, благоухание таитянских орхидей тиаре, прелых кокосовых орехов и бугенвиллеи. В лунном свете бухта похожа на озеро. На фоне высокого ясного неба темные удивительно красивые очертания гор кажутся недостижимыми. Забыты дневная болтанка, дикая скачка по пенистым гребням волн.

В глубине бухты в окружении тысяч кокосовых пальм и хлебных деревьев раскинулась деревушка Пао-Пао. Теплый ветер доносит с берега звуки гитары и веселые голоса. Но подвесной моторчик нашего ялика неисправен, а сам я так устал от перехода, что предпочитаю остаться на борту и в ожидании ужина, который готовят капитан-полинезиец и два матроса, наслаждаюсь чудесным видом издали.

Тихий океан, ревуший по ту сторону рифа, принадлежит не только полинезийцам; они владеют им совместно с меланезийцами, микронезийцами, а также эскимосами и другими северными народами. А кроме того, Тихий океан — неотъемлемая часть пингвиньего царства Антарктики. Для многих островитян океан — всего лишь синий живой ковер, окружающий их собственный остров или архипелаг. Можно ли требовать, чтобы они хоть как-то представляли себе его гигантские размеры, со-

ставляющие треть всей поверхности земного шара? Между тем для географов Тихий океан тянется от безмолвных берегов Берингова моря на севере до 30-метровой высоты ледового барьера Антарктиды на юге. Его волны омывают туманные берега сибирской тундры на западе и швыряют высоченные пенистые гребни прибоем на гуановые острова Перу на востоке.

Мы находимся в тропической части этого безбрежного океана. Глядя на его поверхность, трудно представить себе ту безмолвную борьбу, которую она от нас скрывает. От впадины Минданао через Филиппины до островов Тонга на тысячи километров к юго-востоку тянутся теплые экваториальные океанские течения, чтобы в конце концов слиться воедино в течении Куроисио. Последнее в какой-то степени, хотя масштабы его гораздо больше, можно сравнить с атлантическим Гольфстримом: как известно, своим мягким климатом зимой норвежцы прежде всего обязаны Мексике. Когда теплые воды Куроисио схлестываются с ледяными полярными водами, образуется поток, мощность которого в сотни раз превышает мощь Волги и Рейна, вместе взятых. Образно говоря, это крупнейшая река в самом большом Мировом океане. Но единственным видимым признаком фантастического единоборства холода и тепла служит густой туман, то тут, то там поднимающийся над водой. Случается, что кокосовый орех с Соломоновых островов поток выносит к поселку эскимосов, а обломки каноэ с островов Эллис или Гилберта* выплеснет на берега Аляски. Но на обратном пути течение берет с собой не так уж много: принеся туман и дождь в Сан-Франциско, оно меняет направление и со скоростью три узла в час мчится на юго-запад, к Филиппинским островам, 16 тысяч километров.

К югу от тропика Козерога теплые потоки иссякают. Океан становится холодным. Появляются айсберги. Мы оказываемся в царстве морских львов и пингвинов. Но среди течений — а их много, не только Куроисио или холодное течение Гумбольта вдоль западного побережья Южной Америки — раскинулось множество островов, которые географы и историки нарекли тихоокеанскими.

* После получения независимости острова Эллис и Гилберта стали называться соответственно Тувалу и Кирибати.— *Примеч. ред.*

Тысячи островов. Большинство из них настолько малы, что едва виднеются на поверхности воды, и с капитанского мостика их можно обнаружить лишь на расстоянии пяти-шести морских миль. Вот почему первые европейцы, достигшие этих акваторий, могли плавать месяцами, не замечая признаков земли.

Сколь велики расстояния в океане, нелегко представить себе даже в наш реактивный век. Тур Хейердал свыше ста дней дрейфовал от побережья Перу, прежде чем плот «Кон-Тики» достиг атоллов архипелага Туамоту. От Гавайев до Таити так же далеко, как от Копенгагена до Дакара; еще дальше от Таити до Новой Зеландии, куда полинезийцы, выходцы с Таити, плавали через океан на своих лодках с балансиrom семь веков назад. Есть острова, от которых до ближайшего заселенного острова более двух тысяч километров, причем связь между ними поддерживается лишь с помощью старенькой шхуны для перевозки копры, мотор которой то и дело чихает и глохнет. Путь этот пролегает по водам, самым глубоким в мире (если даже поставить на дно Эверест, вершина его останется под поверхностью), по волнам океана, которые могут достигать 30 с лишним метров в высоту, а во время урагана, подняв шхуну метров на 20, бросить ее вниз уже в виде груды бесформенных щепок.

По бескрайним голубым просторам Тихого океана разбросано множество островов. Они не только разбиты на группы в зависимости от сфер влияния и расовой принадлежности населяющих их народов, но и управляются по воле случая той или иной администрацией. Так, острова Питкерн оказались во власти архипелага Фиджи, хотя их разделяет от Фиджи такое же расстояние, как Данию от Индии. Английским владением остров стал потому, что двести лет назад на его берег первым ступил английский матрос, который был вознагражден за этот поступок дополнительной порцией рома. Кое-кто склонен верить, будто именно благодаря «ромовому» поощрению за вновь открытые земли Великобритании принадлежит так много тихоокеанских островков. Группа собирателей гуано, пробыв на другом острове каких-нибудь три часа, присоединила его к владениям Перу. Один из каннибальских вождей предложил США несколько принадлежащих ему атоллов, но

Вашингтон от них отказался. Когда же этот вождь пообещал англичанам, что перестанет лакомиться своими врагами, джентльмены из Уайт-холла приняли его и подданных под защиту английской короны. Правда, при этом вождь прозрачно намекнул, что если Англия отвергнет предложение, то его, наверное, с радостью примет германский канцлер Бисмарк. Американский торговец углем выиграл в карты три пальмовых острова южнее Гавайев — у его партнера, владельца кокосовых плантаций, кончились наличные деньги. Один из островов Фиджи принадлежит старинной меланезийской семье на том основании, что нынешний глава рода рассказывает доказательствами, будто его прадед сто лет назад ловил там островитян и зажаривал их в земляной печи. Он, если позволительно так выразиться, «доелся» до права владения островом.

Многое в Тихом океане кажется нам удивительным: чтобы попасть на Дальний Восток, надо плыть на запад, а к западному побережью Америки — на восток. В Новой Зеландии деревья распускаются в октябре, а разгар лыжного сезона в альпийских районах островов Южных морей приходится на июнь—июль. Таитянам неведомы понятия «безнравственный», «непристойный» или «распутный», а на Питкерне нет слов недостойнее, чем «табак», «пиво», «танцы» и «сочный бифштекс».

Что же касается линии времени, то здесь картина еще более запутанная. Пятница в Суве на Фиджи все еще четверг на Питкерне, который, как уже говорилось, подчинен фиджийским властям. Вылетая с Гавайских островов вечером в понедельник за десять минут до полуночи, я приземляюсь через шесть часов в Нанди на Фиджи, где к тому времени наступило утро среды. Между тем никакого намека на свет я так и не замечаю. Линия времени берет свое начало на Северном полюсе и бежит затем удивительным зигзагообразным курсом между Большими и Малыми Диомидовыми островами вдоль Аляски и Сибири. Можно стоять на американском Малом Диомиде, например, в субботу, а в это время на острове у русских будет воскресенье. Далее линия тянется на юго-запад к оконечности Алеутских островов, которые, таким образом, живут по американскому времени. Многие тысячи километров она идет вдоль 18-го меридиана, а затем отклоняется к

юго-востоку, разделяя островные группы: так, на островах Фиджи, Тонга, Новая Каледония и Новые Гебриды дни недели «азиатские» (но они все же отличаются друг от друга по часам), тогда как, например, на Гавайях, Таити и половине архипелага Самоа дни исчисляются по американскому календарю.

Линия времени была принята на Международном метеорологическом конгрессе в Вашингтоне в последнюю треть минувшего столетия. При этом ее умышленно провели по Тихому океану, ибо, рассуждали участники конгресса, плавание по океану так или иначе длится несколько месяцев, а потому днем больше, днем меньше — существенного значения не имеет. Такое решение, несмотря на его недостатки, было прогрессивным — ведь до появления единой линии времени в одной лишь Северной Америке насчитывалось 75 переходных показателей времени; большинство судов в многолетних плаваниях сохраняло время своих портов, и это приводило к тому, что для путешественников день в Тихом океане превращался в ночь, а ночь — в день, в зависимости от того, какое время показывали корабельные часы.

Своим зигзагообразным видом линия времени в какой-то мере обязана хитроумному индийскому купцу по имени Тавеуни, жившему на одном из островов Фиджи. Ранее она рабски следовала по меридиану и, как утверждал купец, пересекала его лавчонку пополам. Он обычно держал дверь лавки открытой с понедельника до субботы, а по воскресеньям впускал покупателей через задний ход. Строго соблюдавшие правила фиджийские миссионеры уговорили английскую администрацию провести линию по кривой, в обход островов и посреди океана.

Тихоокеанские острова чрезвычайно отличаются друг от друга по размерам и уровню развития. Так, Новая Гвинея по площади равна Франции, ФРГ и ГДР, вместе взятым, а какой-нибудь крохотный атолл мог бы поместиться на Ратушной площади Копенгагена. До приликанного рая Гавайских островов сегодня можно добраться на реактивном самолете из Сан-Франциско примерно за четыре часа; знаменитый же берег Вайкики до такой степени подчинен «операции алоха», что от его былой оригинальности не осталось и следа. Уже в аэропорту туристов атакуют предприимчивые девицы в син-

тетических юбочках. Они надевают прибывшим на шею венки из синтетических цветов, поют «алоха, алоха» и исполняют свой печально индустриализованный танец хула-хула в стандартном телевизионном стиле. Отели-небоскребы, протянувшиеся вдоль Вайкики, кажутся порождением фантазии булочника и ненормального архитектора. Они расположены в парках, где по ночам светят электрические факелы, а из скрытых в пальмах динамиков несутся звуки американизированных мелодий хула-хула, приправленных ритмами вестерна и битлз. Тысячи американских туристов лежат на пляжах, подпирая друг друга боками, мужчины — в уродливых бермудских шортах, женщины — в муммоо. Некогда это одеяние, вероятно, служило коронационным платьем гавайских королей, но современные женщины выглядят в нем так, словно они находятся на восьмом месяце беременности. Над бесчисленными крошечными атоллами самолеты летают только ночью, дабы любопытный взгляд не мог увидеть коралловые рифы, над которыми испытывались атомные бомбы.

Но помимо этих мест есть еще множество других островов, разбросанных на тысячекилометровых просторах океана и разделенных ревущей водной стихией. Жизнь там течет, как и много столетий назад; аэродромов на них нет, а рифы не позволяют пройти даже маленькой шхуне, и никакое судно не может приблизиться к берегу. Есть острова, в глубь которых до сих пор не ступала нога европейца, например остров Вити-Леву в архипелаге Фиджи, где достопочтенный миссионер Томас Бейкер пал жертвой обиженных каннибалов, или Малекула на Новых Гебридах, где единственным одеянием воинов биг намба служат гильфики всех размеров. Рассказывают, будто на вопрос одного американского женского клуба о том, какое требуется платье, чтобы одеть островитян, местный чиновник ответил: «Пары перчаток достаточно для десяти взрослых воинов».

Короче говоря, в Тихом океане масса всевозможных островов, и те из них, которых коснулась цивилизация, составляют пока меньшинство. Нас сейчас интересуют другие, «забытые острова», ибо именно там можно найти мир, чуждый и неведомый европейцам, дикий, близкий к природе, последний район земного шара, где будни еще окрашены сказкой, где до сих пор совершаются

древние церемонии вокруг корня янггона ((*yanggona*), где женщины своими грустными песнями привлекают с рифов гигантских черепах, а мужчины в экстазе танцуют на раскаленных углях, где племена еще поклоняются Тики — таинственному богу камня и дерева Южных морей. Если именно таким представлялся земной рай, что так настойчиво искали мореплаватели минувших столетий, то он существует и сегодня. Но вскоре нам предстоит убедиться, что и в этом раю обитает своя змея, что эти нетронутые тайники большого мира имеют свои теневые стороны, хотя солнце и свежий ветер создали здесь такой психологический климат, что на первый взгляд может показаться, будто счастье поселилось в этих местах куда прочнее, чем в других местах на нашей многострадальной планете.

По этому океану, под этим солнцем, поливаемый таким же дождем, плыл корабль, по следам которого нам предстоит теперь пройти свыше пяти тысяч морских миль. Почему океан назвали Тихим? С большим основанием его можно было бы окрестить океаном Баунти, ибо ни один корабль не вписал такую яркую страницу в историю, как английское королевское военное судно «Баунти», и никогда еще люди так не поражали воображения своих соотечественников, как офицеры и матросы «Баунти». Если кто-либо из моих читателей при словах «острова Южных морей» вспомнит лишь о том, что там царит вечное лето, а женщины танцуют в ярких юбках и особенно благосклонны к приезжим европейцам мужского пола, то этими сведениями мы обязаны вахтенным журналам и дневникам, написанным членами экипажа «Баунти» около 175 лет назад. И даже такому художнику с мировым именем, как Гоген, который рисовал, пил вино и любил на Таити, не удалось своим творчеством чем-то изменить эту картину. Несчастный корабль, чья команда подняла мятеж, чей капитан щедро награждал подчиненных плетью, постоянно урезая и без того скудный паек, чей второй штурман скрылся на неизвестном острове вместе с полинезийками, — приключения этого корабля и его команды как бы воплотили в себе все, что мы связываем с романтикой Южных морей.

Не удивительно, что и по сей день можно услышать вопрос: что же оставили после себя на островах мятежники с «Баунти»? А женщины Южных морей — они все так же пленительны, так же способны приманивать мужчин, заставить их променять жен и детей в зимней, промозглой Европе на безмятежное и ленивое существование среди красот тропического острова? «Да здравствует Таити!» — прокричали мятежники с «Баунти», высадив капитана Блая и восемнадцать оставшихся ему верными людей в баркас и взяв обратный курс, к женщинам островов Общества. Есть ли сейчас основания кричать «ура» в честь островов Таити? Много ли правды в тех рассказах, которые и сегодня вы можете услышать в Папеэте на Таити о нескольких белых мужчинах, живущих на островке Моореа (в том месте близ поселка Пао-Пао, где мы бросили якорь) сладкой и праздной жизнью сибаритов, которых любят, обслуживают и почитают, перед которыми млеют прекрасные полинезийки?

2

Некоторое время спустя до меня доносится всплеск тихой, освещенной луной воды. Я подхожу к борту и вижу мужчину, который, громко фыркая и тяжело взмахивая руками, плывет к «Мейлис». Матросы выбрасывают конец и спускают в воду маленькую веревочную лестницу.

— У вас случайно не найдется на борту бутылочки «Шатонеф-дю-пап»? — кричит мне незнакомец по-английски с типичным оксфордским акцентом.

Я, конечно, не имею ничего против стаканчика доброго французского вина, но «Шатонеф-дю-пап» не тот продукт, которым я запасся в первую очередь, снаряжая экспедицию на острова Южных морей.

— К сожалению, нет, — вынужден я ему ответить, — но в наших запасах найдется бутылка-другая отменного французского вина. Не окажете ли вы мне честь подняться на борт и отобедать со мной? Сможем попробовать этого вина.

Мы помогаем перелезть через поручни долговязому, худому мужчине средних лет. На нем брюки и рубашка, на предплечье одной руки повязка. Он непринужденно сбрасывает с себя мокрую одежду и обвязывает-

ся полотенцем. Затем проворно вынимает искусственную челюсть, кладет ее на пол рядом с бутылкой вина, которую успел принести капитан, и поясняет:

— Мокрый протез даже самого бравого мужчину может превратить в развалину.

— Не хотите ли салфетку, чтобы вытереть зубы?

— С удовольствием, старина. Вы, скандинавы, всегда реально смотрите на вещи. Похоже, сэр, вам не чужды заботы и огорчения старого человека. Позвольте представиться. Меня зовут Питер Брук, вот уже много лет как я являюсь резидентом в Пао-Пао. Когда-то был маклером на лондонской бирже, выставлялся кандидатом в парламент от либералов. Желаю вам приятного пребывания на острове девушек, охочих до мужчин...

— Охочих до мужчин?..

— Вот именно. И я вам обещаю, что жительницы острова не хуже своей славы.

Питер Брук и я быстро находим общий язык, и в этом немалая заслуга капитана Рене Кимитете. Этот крепыш, который может похвастаться 121 килограммом живого веса да еще тем, что он лучший гитарист на всем архипелаге Общества, сам занимается приготовлением пищи на борту «Мейлис»; он, двое матросов и я в качестве единственного пассажира имеем лучший стол, чем в самом шикарном отеле в Папэте. Экономя запас пресной воды, Рене подает нам к столу вино. Судя по тому, как мистер Брук налегает на еду, ему не каждый день предоставляется возможность лакомиться свиной отбивной с жареными бананами и суфле из сыра. Он то и дело наполняет свой бокал — как видно, французское вино в местной китайской лавке в Пао-Пао не водится.

После сытного обеда мы закуриваем толстые сигары и наслаждаемся неповторимой красотой звездного южного неба.

Поджарый англичанин напротив меня с полотенцем, повязанным на талии, словно сошел со страниц рассказов Сомерсета Моэма. Выпускник Оксфорда, он много лет состоял членом лондонской биржи, был кандидатом в парламент от округа Голфорд в Суррее. В последний год войны служил офицером информации при лорде Маунтбеттене в Юго-Восточной Азии. Военные переживания сильно изменили его характер, и, наслушавшись

рассказов своего кузена, поэта Руперта Брука, который долгие годы жил на Таити, Питер распродал все имущество и переселился на острова. Мне трудно в нескольких словах охарактеризовать его образ жизни. Он отнюдь не принадлежал к числу тех, кто перебивался случайной работой, не был каким-то отчаявшимся европейцем, духовно и физически деградировавшим на острове в Южных морях. Никогда ранее он не чувствовал себя более свободным, никогда не испытывал большей потребности в духовной деятельности, чем на этом крошечном острове, который принес ему больше радости в жизни, чем роскошная вилла в аристократическом районе Лондона. И все же он не советует европейцу навсегда поселиться на Моореа.

Мистер Брук ставит на место просохший протез и начинает рассказ:

— На Моореа шесть белых мужчин ведут свободную жизнь. Нас называют клубом «Баунти» — видимо, мы напоминаем тех мятежников, что поселились и жили на Таити, пока их не увезла «Пандора». Но не думайте, что наши будни похожи на тот тихоокеанский рай, о котором обычно пишут в романах. Вы, наверное, знаете все эти «Поцелуи под пальмами», «Белый мужчина, коричневая женщина», «Страна наслаждений» или «Острова, где умирают от любви». Конечно, еды здесь вдоволь и с голоду вы не умрете, но тот, кто каждый день питается плодами хлебного дерева и манго, тоскует по каше и консервам. Женщин здесь много, и весь мир воспевает их пылкость и податливость. Я во все их не осуждаю, хотел бы только заметить: что это за женщины? Если вы, сударь, наденете на голову цветочный венок и в таком виде пройдетесь по деревне, все будут знать, что вам нужна вахина. Смею вас заверить, что в тот же вечер, вернувшись домой, вы обнаружите у себя молодую девушку, готовую разделить с вами ложе и варить вам еду. Но вы не сможете с ней поговорить, обменяться мыслями, даже если владеете полинезийским языком. Какими бы близкими ни были ваши отношения, она навсегда останется для вас чужой. Сколько бы она ни родила вам детей, вы никогда не будете чувствовать их своими. Вахина так и останется для вас вещью, и вы будете глубоко несчастны, если попытаетесь вложить в ваши отношения какие-то иные

чувства. Чтобы жить в Полинезии, необходимо очерстветь душой. К потребностям плоти надо относиться так же просто, как к хорошему бифштексу или стакану доброго вина. Но нигде на свете вы не будете чувствовать себя таким одиноким и несчастным, как среди весело танцующих островитян, в окружении красивых женщин, среди изобилия еды и сосудов, полных домашнего косового вина.

— Да, совсем не те слова об этом рае мы привыкли слышать в Европе.

— Конечно, и хотите знать почему? Потому что представления полинезийцев о любви там понимают совсем неверно. В Европе принято считать, что влечение мужчины и женщины друг к другу вызвано романтическими причинами. Любовь — это, мол, сверхъестественная сила, священный дух брачного союза, и, если она исчезает, у супругов появляется моральное право разойтись. Любовь в полинезийском языке обозначается словом *here*, что значит соединять или совокупляться. Разумеется, миссионеры старались избегать этого слова, переводя любовь как *aloha*, что означает всего-навсего симпатия или сочувствие. Одна неточность породила другую. Когда же они убедились, что «симпатия» не покрывает понятия «любовь», то ввели в употребление слово *сердце*, стремясь символизировать романтическую любовь в европейском понимании этого слова. И снова ошиблись, поскольку таитяне не связывают с сердцем свои чувства.

— Все это так, мистер Брук. Но как же в таком случае молодая красивая таитянка говорит: я тебя люблю?

— Ну, вы опять выражаетесь по-европейски, сударь! Под словом «красивая» вы подразумеваете, что она морально безупречна, не так ли?

— Я имею в виду, что она не принадлежит любому.

— В Полинезии молодые женщины принадлежат всем, если только они красивы! Они считают противным природе, если встреча наедине с молодым привлекательным мужчиной не закончится близостью — любое воздержание от этого для них было бы столь же непонятно, как если бы после недельных страданий от жажды мы по «моральным» или «романтическим» соображениям отказались от стакана ледяной воды, который нам про-

тянули. Вот почему понятие «я тебя люблю» она выражает как «я хочу твоей близости». Я готов признать, что это приводит к опошлению половой жизни, но вместе с тем не имеет ничего общего с моралью, как ее понимают полинезийцы. Впрочем, предлагаю спуститься на берег и посмотреть, как живут здесь, в Южных морях.

Питер Брук поднимает судовой фонарь и размахивает им над головой:

— С тех пор как люди с «Баунти» попали на эти острова, такой вот сигнал фонарем означал, что скоро придут гости, которым после утомительного плавания хочется танцев и веселья, удовольствий на берегу. Из каждого домика в бухте хорошо видели «Мейлис» и ждали этого сигнала. Скоро все будет готово к празднику...

3

Пока на берегу идут приготовления к встрече, а матросы возятся с яликом, пытаясь запустить мотор, нам кажется уместным достоверно, без всяких романтических наслоений, поведать о причинах восстания на «Баунти».

Английский первооткрыватель капитан Кук, позднее убитый туземцами на Гавайях, отправился в Южные моря, в те времена столь же далекие от Европы, как, например, в наши дни космос далек от Земли. Среди участников экспедиции был шведский ботаник Даниель Соландер. На только что открытом острове Таити Соландер обнаружил хлебное дерево, которое он и другие естествоиспытатели описали как один из величайших божьих даров: двух-трех хлебных деревьев достаточно, чтобы на целый год обеспечить таитянина пропитанием в виде кислой кашицеобразной массы.

Открытие шведского ботаника весьма заинтересовало английское правительство. Разведение сахарного тростника в вест-индских колониях шло полным ходом, и, хотя ежегодно туда перевозили тысячи негров из Западной Африки, рабочей силы постоянно не хватало: к тому же возникла проблема, как прокормить все возрастающее число рабов, доставляемых на берега Карибского моря. Сэр Джозеф Бэнкс, историк и естествоиспытатель из Лондонского научного общества, ознакомился

с петицией плантаторов Вест-Индии, в которой они выражали готовность взять на себя необходимые расходы, если будет организована экспедиция по доставке им саженцев хлебного дерева. В то время на это чудо-дерево ученые возлагали не меньше надежд, чем в наши дни возлагается на атомную энергию. Их оптимизм легко понять, если вспомнить, что как раз в те годы картофель стал приобретать значение важнейшего полезного растения в Европе, что кофе и какао стали общедоступным продуктом, а пар вскоре будет принят на вооружение английской промышленностью. Поэтому сэр Джозеф Бэнкс разработал план, по которому Научное общество совместно с английским адмиралтейством обязалось снарядить корабль на только что открытый остров Таити и доставить оттуда саженцы хлебного дерева, которые предстояло высадить на вест-индских плантациях и тем самым решить проблему дешевого питания для рабов. По ориентировочным подсчетам, семью раба удалось бы таким путем прокормить на один фартинг (примерно 2 эре) в день, а так как никакого денежного вознаграждения за свой труд рабы не получали, следует признать, что речь шла о поистине дешевой рабочей силе.

Адмиралтейство поддержало идею Бэнкса. Было найдено подходящее судно водоизмещением 215 тонн, часть его трюмов переоборудовали под оранжерею, а в каютах на корме соорудили специальные полки для размещения сотен горшочков с саженцами, так что капитану судна предстояло спать в своего рода зимнем саду. Судно назвали «Баунти» («Щедрость») — это был, видимо, реверанс в сторону короля Георга III за его денежную помощь в снаряжении экспедиции. Чтобы обеспечить полный успех начинания, наняли самых хороших офицеров и садовников, каких только могли найти. Правда, адмиралтейство оказалось не столь щедрым и открыло только одну офицерскую должность, к тому же лишь в звании лейтенанта — им оказался Уильям Блай. Следует, однако, подчеркнуть, что более подходящего человека трудно было найти, ибо вновь назначенный 34-летний капитан имел богатый опыт плавания в Южных морях: участвуя в третьей экспедиции Джеймса Кука, он показал себя способным и умелым навигатором. Уильям Блай, уроженец Корнуолла, был валлийцем, и

На пути к спасению

в его поведении было очень много национальных черт; так, в отличие от англичан, он имел обыкновение бурно жестикулировать, а когда приходил в ярость, то изрыгал самые сильные ругательства. Но по тогдашним меркам это был офицер вполне образованный, умевший уберечь команду своих судов от цинги и к тому же исповедующий определенные «современные» идеи. Сегодня эти идеи вызывают у нас лишь усмешку, но офицеры того времени их, несомненно, ценили. Так, например, во время плавания в открытом море он заставлял команду ежедневно по три часа кряду танцевать друг с другом, дабы обеспечить людям столь необходимое движение.

Лишь несколько человек из числа 46 членов команды, отправившейся из Англии на «Баунти», нанялись на судно добровольно: достаточно вспомнить, что 32 человека дезертировали, пока «Баунти» дожидался попутного ветра в английских водах. Александр МакКи, англий-

ский историк флота, приводит интересные сведения о повседневной жизни британских моряков в ту эпоху. Чтобы правильно понять восторженное отношение команды «Баунти», да и других моряков к местным женщинам и к жизни на острове Таити вообще, уместно напомнить некоторые данные, которые приводит МакКи. В 1802 году Англия с ее немногочисленным тогда населением (около 10 миллионов человек) содержала мощный флот, число матросов и офицеров составляло 129 тысяч человек (160 лет спустя население Англии достигло 50 миллионов человек, между тем флот не был уже столь многочисленным). И все-таки личного состава в те времена не хватало.

Подоплека трудностей капитана Блая и некоторые причины мятежа станут совершенно очевидны, если обратиться к цифрам набора рекрутов во флот и потерь в период войны 1774—1780 годов. Число призванных: 176 000 человек. Убито в период службы: 1250 человек. Потери от болезней: 18 500 человек. Дезертировало: 42 000 человек.

Причиной дезертирства были не столько телесные наказания и отвратительное питание — в пище находили червей и клещей, — сколько ничтожное жалование и то обстоятельство, что простым матросам не предоставляли увольнения на берег и они не могли попасть домой на законном основании. Единственным путем покончить со службой было ранение, болезнь, смерть или же дезертирство. Жалованья не увеличивали со времен Кромвеля, и было оно почти одинаково жалким как для офицеров, так и для рядовых. Лейтенант Блай, например, получал 3 шиллинга (3 кроны) в день; простой, но опытный матрос вряд ли более 3 пенсов (21 эре). Следовательно, он и мечтать не мог о собственной семье, всю жизнь оставался рабом грубых и жестоких офицеров. Ему не разрешалось появляться на задней палубе, кроме как для несения службы; на обращение старших по званию он должен был отвечать «слушаюсь, сэр» и прикладывать руку к головному убору. На кораблях свирепствовали болезни, а за малейшую провинность назначались телесные наказания или заковывали в кандалы.

Расправа с восставшими и мятежниками происходила на военных судах, стоявших на рейде Портсмута та-

ким образм, что зрелище было хорошо видно из города: приговоренных вздергивали на мачте, и все могли наблюдать, как медленно, в судорогах погибают несчастные (троим членам экипажа «Баунти» суждено будет умереть такой же смертью). Поскольку моряки не имели возможности сходить на берег, торговцы сами подплывали к кораблям, а вокруг роилась толпа девиц легкого поведения самого низкого пошиба — они-то и были единственными женщинами, с которыми контактировали моряки.

«Баунти» стартовал в исключительно трудных условиях. Маленькое суденышко взбиралось на высоченные волны и скатывалось вниз. Шквальный ветер заносил палубу снегом. Вода смывала за борт доски, заливала лестницы, ведущие в каюты.

Монотонный стук насосов составлял неизменный фон к вою и свисту ветра. К югу от мыса Горн паруса отяжелели и набухли от снега, и капитану Блаю приходилось крепко привязываться веревкой, чтобы произвести навигационные измерения. Стая черных альбатросов неотступно следовала за сражающимся кораблем, однако, пройдя южнее неизвестного Австралийского материка и Новой Зеландии, судно вновь повернуло на север, в более спокойные и теплые воды. Когда, по вахтенным журналам Блая, за кормой осталось 26 тысяч морских миль, а с момента выхода из Англии прошло десять месяцев, судно взяло наконец курс на синеющие вдали горы Таити и 26 октября 1788 года бросило якорь в бухте Матаваи. Розги и непогоду моряки сумели снести, но теперь их ждала встреча с таитянками; здесь им суждено было найти свою судьбу и уже не изменить ее до конца дней своих.

4

За несколько лет до описываемых событий первое британское судно, «Дельфин», открыло в этих водах огонь из пушки по атакующим полинезийским каноэ, и кристально-чистая сине-голубая вода окрасилась красновато-дымчатым цветом от крови. Молодой лейтенант высадил на сушу группу матросов и, не встретив сопротивления, водрузил на берегу среди кокосовых пальм английский флаг. Ни одна из сторон, как утверждает МакКи, не чувствовала себя особо обиженной той фор-

мой, в которой состоялось знакомство: были доказаны и сила европейцев и смелость островитян, и это привело к взаимному уважению.

Но как сильно эта земля отличалась от Англии! Тут не было разграничений между джентльменом и простолюдином, между офицером и рядовым матросом. Приветственный бой барабанов доносился с суши еще до того, как появились первые каноэ, и, хотя на веслах в больших деревянных лодках сидели мужчины, приветствовать чужеземных моряков посылали молодых женщин. Они стояли в каноэ во весь рост, облаченные только в яркие юбочки, и, раскачивая бедрами на старый добрый таитянский манер, выкрикивали радостные приветствия гостям. С ловкостью обезьян вскарабкавшись по веревочным лесенкам и перепрыгнув через борт, они бросались прямо в объятия матросов и офицеров, не имея ни малейшего понятия о том, кто из них спал позади мачты, а кто перед ней — деталь, в которой они вскоре разобрались. Им была неведома власть поцелуя — они прижимались носами к носу гостей, не разбираясь ни в рангах, ни в сословиях. По европейским понятиям, жесты и движения молодых таитянок носили похотливый характер и не оставляли сомнений в истинной цели их визита на корабль. Но ведь они олицетворяли собой мечту, неотступно преследовавшую моряков в долгие месяцы плавания.

Блай проявил себя человеком понятливым. Еще до подхода к Матаваи он сделал распоряжения, которые предписывали: всю торговлю с туземцами вести через специально назначенного офицера, не упоминать, что капитан Кук был убит на Гавайях, и не стрелять в островитян, если только подвергшийся нападению моряк не окажется в крайней опасности. Блай приказал также старому пьянице, судовому врачу Хаггену провести медосмотр матросов и офицеров и засвидетельствовать, что никто из них не страдает венерическими заболеваниями.

После этих мер предосторожности капитан Блай предоставил своей команде свободу действий. Он, разумеется, потребовал, чтобы мужская половина полинезийских гостей с заходом солнца покинула корабль, но в отношении их сестер и дочерей оказался настолько галантен, что разрешил им остаться на ночь на борту.

В течение последующих дней вся команда получила отпуски на берег. Те же, кто по долгу службы должен был какое-то время оставаться на борту, отнюдь не страдали от недостатка в обществе: вокруг «Баунти» постоянно носился целый рой всевозможных каноэ, переполненных молодыми девушками, которые стремились скрасить морякам их трудное одиночество. Цена полинезийской ночи любви составляла один гвоздь, туземцы делали из них рыболовные крючки. Но вскоре наступил день, когда капитану Бляю пришлось строго-настрого предупредить команду, что удалять гвозди с корабля запрещается, в противном случае из-за таитянской любви судно распадется на шпангоуты.

Для капитана Блая, в отличие от его экипажа, прибытие на Таити еще не означало достижения рая: прежде чем подумать об отдыхе, он должен был добыть и доставить на борт побеги хлебного дерева, а эта операция требовала осторожности и дипломатической игры. Чтобы понять все трудности Блая и представить себе то общество, которому суждено было сыграть такую роль в судьбе экипажа «Баунти», следует, пожалуй, вкратце рассказать об острове Таити и его жителях времен 1790 года.

Когда «Баунти» в 1788 году достиг главного острова архипелага, тот был поделен на владения различных вождей; каждый вождь обладал властью над своей долиной, простиравшейся от побережья до гористых, незаселенных внутренних районов острова. Условия жизни островитян отнюдь не соответствовали той идиллической обстановке (по Руссо), в которой европейские авторы тех времен обычно стремились изобразить любое примитивное общество. Вожди обладали неограниченной властью над своими подданными, а придворный этикет на некоторых островах был настолько строг, что, если пришедший на аудиенцию в обращении к полинезийскому вождю употреблял не подходящие случаю слова, ему тут же могли разmozжить голову. Простой таитянин при встрече с вождем должен был оголять верхнюю часть тела; лицам низшего сословия не разрешалось находиться на одном уровне со знатью. Вот почему при посещении европейских судов можно было наблюдать, как таитяне почтительно прыгали в воду, стоило кому-то из их властителей направиться в трюм.

Власть вождей передавалась по наследству. Считалось, что они ведут свое происхождение от богов, наградивших их маной — священной силой, которая могла разряжаться на манер электрической батарейки, едва они прикасались к простым смертным. Вещи или участки земли, «заряженные» маной, становились табу, а потому ни у кого не вызывало удивления, что вождей носили слуги; это делалось для того, чтобы они не касались земли, после чего простые смертные уже не могли бы на нее ступать. Ману наследовали через отца и мать, и, так как браки, как правило, совершались в кругу знати, с каждым новым поколением чудодейственная сила удваивалась, и ребенок всегда считался более могущественным, чем его родители. А потому сыновьям уже с рождения принадлежала власть, хотя отец правил от имени сына, пока тот не достигнет совершеннолетия. Интересы мелких правителей ограничивались войнами и развлечениями, и, поскольку не существовало ни судебных инстанций, ни полиции, вождям при нападении на селения соседней долины приходилось решать междоусобицы с оружием в руках.

На долю представителей низшего сословия падала вся черная работа. Эти люди до появления европейцев даже не знали, что такое металл. Свои орудия они мастерили из камня, костей, ракушек и дерева. Вместе с тем работали они весьма умело. Достаточно сказать, что их суда преодолевали тысячи миль в открытом океане. Не имея гвоздей, островитяне умудрялись пришивать доски к остову корабля, крыши домов делали из листьев пандануса или пальм, пол — из кораллового камня, а стены — из сплетенных пальмовых листьев. Но они не знали колеса, не умели применять глину для гончарных изделий. Пищу они готовили в земляной печи, а для того чтобы иметь какой-нибудь горячий напиток, им приходилось окунать раскаленные камни в наполненный водой сосуд из бамбуковых трубок. Одежда островитян состояла из пальмовых листьев либо из тапы, производимой из коры тутового дерева. Обрабатывать землю в привычном для нас понимании они не умели, да и потребностей в том, чтобы молотить и молоть, у них не было из-за отсутствия на островах зерновых культур, а также кукурузы. Бананы и хлебное дерево росли здесь без особого присмотра, а для ухода за та-

ро, бататом и сахарным тростником достаточно было время от времени поковырять в земле палкой. Кокосовая пальма начинает плодоносить через семь-восемь лет, зато и урожаи можно затем «собирать» на протяжении 70—80 лет. Когда же дерево становится очень старым, нужно лишь заблаговременно опустить в землю кокосовый орех и избавить себя от каких-либо забот по его выращиванию.

Такова была социальная среда, в которой капитану Блау предстояло раздобыть побеги хлебного дерева. Кстати, благодаря Блау один из вождей, которого сам Блай называет Тинахом, но которого полинезийцы звали Помаре, что означает «кашляющий» (у него начался туберкулез), приобрел власть над своими соседями. Роду Помаре суждено было править на Таити почти сто лет вплоть до смерти Помаре Пятого в конце прошлого столетия. Французы, которым после его кончины перешла власть, с насмешкой утверждали, будто его величество нашел сладкую смерть — преставился по причине чрезмерного потребления бенедиктина. В память о пристрастии усопшего к этому ликеру его подданные установили на надгробии урну в виде винной бутылки. Но именно скромные подарки Блая — несколько топоров и десяток-другой мушкетов — позволили прадеду последнего из Помаре распространить свою власть на весь остров Таити.

После того как Тинах-Помаре не без некоторой боязни решился наконец нанести визит на «Баунти», оставив кое-что весьма деликатное в своей домотканой юбочке, когда в его честь произвели салют из корабельной пушки, Блай облачился в самый нарядный мундир и нанес ответный визит. За несколько часов до этого события на большой марае, великой святыне наверху в горах, в жертву богам был принесен пожилой мужчина. Таким образом островитяне выражали надежду на то, что их женщины, посетившие «Баунти», принесут белых детей. Блай об этом ничего не знал. Он сидел, чопорно выпрямившись в своей нарядной свежевыутюженной форме, при парадной шашке, в то время как полуобнаженные молодые таитянки, до того не знавшие мужчин, покрывали его сухими пальмовыми листьями по местному обычаю. Свои манипуляции они сопровождали такими символическими движениями, в описании которых

более поздняя викторианская литература испытывала определенные затруднения. Тинах-Помаре воспользовался торжественным случаем, чтобы выклянчить у английского капитана новые подарки. Справедливость требует отметить, что Блай, который теперь чувствовал себя гораздо увереннее, как бы между прочим спросил, не собирается ли вождь послать что-нибудь взамен королю Георгу III.

— Но что могло бы доставить радость моему королевскому брату? — спросил Помаре.

— Я думаю, его величеству было бы приятно получить в подарок несколько побегов хлебного дерева из тех, что растут на твоём острове, — ответил лукавый Блай.

Тем самым вопрос был решен, и Помаре, видимо, испытывал большое облегчение при мысли о том, что ему удалось так дешево отделаться. Хлебных деревьев на Таити было предостаточно, столько, что никому не приходилось работать с землей. В языке таитян не было даже слова для обозначения понятия «работать», зато существовало более десяти слов для передачи интимных отношений между мужчиной и женщиной.

На следующий же день с «Баунти» направили на берег рабочую команду, и под руководством второго штурмана Флетчера Крисчена, садовника Нельсона и его помощника Брауна была построена теплица, в которой стали собирать и хранить побеги. В то время, как подчеркивали некоторые авторы, хлебные деревья цвели и их нельзя было сразу же пересадить. Именно этим обстоятельством объясняется, почему капитан Блай и его экипаж долгие пять месяцев оставались на Таити. Но эти домыслы не соответствуют действительности. Согласно инструкции адмиралтейства Блаю надлежало возвращаться домой парусным маршрутом севернее Новой Голландии*, однако он прибыл на Таити так поздно, что был вынужден ожидать момента, когда ветер и течение будут благоприятны для прохождения через опасный Торресов пролив. Именно в результате почти полугодового пребывания на Таити среди экипажа набралось достаточно людей для осуществления мя-

* Имеется в виду Австралия.— *Примеч. ред.*

тежа. Моряки узнали, что существует иная, более приятная жизнь, чем рабские будни на борту английских военных кораблей. Об этом свидетельствует и запись Блая в вахтенном журнале: «Дружеские отношения между туземцами и матросами приняли такой характер, что вряд ли найдется хоть один человек в команде, который не имел бы своего тью, или друга, на берегу».

Знал ли Блай подлинное значение слова «тью»? Таитянин, становившийся чьим-либо тью, считал своим долгом не только ублажать жену отсутствующего друга, когда тот ночью находился на рыбалке или в горах, но и присутствовать на хейве — танцевальном представлении в свою честь, в котором принимали участие все «свободные» молодые девушки, демонстрирующие свои прелести. По свидетельству Блая, хейвы «длились около получаса и сопровождались непристойными жестами и движениями». Другой же офицер несколько лет спустя писал, что, несмотря на отталкивающую манеру, «танцы были весьма интересны».

Оба описания, однако, страдают отсутствием истинной сути дела — мужчина, в чью честь устраивается хейва, должен выбрать одну из девушек и жить с ней не менее двух суток. Хейвы устраивались повсюду, и редко на долю моряков английского флота выпадала более приятная работа, чем та, которую выполняла команда «Баунти» во время своих походов на берег за побегами хлебного дерева и пресной водой. Из кустов выбегали девушки и требовали хейвы. Плотники и оружейные мастера, матросы и кадеты, штурманы, оба садовника и кок переходили от одной хейвы к другой, и вскоре половина мужского населения острова стала их тью. То, о чем они и мечтать не могли в Англии, здесь стало самым будничным событием. Члены экипажа, за пять месяцев пребывания на Таити сумевшие немного выучиться языку местных жителей, очевидно, знали, что их подруги вскоре принесут им детей, а на самом острове всегда найдется клочок земли, достаточно свиней и хлебных деревьев, чтобы безбедно прожить в старости. Не удивительно, что они с грустью ожидали дня, когда им придется покинуть архипелаг, мечтали вернуться обратно, даже если для этого им и придется бросить вызов строгим английским морским законам и поставить

на карту собственную жизнь. На рассвете 4 апреля 1789 года на «Баунти» были подняты якоря, и судно покинуло Таити, увозя на борту 1015 саженцев хлебного дерева. Несколько дней спустя вспыхнул мятеж...

5

Но вернемся к событиям нашего времени. Наступила полночь. Благоухание цветов с берега стало доношаться еще сильнее. Моторчик ялика по-прежнему не работал, но мы достали уключины и вместе с Питером Бруком погрузились в маленький ялик, который Пуа, один из двух матросов, направляет к берегу. В свете луны в тихом заливе вырисовываются деревья манго, папайи и акации. Преодолев вброд последние метры, мы подходим к скромной хижине Брука. Из-за кокосовых пальм, прямые стволы которых похожи на колонны собора, выбегают две молодые женщины. Под смех и громкие возгласы они осыпают меня цветами, выкрикивая одну и ту же фразу. Я спрашиваю Брука, что означают эти слова.

— Они кричат «апа ратере»,— отвечает он с улыбкой. — «Поцелуй меня, незнакомец». Поцелуй на Таити значит не больше, чем рукопожатие в Европе. Поздоровайтесь с ними красиво, по-таитяньски, и покажите, что цените их внимание.

Я следую его совету — женщины прелестны, и мне доставляет удовольствие вести себя именно так, как от меня этого ждут.

В пальмовом лесу раздается барабанная дробь. Из полумрака возникают фигуры мужчин и женщин, и в призрачном свете факелов начинается восхитительный танец, словно пробуждающий дремлющих духов жизни. Дурманящий запах цветов лишает меня дара речи, создает ощущение какой-то нереальности, мне кажется, что все происходит вне времени и пространства. Яжимаю руки всем, до кого удастся дотянуться, прикладываюсь щекой к множеству лиц и подставляю губы под множество поцелуев. С радостью вижу, как Пуа направо и налево раздает бутылки из запасов «Мейлис». Потом Питер Брук ведет меня к себе в хижину, показывает на множество томов, под грузом которых сгибаются бамбуковые полки, и просит извинить за то, что в творчестве писателей Южных морей имеются пробе-

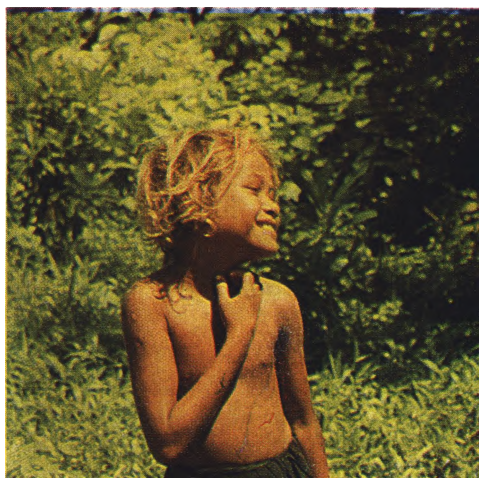
Рыбак Мака с островов Фиджи

лы — некоторые из книг ему пришлось размочить в воде, чтобы заделать дыры в курятнике.

Два-три часа спустя несколько белых мужчин сидят на берегу вокруг химаа, земляной печи, и задумчиво смотрят на бухту, туда, где на фоне ночного неба виднеются причудливые башни гор. Перед нами на земле лежат большие зеленые пальмовые листья с шестью сортами сырой рыбы. Ловкие вахины, окунув кусок в кокосовое молоко, кладут его нам в рот, так что мы даже не пачкаем руки. В старый резной умывальник неяркого красного цвета налита кокосовая водка, и мы макаем в нее хлеб. Разговаривать довольно трудно: гремят барабаны, с разных сторон доносятся звуки гитар, и девуш-

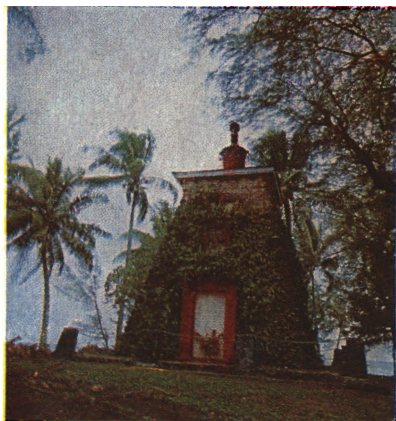
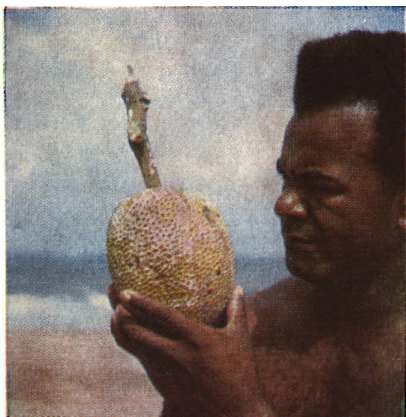

Мужчины острова Питкерн
поднимают грузы по канатной дороге на Острле
Школьница с острова Питкерн

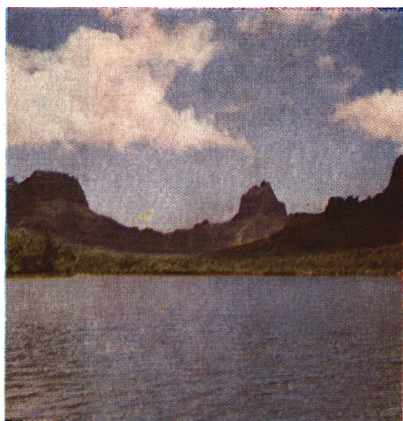

На берегу острова Moorea танцуют хейву
Плод хлебного дерева
Гробница короля Помаре У на Таити

Дети с островов Фиджи
Звонарь с острова Питкерн
Бухта Баунти-бей на Питкерне

Огнеходцы на острове Бенква в архипелаге Фиджи
Островитянин с архипелага Тонга

ки, не дав нам прожевать очередной кусок, уже подносят следующий, причем пищу приходится держать высоко, чтобы не схватили подкравшиеся собаки. Листья таро в свином жире и жареные бананы в сладком соусе сдабриваются пахнущими чесноком поцелуями, плодами инжира, красным вином и кокосовой водкой. Мы протягиваем девушкам сигары, они глубоко затягиваются, а мы тем временем жуем куриную ножку и пытаемся вести беседу. Но велик соблазн отказаться от всяческих бесед, ведь у вахин для нас столько предложений. Как насчет небольшой прогулки в пальмовую рощу, чтобы восстановить аппетит? Глаза у женщин огромные, как у антилоп, а черные волосы извиваются вдоль спины в такт плавным движениям танца.

На совместный ужин на берегу Моореа собрались члены клуба «Баунти». Среди них американец Уолтер Шерри по прозвищу Адам В Раю. Проведя молодость за скучным занятием коммивояжера, он обратил в доллары все свои пожитки и нанялся на шхуну, идущую в Папеете. На судне с грузом копры он добрался до Моореа, где стал пленником первой же девушки, которая подплыла к кораблю и бросила ему венки.

Присутствует здесь и другой американец, Джим Смит. Этот вел жизнь почтенного гражданина, продвигался вверх по служебной лестнице и годам к пятидесяти мог рассчитывать на пост начальника отдела в той страховой компании, куда отец определил его в 18-летнем возрасте. Но в одно прекрасное утро по дороге на службу Смит прочитал в метро книгу о рае Южных морей. Когда несколько часов спустя начальник вызвал его, чтобы устроить ему головомойку, он заявил:

— Не соблаговолите ли, сэр, рассчитать меня. Я направлюсь в Южные моря. Это, верно, единственное место на земле, где я, смею надеяться, забуду ваш нудный характер и отвратительную мясистую физиономию.

Он тут же получил расчет и направился на острова Общества.

Здесь и голландский художник Аад ван дер Хейде, человек беспокойный и неугомонный, исколесивший весь мир в поисках места, где бы оценили его талант. Он приехал на Моореа, чтобы доставить двенадцать коробок пива китайскому торговцу в Пао-Пао. Но когда

девушка, помогавшая заносить коробки на склад, внезапно повернулась, обняла за талию и утопила его лицо в своих длинных черных волосах, художник был «сражен на месте». Сейчас ван дер Хейде живет на оконечности мыса, пишет сотни портретов упомянутой девицы в надежде на то, что однажды мир признает в нем нового Гогена.

К членам клуба принадлежит и датчанин Вилли Лёвгрэн, 75 лет, бывший моряк, а ныне плантатор. Его в эти края, как в свое время экипаж «Баунти», привлекли могучие чары полинезийских женщин. О других членах клуба я не упоминаю. Мне кажется, что именно те, о ком я рассказал в нескольких словах, лучше, чем кто-либо иной, могут поведать жителям Европы, стоит ли променять респектабельное буржуазное существование на жизнь в том районе мира, который принято называть «Раем Южных морей».

Но вот начинает вырисовываться и мрачная сторона картины. Наблюдая за танцующими, которые, по моему, погрузились в полный транс, я замечаю бесформенную фигуру, безобразную пародию на человеческое существо. Это молодая девушка, вряд ли старше пятнадцати-шестнадцати лет. Руки у нее похожи на ляжки японского борца, а ноги настолько искривлены, что никакие ботинки на них не натянуть, левая половина лица раздута, словно огромный флюс, глаз не видно. Самое ужасное, что несчастная девушка, явно страдающая слоновой болезнью, оказывается в состоянии танцевать, и не как-нибудь переставлять свои похожие на столбы ноги, но и передвигаться с такой подвижностью, которая кажется мне просто непостижимой. Слоновая болезнь, вызываемая укусом комара *aedes polynesiensis*, приводит к вздутию лимфатических желез, кожа становится толстой, твердой и морщинистой, как у слона, а пострадавшие части тела приобретают чудовищные размеры. Даже в полумраке, когда лицо танцующей больной девушки освещается лишь отблеском факелов, можно заметить, что и другая его половина пострадала от болезни: ей трудно смотреть вторым глазом, и она передвигается на ощупь, как бы бочком. Девушка напоминает распространенные изображения Квазимодо, безобразного звонаря собора Нотр-Дам, из романа Виктора Гюго. Через несколько лет она, подобно многим со-

отечественникам, достигнет таких размеров, что ее придется возить на тачке.

Между тем никто из присутствующих не шарахается в сторону при виде этой несчастной. Одну из привлекательных сторон образа жизни на этих островах составляет отношение к тем, кто уродлив от рождения или отстает от других в своем развитии: эти обездоленные живут так же, как и все прочие жители. Я осторожно справился о больной девушке у одного из членов клуба «Баунти», и тот, прожевывая очередной кусок сырой рыбы, полученный от своей вахины, небрежно сказал:

— Возможно, это моя дочь.

— Возможно? Вы что, не знаете точно, дочь она вам или нет?

Он, улыбаясь, посмотрел на меня, и мне показалось, что он слегка смутился.

— Ни на Moorea, ни на других островах архипелага не существует понятия «внебрачные дети», — сказал он, — зато с понятием «супружеская верность» здесь тоже незнакомы. Одни вахины остаются с нами целый год, другие покидают через две-три ночи. У одного из моих друзей была вахина, которую он очень любил. Но она сбежала от него через четыре дня. Повстречав ее чуть позже, он спросил, из-за чего она ушла. «Я не выносила цвета твоего одеяла», — ответила женщина, причем она вовсе не лгала, это была чистая правда. Тогда он сказал ей: «В таком случае я куплю новое одеяло другого цвета. Ты вернешься ко мне, если оно будет синим или лучше желтым?» — «Можешь рассчитывать, что я останусь у тебя, если ты купишь синее одеяло с цветочками». Так он и поступил. Этот случай произошел четыре года назад, и сегодня женщина по-прежнему с ним. Но теперь, прежде чем купить что-нибудь для дома, он заранее спрашивается у нее о цвете. Судя по всему, Рари моя дочь. По крайней мере я жил с ее матерью, когда та забеременела, и до болезни Рари была немного на меня похожа. Но в бухте в те дни были и другие шхуны, и мать девушки с гордостью признавалась мне, что спала с капитаном и двумя матросами, за что получила в подарок три бутылки красного вина. Эти бутылки она хотела передать мне. Ей и в голову не приходило, что в этом есть что-то непристойное, напротив, она была убеждена, что обрадует меня своим рассказом и я толь-

ко крепче ее полюблю. Да мне и не в чем было ее упрекнуть — ведь она покинула другого ради меня.

— Она по-прежнему ваша вахина?

— Нет, она заболела проказой, и ее увезли в лепрозорий на Таити.

— А Рари живет у вас?

— У родителей матери. Она зовет меня отцом, но точно так же она называет почти всех мужчин на острове. По-полинезийски словами «отец» и «мать» называют всех дядей и тетей, тем самым нет ни одного ребенка, у кого не было бы родителей. Полинезийские девочки не играют в куклы, в этом у них нет нужды — вокруг всегда полно живых кукол, за которыми надо присмотреть. А Рари живется неплохо. Вы только посмотрите на нее. Она никуда не выезжала с этого острова. Все здесь к ней очень добры. Вполне возможно, что именно я произвел ее на свет, только я не признаю поговорки, будто тот, кому господь пошлет ребенка, получает вместе с ним и душевную боль. В тот самый миг, когда я дал ей жизнь, мой долг пред ней был выполнен сполна. Ее мать очень гордилась тем, что зачала ребенка от белого.

Я не стану называть имя человека, с которым мы только что беседовали. Позднее я узнал его как нежного отца детей Пао-Пао, человека честного и обязательного. Кровь Южных морей прочно вошла в его жилы. Вот и все, что можно о нем сказать. Он ничего не ответил, когда я задал ему последний вопрос:

— А если вы отсюда уедете, что станет с Рари? Не будет ли ее судьба укором вашей совести?

Под утро Пуа Теруатеа отвозит меня на судно. Пуа немного говорит по-французски и объясняет, что произошел он, очевидно, от норвежца. Ведя ялик длинными, осторожными гребками, он не спеша говорит:

— Моя мать жила с отцом как вахина три месяца. Он был матросом на корабле, часто заходившем в Папезте. У них был флаг — белый с синим крестом на красном фоне. Она была счастлива, что родила ребенка от европейца. Перед отъездом отец подарил ей авторучку. Но писать она не умела и выменяла ручку у китайского торговца на красную рубашку.

Я перелезаю через борт и направляюсь в каюту. Приятно будет чуточку соснуть. Но сначала надо сде-

лать запись в вахтенном журнале, чтобы не забыть события этой ночи. Достая журнал и ручку и устраиваюсь на стуле возле койки. И тут же замечаю, как кто-то шевелится под простыней. Раздается нежный девичий смех. Вахина с Моореа, одна из танцевавших хейву, готова составить мне компанию. Приоткинув простыню, она смотрит на меня веселыми черными глазами, и я подозреваю ее в коварном намерении воспользоваться чарами иссиня-черных волос для приманки своей жертвы. Благоухающий сандаловым маслом поток низвергается с подушки к грязному полу каюты. Янтарным цветом лица девушка похожа на цыганку, а ресницы у нее такие длинные, что их можно принять за крашенные перья. Улыбаясь, она показывает зубы, большие и такие белые, точно их покрыли эмалью.

Но, к счастью, волшебное настроение ночи исчезло. В руках у меня вахтенный журнал и ручка, а перед глазами Рари. Я вспоминаю, как она танцевала бочком, напоминая краба, в свете мерцающих факелов. Я вспоминаю Пуа, матери которого, уезжая, отец подарил авторучку. Моя же ручка предназначена для иных целей, и в частности для того, чтобы рассказать читателям о том, как живут и любят на Таити.

Я зову Пуа и прошу его отправить красотку на берег, снабдив ее бутылкой красного вина в подарок. Девушка не может понять, в чем дело, и, наверное, думает обо мне такое, о чем не скажешь вслух. Пусть будет так, зато в последующие годы мое душевное спокойствие не нарушат терзания о том, что я, быть может, оставил после себя такую же Рари на одном из островов, которые в глазах простого европейца являются воплощением эротического рая на земле.

Естествоиспытатель Коммерсон, до «Баунти» посетивший Таити на двух французских военных судах Бугенвиля *, был страстным поклонником Руссо и приветствовал его призыв «назад к природе». Возможно, именно поэтому он написал строки, которые позднее прочно

* Луи Антуан Бугенвиль (1729—1811) — французский мореплаватель. Во время кругосветного путешествия открыл ряд островов в Тихом океане. Бугенвиль изучал природу и население Полинезии.— *Примеч. ред.*

осели в умах европейцев и послужили основой их представлений о жизни на островах Южных морей:

«Люди на этих островах не знают иного бога, кроме любви; каждый день посвящен этому богу, каждый остров служит ему храмом, каждая женщина — алтарем, а мужчина — жрецом. А какие там женщины! По красоте они не уступят грузинкам, а по сложению их можно принять за сестер самой грации».

Бугенвиль писал: «Мне казалось, что я странствую по саду Эдема».

Признание капитана Кука: «Не думаю, чтобы на земле нашлось другое место, столь же роскошное и притягательное».

Джеймсу Норману Холлу принадлежат слова: «Эти острова полны волшебства, не подвластного времени».

Высказывание Стивенсона: «Полинезийцы если не лучшие, то, во всяком случае, милейшие создания бога».

Руперт Брук заключал: «Здесь вечность, здесь добро, красота и истина».

1

Адам В Раю, при рождении нареченный Уолтером Шерри, любезно отвечает на мои вопросы, не переставая ласкать свою вахину.

— До того как я попал на Моореа, я был очень нервным, — рассказывает он. — Курил запоем и все время мял в руках сигарету. Теперь же у меня под рукой есть вахина, которую можно ласкать и похлопывать; это успокаивает гораздо лучше, к тому же нечего опасаться, что получишь рак легких. Тебе, наверное, приходилось видеть жемчужные четки, которые арабы постоянно перебирают пальцами. Так вот, мою вахину можно сравнить с такими четками. Прекрасно успокаивает нервы, должен тебе заметить!

— Как ее зовут?

— По правде говоря, не знаю. Но я называю ее Серебряный Доллар. Она ведь и впрямь серебряный доллар, что переходит из рук в руки. Думаю, это имя ей нравится.

— Значит, тебе неизвестно ее настоящее имя?

— А тебя это шокирует? Послушай, раньше у меня была вахина из Папее, она немного говорила по-английски. Но эта вахина сбежала с одним французом, потому что у него был мотороллер. Тогда я нашел себе новую, но та предпочла мне торговца-китайца, приехавшего в Пао-Пао за копррой. Позавчера, когда я вернулся с праздника, устроенного в твою честь, я обнаружил в своей хижине Серебряный Доллар. Но мы оба не знаем французского, а ее обезьяний полинезийский язык я не понимаю, и мы решили не вдаваться в обсуждение мировых проблем.

— Как же вы решаете бытовые вопросы?

— К примеру, я покупаю курицу и говорю по-английски: приготовь ее, Серебряный Доллар. И она это

делает. Утром я заправляю постель и говорю: вот так это делается, сокровище мое. И она запоминает. А вообще-то она следует за мной как тень.

Мне хочется узнать о Серебряном Долларе побольше, и мы посылаем за Аадом ван дер Хейде, который сносно говорит по-полинезийски. Аад охотно выполняет роль переводчика, и вот уже я могу рассказать Уолтеру Шерри, что его вахину зовут Эритапета, ей, как она полагает, восемнадцать лет, а на Моореа она приехала четыре дня назад с острова Раиатеа, где живет совсем немного поаа (белых людей). Сойдя на берег в бухте Кука, она спросила знакомую девушку с Раиатеа, как ей познакомиться с кем-нибудь из белых жителей Моореа.

— Если дашь мне 100 франков (8 датских крон), я расскажу тебе, как это сделать, — ответила та.

100 франков — это было все, чем располагала Эритапета, но расход оказался вполне оправданным.

— Ступай к поаа, которого зовут Адам В Раю, и ложись в его постель. У него сейчас нет вахины.

Эритапета в точности последовала совету и на следующее утро узнала, что теперь ее зовут Серебряный Доллар. Проблема была решена.

— А что сказали твои родители, когда узнали, что ты собираешься поехать к поаа на Моореа?

— Мне пришлось пообещать матери, что я вернусь домой с белым ребеночком. Она всегда об этом мечтала, и если получит маленького поаа, то подарит мне новое платье. Теперь она должна мне также сто франков.

Я смотрю на Уолтера Шерри.

— Это, собственно, вполне естественно, — произносит он сдержанно, — но я, разумеется, не решаюсь писать об этом своей матери на Средний Запад. С ней случился бы удар. Время от времени она пишет сюда и спрашивает, чем я занимаюсь, на что я отвечаю, что изучаю природу и себя самого. Ведь это право каждого молодого американца.

— Но тебе уже за сорок и пора учебы миновала?

— Это так, но ты не знаешь моей мамы и считай, что тебе повезло. Я с удовольствием останусь вечным студентом на Моореа, лишь бы не жить с ней в одном городе.

На Moorea все течет и изменяется и всем правит случай. Правда, то же, как утверждают, можно сказать и о других островах Общества. Самая трудная работа здесь состоит в том, чтобы с помощью длинной палки сбивать плоды хлебного дерева или же забрасывать рыбацкую сеть в лагуне. Питер Брук лет десять твердит о статье, которую он намеревается написать, «когда у него будет время», а Джим Смит предполагает заложить кофейную плантацию, «когда в один прекрасный день станет настолько прохладно, что захочется копаться в земле». «Болезнь острова Moorea» у членов клуба «Баунти» в крови. Тут ни для чего не существует твердого и определенного времени. Едят, когда хотят. Пьют, когда испытывают жажду. Спят, когда клонит ко сну, и если до постели далеко, то ложатся под первым же кустом, только не под пальмой: если кокосовый орех упадет на голову, он может убить насмерть.

Аад ван дер Хейде года два поглядывал на красивую вершину поросшей зеленью горы, что высится прямо за его жилищем; он намеревался взобраться на нее и трижды был уже на пути к горе, но всякий раз прибегала его вахина и просила отложить поход: дело «кажется таким утомительным».

Торговец-китаец открывает свою лавку, когда появляются покупатели, пусть даже к нему постучатся среди ночи. Конечно, и на Moorea можно сказать кому-нибудь: «Встретимся в десять часов», но шансов на то, что встреча состоится, не так уж много, потому что твердой договоренности здесь не существует.

В большом домике из пальмовых листьев, который служит на Пао-Пао школой, учитель-полинезиец обучает детей французскому языку, но лишь немногие жители Moorea могут изъясняться не только на местном языке. Да и как может быть иначе, если дети посещают школу, когда им вздумается; славная история Франции их совершенно не интересует — когда ее проходят, школа пустует, а ребяташки тем временем плещутся в лагуне. Кто-то весьма удачно сказал об островах Общества: «Здесь у французов политическая власть, у китайцев деньги, а у полинезийцев развлечения».

Но что это за развлечения? На мой взгляд, на Moorea и Таити, да и на других островах архипелага скучнее, чем у нас в Скандинавских странах. Я осмелюсь

даже утверждать, что в конце концов вам придется жизнь с женщиной, с которой вы не можете поговорить о житейских проблемах; вам до смерти надоест закидывать сеть в лагуне после того, как вы сделаете это первые пятьсот раз, и вы будете воротить нос от самого сочного плода манго. Уолтер Шерри, возможно, прав, утверждая, что любовь местных девушек может в порядке разнообразия успокоить нервную систему, но вряд ли она является той таблеткой, которую можно принимать всю жизнь. Человек живет не только любовью и родниковой водой; красота окружающего ландшафта и безмятежное безделье не в состоянии целиком заполнить его душу — если отнять у него труд и волнение, человек непременно деградирует.

75-летний Вилли Лёвгрэн понял это, и он единственный попал на острове Моореа, который всегда трудился. Остров видел немало адамов-в-раю, которые, прожив в Пао-Пао два—три года или побольше, неожиданно исчезали на шхуне, оставив после себя кучу ребятишек.

— Они всегда говорят, что поедут в Папеезе что-нибудь купить, — произносит старая островитянка, — но никогда не возвращаются назад. Ведь для них существует мир по ту сторону океана, мир, о котором мы ничего не знаем и в который никого из нас не пускают.

Но старого Вилли в таком грехе не упрекнешь. Он приехал на Моореа сорок лет назад и с тех пор не покидал острова. В Папеезе его называли «Самый чистый кочегар Тихого океана». Хотя время от времени Вилли и нанимался на какое-нибудь судно кочегаром, он всегда появлялся в лучшей гостинице городка в ослепительно белой одежде и с деньгами в кармане. Однажды Вилли познакомился с последней королевой Таити, Марату, правда, тогда уже не правящей. Дочь королевы, принцесса Текау, поручила ему купить в Калифорнии семена цветов, и Вилли заработал на этом столько, что смог купить на Моореа немало земли в пустынных горных долинах. Проложив к своим владениям дорогу, он стал разводить кофейные и ванильные плантации. Но вскоре его вахина заболела проказой, и ее отправили в лепрозорий недалеко от Папеезе, где она скончалась десять лет спустя. С той поры жизнь словно бы остановилась для Вилли Лёвгрена.

Как-то вечером я отправился на берег, чтобы навестить Вилли в его простеньком домишке близ деревеньки Махарепя. Шел дождь, теплый и ароматный. Домик насквозь промок, картонные стены и двери наполовину прогнили. Вилли с трудом зажег шипящую керосиновую лампу и сдвинул с кровати кастрюлю и тарелку.

— Я как раз ужинал, — сказал он. — Еду готовлю утром и оставляю ее на весь день.

Единственным украшением комнаты служили наклеенные на стену журнальные вырезки кинозвезд мира. В неверном свете керосиновой лампы искаженное лицо Мэрилин Монро смахивало на припудренную детскую попку. Снаружи ветер раскачивал кроны хлебных деревьев, и струйки воды, журча, стекали с листьев пальм.

Постепенно завязалась беседа.

— Это Хенрик Кавлинг виноват, что я сижу тут, — говорит Вилли с улыбкой. — В молодости я не мог оторваться от его книги об Америке, она так меня потрясла, что я отправился взглянуть на мир. Особенно врезались мне в память три рассказа. Кавлинг писал о том, что в штате Айова можно слышать, как растут хлеба, рассказывал о переселенцах Калифорнии, а также о том незабываемом моменте в жизни скандинавских эмигрантов, когда они впервые вонзают плуг в американскую целину. Все это я стремился увидеть собственными глазами. Мне это удалось, и я убедился, что Кавлинг ничего не выдумал. Но, путешествуя, я потерял контакт со своим прошлым, с семьей, родиной. Когда ты молод и тебя все интересует, это не так страшно, но когда становишься стариком, как я, то порой испытываешь горечь от того, что у тебя нет твердой почвы под ногами. Если бы еще на склоне лет рядом с тобой была верная спутница, то многое, наверное, было бы по-иному. Полинезийская вахина — совсем не то. У меня есть дети и внуки, столько, что я затрудняюсь даже назвать их число. Они приходят ко мне в гости, и все равно для меня они как чужие. Они называют дедушкой всех пожилых людей деревни. Так здесь принято, но меня это нередко раздражает. Ведь это я их дед; они же этого не понимают. «Все старики Махарепы наши деды», — говорят они. Так ли уж приятно делить честь родства со всей деревней? Вот почему я

все чаще вспоминаю Рандерс, где прошло мое детство. И хотя я не был там со времен юности, он кажется мне удивительно близким.

Дождь усилился, крыша из пальмовых листьев набухла, стала протекать. Под носом Брижжит Бардо образовалась клякса.

— Да, в моей жизни было много вахин, — после некоторого молчания продолжает Вилли. — Когда я, молодой и неженатый, приехал на эти острова, мужчине задавали тут лишь два вопроса: есть у тебя женщина за океаном? Ты мормон? На оба вопроса я с полным правом мог ответить отрицательно, так что за мной принялись охотиться, как за диким зверем.

Но к тому времени я успел повидать немало. Увидел, как растет хлеб на Среднем Западе. Был ковбоем в прериях Аргентины, сборщиком апельсинов в долинах Калифорнии, взбирался на снежные вершины Новой Зеландии, а потом был самым богатым человеком на Моореа... И вот теперь сижу здесь и тоскую по Рандерсу, который и не знаю вовсе.

Прощаясь, Вилли Лёвгрэн жмет мою руку и говорит:

— Моореа нередко называют островами любвеобильных женщин. Нет, друг мой, им гораздо больше подходит название «Острова детей, не имеющих родителей».

2

В одно прекрасное утро мы оставляем за кормой бухту Кука на Моореа и, обогнув рифы, берем курс в открытое море. к месту, где некогда произошел мятеж на «Баунти». Дует свежий ветер, и волны становятся все круче. Наш парус еще трепещет, когда «Мейлис», окруженная, словно голыми скалами, массой бурлящей воды, скользит вниз, и надувается до предела, едва смелый корабль начинает скакать по пенистым гребням волн. Резкие порывы бьют парусину, кажется, будто стреляют из револьвера. Громко скрипят снасти. Шквал за шквалом проносится над палубой. Большую часть дня горизонт закрыт черно-серыми занавесями туч, но стоит прорваться лучам солнца, как жара мгновенно становится тяжкой, как свинец.

Настроение на судне подавленное, но ведь я никого не соблазнял плыть с нами. На борту находятся Аад,

Уолтер и Эритапета, вахина Уолтера по прозвищу Серебряный Доллар, им хотелось немного развлечься. И хотя они знали, на что шли, все же я испытываю большие угрызения совести из-за Эритапеты: она прижимается к койке и громко кричит всякий раз, когда «Мейлис» скользит вниз.

Справа по борту лежит коралловый остров, и я приказываю капитану Рене Кимитете укрыться на ночь в лагуне, если это возможно. Мы скользим сквозь проход в рифе, спускаем ялик и гребем к берегу. С одурманенными головами едва бредем по песку в тени кокосовых пальм, ветви которых овеивает слабый ветер. Глаза щиплет морская соль. Едва дойдя до низкого кустарника, мы в изнеможении валимся в тень, спугнув сотни крабов, которые врассыпную уползают в укрытия. В голове все еще ходит ходуном палуба, зато под ногами уже твердая почва. Волны лижут берег всего в нескольких метрах отсюда, но достать нас они бессильны. Земля возвращает всем хорошее настроение, и Эритапета принимается танцевать под пальмами. Правда, не исключено, что танец вызван песчинкой, попавшей девушке под кожу ноги. Небо прояснилось. Взору открываются синее полотно небес и бурлящая пена там, где риф преломляет горизонт.

Коралловый островок носит название Тетиароа. С ним связана удивительная история. В былые времена женщина благородного происхождения на Таити или Моореа не могла выйти замуж, если не достигала веса, по нашей весовой системе, равного 80 килограммов. Чем она была толще, тем больше знатных женихов вертелось вокруг нее, а если ей так уж везло, что удавалось поднять вес свыше 100 килограммов, то у нее появлялись шансы стать женой вождя. На танцевальных праздниках — хейвах — распевали о молодых, тучных красавицах, чья грудь была тяжелее отборных кокосовых орехов, а бедра такие толстые, что мешали ходить. Девушки, достигшие брачного возраста, отправлялись на Тетиароа, где их прежде всего хорошенько откармливали, словно страсбургских гусынь, а затем пожилые матроны из окружения вождей обучали искусству любви. Для них забивали бесчисленное множество черных свиней, мясо шпиговали и поглощали с кокосовой мукой и густой кашей из плодов хлебного дерева.

На острове Тетиароа — своеобразном «пансионате» для благородных девиц, дочерей местной знати, — находилось несколько хижин. Там девушки, готовившие себя к замужеству, были заняты тем, что старались придать своей коже бледный оттенок: это считалось особо привлекательным. Стены хижин были покрыты полосками тапы и сплетенными листьями, чтобы лучи солнца не проникали внутрь, а на пол стелили циновки из листьев, политые кокосовым маслом. Долгие месяцы благородные девицы сидели в этих душных печках и были заняты только тем, что бесконечно ели. Прежде чем отправить их ко двору вождей на Таити, им украшали волосы цветами и давали возможность полюбоваться собой в зеркале из половинки кокосового ореха, заполненной водой. Последние дни пребывания на острове девушки занимались массажем тела. Только после этого они были готовы к тому, чтобы сделать хорошую партию.

Пребывание на острове Тетиароа мужчинам запрещалось, однако трое участников восстания на «Баунти» нарушили запрет и тем самым уничтожили священную силу острова. Когда «Баунти» находился в бухте Матаваи на Таити, капрал Чарлз Черчилль, отвечавший за поддержание порядка на борту, и двое матросов — Уильям Маспрет и Джон Миллуорд — решили бежать с корабля, чтобы провести остаток жизни в обществе красивых таитянок. Захватив восемь мушкетов и мешок пороха, они проплыли тридцать морских миль по открытому морю до острова Тетиароа. Они не сомневались, что, останься они на Таити, Тинах-Помаре выдаст их по требованию капитана Блая. Зная же славу острова Тетиароа, они полагали, что ни один таитянин не осмелится ступить на его землю и что таитяне сделают все возможное, чтобы помешать другим членам экипажа «Баунти» высадиться на острове. Одного только эта троица не рассчитала: толстухи их попросту прогнали. Им пришлось вернуться на Таити, где они были подвергнуты аресту, их высекли и, заковав в кандалы, бросили в трюм корабля. Но появление мужчин положило конец привилегиям острова, и с тех пор на Тетиароа никто не жил, если не считать короткого периода времени.

Мы остаемся на острове на ночь. Сбрасываем на берег матрацы и противомоскитную сетку. Матрос Пуа зажигает костер, Эритапета начинает жарить на раска-

На берегу острова Моореа

ленных камнях отбивные, а мы, трое поаа, отправляемся принять послеобеденную ванну в лагуне. На берегу поднимает голову черепаха. Раскачивая высохшей морщинистой шей, она с удивлением взирает на мою скромную особу, направляющуюся к воде в длинном халате и с тростью в руке.

После купания мы совершаем небольшую прогулку по острову, благо есть время. Тысячи кокосовых пальм гнутся под тяжестью плодов, всюду на земле разбросаны груды кокосовых орехов. Их больше никто не собирает и не перерабатывает на копру. Да и кому этим заниматься? Часто ли люди посещают Тетиароа — раз в четыре-пять лет? Никакой ценности остров больше не представляет.

Но одно время он служил местом ссылки маху, что в переводе означает «женоподобные мужчины». В обществе, где об интимных отношениях между мужчиной и женщиной можно говорить столь же открыто, как и об удовольствии от хорошей пищи, весьма терпимо относятся к тем проявлениям отдельных индивидов, которые

не могут быть отнесены ни к мужским, ни к женским началам, а скорее представляют собой сочетание тех и других. На островах Общества до сих пор немало маху, и в этой связи уместно вспомнить слова Гогена о таитянах: «Ветер с моря и из лесов укрепляет легкие, расширяет плечи и бедра. Ни мужчины, ни женщины не защищены от лучей солнца или от камешков на берегу. Вот почему здесь есть что-то мужское в женщинах и вечно женское в мужчинах».

Слова эти справедливы и сегодня. Здешние нравы и обычаи позволяют мужчине, который хотел бы перевоплотиться в женщину, осуществить свое желание. Он одевается, как женщина, и предпочитает женские занятия мужским. Более того, он даже в какой-то мере гордится своей принадлежностью к маху. Американский писатель Уиллард Прайс, изучавший эту проблему, рассказывает, что маху известны повсюду на Таити, и приводит множество тому примеров. Мы лишены возможности на страницах этой книги приводить данные в пользу высказываний американского писателя или же опровергать их, но то обстоятельство, что маху не являются отщепенцами общества и к ним относятся так же, как и к другим людям, которые не попадают под общепринятые мерки, лишь делает честь таитянам. Правда, какое-то время поклонение маху взяло верх, и часть из них вывезли на Тетиароа, который ранее был недоступен мужчинам. По рассказам, на острове проживало свыше полусотни маху, и их маленькое своеобразное сообщество могло бы служить образцом для других островов. Маху, в частности, усыновляли детей и воспитывали их в лучших полинезийских традициях. Однако после того, как упали цены на копру и переработка кокосовых орехов перестала себя окупать, общество захирело и в конце концов распалось.

Какова дальнейшая судьба этого острова, предсказать трудно. Сейчас на нем никто не хочет жить, но может случиться, что со временем в силу каких-то непредвиденных обстоятельств остров привлечет к себе внимание. Во время съемок на Таити фильма «Мятеж на Баунти» американский киноактер Марлон Брандо, исполнитель роли Флетчера Крисчена, влюбился в таитянку и прижил с ней ребенка. Год назад он вел с французской администрацией переговоры о покупке Тетиа-

роа, но пока еще не ясно, как решен этот вопрос. Сегодня, когда мы посещаем остров, он похож на райский сад, и мне кажется, что прозвище Уолтера Шерри — Адам В Раю — вполне соответствует действительности!

3

Во время нашего плавания я обнаружил, что Эритапета называет меня Ани. Сначала я подумал, что это просто переименованное имя Арне, но Аад пояснил, что полинезийцы на нашей шхуне зовут меня Ани-Таате — «спрашивающий и записывающий». Все белые люди, попадающие на острова, получают какое-нибудь полинезийское прозвище, и я благодарю судьбу за то, что меня миновала участь моего коллеги американского журналиста, который хвастался тем, что полинезийцы называют его пуа'а. Правда, он несколько поутих, когда узнал что пуа'а означает «воняющий, как свинья».

Мы с Аадом все больше узнаем об Эритапете, но пока не беремся утверждать, принадлежит ли она к числу типичных вахин у поаа. Своего отца она не знала, но полагает, что им был моряк с архипелага Тубуаи. У ее матери, которой сейчас 33 года, имеется клочок земли и небольшой домик на Раиатеа. На вопрос, чем занимается мать, Эритапета неизменно отвечает одной и той же фразой: «ора э ареареа», что, как переводит Аад, означает «она живет, и ей весело». В этих словах весь духовный мир Эритапеты. Ведь и она забралась в постель Уолтера ради ора э ареареа — она мечтает о легкой и приятной жизни, которая достанется ей с наименьшей затратой сил. Стоит ли ей думать о завтрашнем дне? Она понятия не имеет о цели нашего плавания и не задумывается над тем, почему мы оказались на борту «Мейлис», зато до мельчайших подробностей знает историю о Марлоне Брандо и девушке из Папеете и считает эту красавицу самым счастливым человеком на земле. Подумать только — родить ребенка от Марлона Брандо и привезти его домой к матери на Раиатеа! Эритапета очень хочет вернуться к матери, но не раньше, чем сможет привезти с собой ребенка. Иными словами, она хочет сделать карьеру.

Увлечения Эритапеты на Раиатеа в юные годы также отличаются от того, к чему привыкли подростки в Скандинавии. Кинотеатр на родном острове не очень ее

привлекал. Самым большим удовольствием для нее было присутствовать при родах. Обычно, когда предстоят роды, старики и молодежь собираются вокруг дома, где находится роженица; двери и оконные рамы выставляются, и роды происходят на глазах у публики. Эритапета может без конца рассказывать о тех родах, на которых ей довелось присутствовать, и искренне надеется, что, когда наступит великий момент и она сама произведет на свет ребенка от попаа, вокруг нее тоже соберется много народу.

— И тебя не смущает, что мужчины и женщины будут смотреть, как ты в муках рождаешь ребенка?

Прежде чем перевести мой вопрос, Аад разъясняет, что большинство таитянок рожают, следуя обычаю расслабления, и это, по-видимому, во многом облегчает боль.

Ответ Эритапеты звучал примерно так:

— Меня это не смущает, если только в доме будет достаточно красного вина и пирогов для гостей.

О Франи (Франции) она знает, что «это страна, откуда приезжают мужчины, которые нами правят», а о Соединенных Штатах Америки говорит: «Там много мужчин, которым нравятся таитянские женщины». Эритапета ходила в школу, но посещала ее нерегулярно и способна, очевидно, только написать свое имя.

Кажется, между ней и матросом Пуа зреет взаимная симпатия. Она считает, что ни Уолтер Шерри, ни остальные ничего не замечают, и мы оставляем ее в этой уверенности.

— Какое это имеет значение, — говорит Уолтер Шерри, — я все равно собирался расстаться с ней по возвращении в Папеете.

— А как же ребенок, которого она собирается завести?

— О, Серебряный Доллар всегда найдет для этого какого-нибудь попаа. После того как аэродром в Папеете стал доступен для реактивных самолетов, сюда приезжает множество американских туристов, заранее решивших для себя, чего они ждут от пребывания на островах любви. На Таити ходит в обращении так много серебряных долларов...

Такова романтика на островах Общества во второй половине нашего столетия!

В полдень, когда Тихий океан избородили огромные черные волны, мы оказались примерно в тех местах близ острова Тофуа в архипелаге Тонга, где произошёл мятеж на «Баунти».

Ещё с мальчишеских лет я интересовался его историей, и сегодня у меня такое ощущение, будто я знаю каждого из участников восстания. Ко дню совершеннолетия отец подарил мне книги Чарлза Нордхоффа и Д. Н. Холла «Остров Питкерн», «Восстание на „Баунти“» и «В борьбе с океаном» и полушутя сказал:

— Когда-нибудь ты сам попадешь на Питкерн и расскажешь своему старому отцу, как живут там потомки мятежников.

Его пророчество сбылось только частично: когда корабль доставил меня на Питкерн в апреле 1961 года и бросил якорь перед поселком на острове, нас встретили островитяне в открытых лодках. Они привезли с собой телеграмму, которая извещала о кончине отца. С тех пор меня не покидало желание вернуться в эти края и написать правдивую историю об участниках мятежа на «Баунти» и об их потомках, рассказать о людях, живущих в этих краях в наши дни. Именно эту книгу вы и держите сейчас в руках. В моей власти направить арендованную шхуну «Мейлис» куда угодно. Я могу пригласить на борт тех, кого мне хочется порасспросить. Могу потратить на путешествие недели или месяцы. Лишь одного я не могу сделать: перепрыгнуть через ограду в самом удобном месте и построить свой рассказ на основе столетней романтической традиции, не исследовав досконально всей истории. Позвольте поэтому поведать вам о том, что известно об утре мятежа и предшествующих ему днях из источников тех времен, и я прошу читателя отвлечься от вводящих в заблуждение кинофильмов и кровавых романов на эту тему. Остались вахтенные журналы и дневники капитана Блая, первого штурмана Джона Фраера и матроса Джеймса Моррисона, рассказ матроса Александра Смита (он же Джон Адамс), записанный много лет спустя на острове Питкерн, а также некоторые свидетельские показания членов команды, которые были даны военному трибуналу в ходе рассмотрения дела мятежников. Все эти источ-

ники позволяют воссоздать довольно верную картину событий тех давних дней. Правда, установить совершенно точно координаты места, где произошел мятеж, нам не удастся — известно лишь, что он начался где-то между островами Аннамоока и Тофуа в архипелаге Тонга.

«Приезжайте на Таити, и вы станете другим человеком», — говорится в проспекте туристского бюро в Папеэте. Эти слова могли повторить члены экипажа «Баунти», когда 4 апреля 1789 года судно подняло якоря и покинуло «земной рай» (слова самого Блая), увозя на борту саженцы хлебного дерева, которые предстояло высадить в Вест-Индии: матросы и офицеры были уже совсем не теми людьми, которые более года назад отплыли из Англии. Судя по всему, большинство матросов было обуреваемо одним желанием — снова увидеть Таити. Местные жители относились к ним, как к людям высшего сословия, сам Тинах-Помаре и подчиненные ему вожди не раз признавались, что моряки нужны им для военных походов с целью завоевания соседних земель. Они знали также, что таитянки примут их с распростертыми объятиями, а тую дадут им кров и землю. И вдруг как гром среди ясного неба: Блай потребовал возобновления прежнего, столь ненавистного всеми корабельного режима. Всего какой-то день — и они снова стали людьми низшего класса, не оставлявшего им никакой надежды на лучшее будущее. На смену хейвам с участием таитянок должны были прийти дешевые проститутки, обитательницы плимутского дна. О незабываемой охоте в прохладных долинах южных островов они смогут рассказать и в прокопченных лондонских трактирах, но нет возврата к радостным дням, если только они не возьмут судьбу в собственные руки и не проложат путь к той жизни, которая, как им казалось, уготована им на Таити, — легкий и приятный путь к земному счастью. Вот почему, как нам кажется, мысль о восстании бессознательно приходила на ум отдельным матросам на «Баунти».

Но жизнь на Таити не прошла бесследно и для Блая. Он покинул Англию в чине лейтенанта, что явно не могло его не огорчать. По возвращении из удачно завершённой экспедиции Блай мог рассчитывать на произ-

водство в капитаны, но он отлично знал консерватизм адмиралтейства и его строгие требования неукоснительной дисциплины среди рядового состава. Среди офицеров Блай был известен как человек мягкий, как капитан, придерживающийся современных взглядов. Между тем члены экипажа «Баунти» во время экспедиции совершали серьезные проступки, не получив за это телесных наказаний. И вот, находясь в бухте Матаваи, Блай круто переменял тактику. По его приказу семь человек были подвергнуты жестокой порке (шестеро из них несколько недель спустя оказались среди зачинщиков бунта). Адмиралтейство ни в коем случае не должно было думать, будто сам Блай ослабил дисциплину, ведь это может стоить ему капитанского чина! Каждое телесное наказание скрупулезно фиксировалось в вахтенном журнале. «Капитан стал настоящим палочником», — роптали матросы, и записи в вахтенном журнале это подтверждают: 22-летний сирота Александр Смит (Джон Адамс) был привязан к трельяжу и получил 12 ударов в присутствии островитян лишь за то, что одному таитянину удалось украсть рулевой крючок с парусного ялика в то время, когда Смит стоял на вахте. Кок Роберт Лемб был подвергнут наказанию за то, что «позволил украсть свой топор», матрос Мэтью Томпсон — за «дерзость и неповиновение», капрал Чарлз Черчилль и матросы Уильям Маспрет и Джон Миллуорд получили соответственно 24 и 48 ударов каждый (в два приема) за бегство на Тетиароа. Отчаянное письмо этих моряков с просьбой о помиловании перед исполнением второй части наказания Блай попросту оставил без внимания. Матрос Айзек Мартин получил 19 ударов за то, что побил туземца.

Мы можем лишь догадываться о внезапной перемене в характере капитана Блая — того самого Блая, кто по пути к островам Южных морей уступал капитанскую каюту измученным и обессиленным морякам и кто в начале пребывания на Таити предоставил экипажу широкую свободу. Быть может, частично это объясняется тем, что гнев капитана после отплытия с Таити прежде всего обрушился на его бывшего протеже и примерного ученика Флетчера Крисчена, который руководил группами моряков на берегу, а потому в глазах местных жителей считался персоной более важной, чем сам капи-

тан. Блай, скорее всего, опасался, что адмиралтейство может приписать Крисчену главную заслугу в успешном сборе саженцев хлебного дерева и продвинет его по службе в обход капитана, который в вахтенном журнале постарался отразить возникавшие дисциплинарные трудности. Вместе с тем в своих рапортах Блай не мог оскорбительно писать о Флетчере Крисчене, которого сам же возвысил до первого штурмана, обойдя старшего по возрасту и более опытного штурмана Фраера. Он завидовал Крисчену... и, возможно, немного побаивался его, ибо брат Флетчера, Эдвард (позднее ставший профессором юриспруденции Кембриджского университета), в Англии тех времен был лицом значительным. Поведение Блая в последующие недели дает основания именно для такого толкования — капитан постоянно придирался к Крисчену, порой без малейших на то оснований.

В ночь с 26 на 27 апреля «Баунти» двигался между островами Аннамоока и Тофуа в архипелаге Тонга. На палубе валялись груды кокосовых орехов, которые офицеры и матросы выменяли у жителей Аннамооки. Орехи эти не представляли особой ценности для владельцев, и поэтому их не убирали с палубы. Блай, появившийся на палубе утром 27 апреля, был, как всегда, ворчлив и раздражителен. Ему кажется, что его куча орехов за ночь поуменьшилась, и он кидается на Флетчера Крисчена, дежурившего ночью:

— Черт бы вас подрал, — рычит он на своего штурмана в присутствии других членов команды, — это вы украли мои орехи!

Крисчен в первый момент держит себя в руках и отвечает вполне вежливо:

— Верно, сэр, я взял один орех, так как очень хотел пить. Но неужели это имеет какое-нибудь значение, ведь у вас столько орехов! И к тому же я уверен, что никто другой ваших орехов не трогал.

Но Блай полностью теряет самообладание и дает выход накопившейся ярости. Он обвиняет штурмана в постоянной лжи и обмане, и, когда тот пытается робко возразить: «Почему вы обращаетесь со мной подобным образом, капитан Блай?», капитан корабля, размахивая кулаками перед лицом штурмана, кричит:

— Заткнитесь, паршивый мелкий воришка!

Блай бушевал, как безумный. Всю команду вызвали

на палубу и каждому приказали выложить запасы кокосовых орехов перед собой. И каждому капитан задавал одни и те же вопросы: сколько орехов куплено лично для себя? Сколько орехов уже съедено? Когда очередь дошла до Крисчена, последний тихо ответил:

— Я не знаю, сколько орехов я съел из тех, что принадлежат мне, но надеюсь, вы не считаете меня настолько жадным, чтобы я мог воровать из ваших запасов.

(Следует помнить, что в последние пять месяцев на палубе лежало такое множество орехов, что каждый мог брать себе столько, сколько хотел.)

— Да, паршивый сукин сын, — рычит Блай, — вы, конечно, украли у меня, иначе вы бы лучше знали, сколько у вас орехов!

Вслед за этим он зовет писаря Сэмюэля и приказывает ему уменьшить норму выдачи рома как для офицеров, так и для матросов и наполовину сократить рацион ямса. Кроме того, он, по-видимому, конфисковал все орехи. (Правда, по этому поводу во всех дневниках и вахтенных журналах существуют расхождения.)

Трудно сказать, почему Блай вел себя так неразумно, но известно, что позднее он сожалел о своей выходке и пригласил Крисчена на обед к себе в каюту. Штурман отказался. Однако не приходится сомневаться, что именно неразумные действия капитана, а также убежденность команды в том, что до Таити всего несколько дней пути, послужили внешним поводом к мятежу и сделали Флетчера Крисчена его предводителем. По мнению ряда авторов, бунт носил социальный характер, ибо все четырнадцать матросов, выполнявших на судне самую опасную и тяжелую палубную работу, находились на стороне восставших. Но такое утверждение вряд ли оправданно, так как два самых рьяных бунтовщика — Флетчер Крисчен и гардемарин Эдвард Янг — принадлежали к привилегированному классу, тогда как многие из тех, кто сохранил верность капитану Блаю, были простыми матросами.

Но Флетчер Крисчен надломлен, а его самолюбие настолько уязвлено, что он, громко рыдая, с искаженным лицом бросается на носовую палубу. После обеда он собирает провизию и одежду, чтобы при первой возможности попытаться на бревнах доплыть до Тофуа, вулкан которого виднеется в отдалении. Но ветер ме-

няет направление, и «Баунти» удаляется от вулканического острова.

На первый взгляд поведение самого Крисчена может показаться ребячеством, действия его непродуманны и импульсивны. Но штурман слишком хорошо знает Блая и понимает, что сделанное им признание в краже одного кокосового ореха будет использовано Блаем против него при окончательном расчете в Англии. Столь мелкий эпизод может испортить всю его карьеру.

Наконец Флетчер Крисчен забирается на койку и забывается сном. Когда наутро его будит гардемарин Стюарт, лучший друг штурмана на корабле, тот сразу понимает, что Крисчен испытывает к Блаю такую же ненависть, как и накануне.

— Удовлетворение можно получить разными способами, — намекает Стюарт, пока Крисчен одевается. — Люди устали от притеснений Блая и пойдут на что угодно.

Итак, роковые слова произнесены. Теперь Крисчен кажется совершенно спокойным. Он отправляется на палубу и беседует с теми, кто подвергался телесным наказаниям и кого он считает заклятыми врагами Блая. Все они, за исключением Лемба, настроены выступить против капитана, если команда согласится плыть обратно на Таити. К счастью для заговорщиков, в этот момент один из вахтенных закричал:

— Слева за кормой акула!

Крисчен воспользовался предоставившейся возможностью для того, чтобы овладеть оружием. Крикнув, что хочет взять мушкет и застрелить акулу, он бросается к переднему люку и открывает оружейный ящик. Через несколько минут у каждого из мятежников в руках по мушкету, и все они хорошо понимают, что закончат свой путь на виселице, если мятеж потерпит неудачу.

«На рассвете, — позднее напишет капитан Уильям Блай в своем донесении адмиралтейству, — в мою каюту вошли вахтенный офицер Флетчер Крисчен, капрал Чарлз Черчилль, матрос Томас Беркит и канонир Джон Миллз. Я еще спал, и они захватили меня в плен, связали крепкой веревкой руки за спиной и, приставив к груди эспадроны и штыки, угрожали тут же меня прикончить, если я подниму шум».

— Одумайтесь, друзья, что вы делаете! — говорит

Джон Фраер, будучи разбужен и увидев ствол мушкета перед глазами. — За мятеж не бывает другого наказания, кроме смерти!

— Мы понимаем, — отвечает Флетчер Крисчен, — но обратного пути у нас нет.

В последующие часы предводитель мятежников проявил гуманность, предоставив в распоряжение Блая и тех, кто сохранил ему верность, судовой баркас, который, конечно же, не слишком подходил для плавания в открытом море, но на котором лоялисты могли добраться до острова Тофуа или Аннамоока. Крисчен решительно воспротивился какому бы то ни было насилию в отношении ненавистного Блая. Предстояло быстро решать, кто спустится в баркас, который мог вместить ограниченное число людей. На «Баунти» должны остаться те, без кого управлять судном будет невозможно. Они становятся вынужденными участниками мятежа, между тем как среди тех, кто предпочитает уйти с Блаем на баркасе, есть немало друзей мятежников, они показали себя добрыми товарищами во время многолетних плаваний на море и пребывания на Таити. В течение какого-то часа Флетчер Крисчен решает судьбу этих людей и намечает вехи своего собственного будущего и участь непосредственных участников мятежа.

Блай предпринимает последнюю попытку образумить Крисчена. Он напоминает штурману, что тот знает его семью, и обещает не обмолвиться о попытке мятежа, если команда вернется к исполнению своих обязанностей.

— Неужели нет другого выхода? — задает он унижительный для себя вопрос.

За Крисчена отвечает Черчилль:

— Нет, это единственный и лучший выход, — заявляет он под одобрительные возгласы остальных бунтовщиков.

Немного погодя баркас отходит от «Баунти», ставшего теперь пиратским судном. Последнее, что слышат Блай и лоялисты, — это громкий всплеск от тысяч с лишним саженцев хлебного дерева, которые мятежники швыряют за борт вместе с горшками, и радостные возгласы:

— Да здравствует Таити!

А Черчилль еще долго стоит у поручней.

— Я бы с радостью отдал жизнь за то, чтобы Блай и другие вернулись на корабль, — говорит он одному из мятежников. — Ведь у капитана в Англии остались жена и дети, я их знаю...

Но теперь уже поздно. Пути назад отрезаны. Никто из тех, кого видели с оружием в руках, не может надеяться на возвращение к прежней жизни. Они не смогут долгое время находиться на Таити, где их быстро отыщет посланный адмиралтейством корабль. Им надо плыть среди сотен неизвестных островов Южных морей, найти там укрытие и начать новую жизнь.

1

В семь вечера «Мейлис» минует риф, образующий вход в Папее, — столицу Таити и всей французской Полинезии, единственный город в мире, про который моряки говорят, что здесь все сходит на берег, от капитана до юнги. Рене Кимитете бросает якорь у набережной Бир-Хакейм, на тротуар спускают трап, и мы оказываемся на оживленной главной улице Папее, которая не имеет даже отдаленного сходства ни с одной из центральных улиц скандинавских столиц. Бир-Хакейм — это своеобразный городской порт с постоянно открытыми увеселительными заведениями, место ночных кутежей и гуляний, шумный проспиртованный рай Южных морей, мотодром для мотороллеров и мотоциклов, отель под открытым небом для усталых полинезийцев, отсыпавшихся после похмелья на панданусовых циновках под аркадами из гофрированной жести и гнилого дерева среди штабелей кокосовых орехов и полупустых помойных ведер, чье содержимое в жару издает весьма крепкий «аромат». Туристические проспекты называют эту удивительную набережную полинезийским Монпарнасом, где счету нет великим художникам нашего времени, — правда, еще неизвестным, а потому согласным продать великие творения будущего за сотню-другую франков. Но я обнаруживаю лишь толстого американца с прической под битла, который пытается сбыть чудовищную мазню, изображающую на черном бархате обнаженных коричневых девиц в натуральную величину.

— Я новый Гоген! — кричит он пропитым голосом. — Мои картины вызывают не только к глазам, но и к чувствам. Не упускайте возможности приобрести лучшую вещь в своей жизни! Через десять лет, когда я окачусь от пьянства, вы сможете продать эту прекрасную картину в двадцать раз дороже!

Если судить по его качающейся походке и одутловатой физиономии, десять лет, пожалуй, слишком большой срок для него.

Но Бир-Хакейм — это и центр деловой жизни города, средоточие судовых компаний и авиационных бюро, гавань для увеселительных яхт, место, где можно встретить самые удивительные типы прожигателей жизни — портовых рабочих и моряков со всего света, проводящих недели, а то и месяцы в пирушках; это для них винные запасы непрерывно пополняются из «Квинз бара» по другую сторону улицы.

Не успел я сойти на берег, как сразу стал свидетелем сценки, весьма типичной для Бир-Хакейма: полицейский-полинезиец во французской форме останавливает бурлящий поток, чтобы пропустить длинноволосых официанток с кружками пива в руках, гуськом направляющихся из бара на огромную яхту, некогда принадлежавшую Эрролу Флинну *, а сейчас стоящую у причала рядом с нашей скромной «Мейлис». Двое американских повес с золотыми кудрями (скорее всего, искусство парикмахера и химии) встречают девиц торжествующим ревом, после чего уличное движение возобновляет свой сумасшедший ритм.

Я снял домик на Арюэ возле бухты Матаваи, где когда-то поселились мятежники с «Баунти», и, прибыв в Папезте, прежде всего хотел встретиться с человеком, который помог бы мне с устройством. Нанять такси в городе невозможно, но Рене окликает одного из белокурых американцев и спрашивает его, не отвезет ли он меня на своем мотороллере к мистеру Дюпону, у которого хранятся ключи от домика. Билли, судя по всему, не вполне владеет своей речью, а может быть, я просто не очень хорошо его понимаю, ибо динамики разносят из «Квинз бара» оглушительные звуки последнего полинезийского шлягера: «Э фаа наве наве... э фаа наве наве иа оэ...»

Я боязлив от природы, но считаю для себя невежливым отказаться от любезного приглашения Билли занять место на заднем сиденье. Билли долго не удаётся завести мотороллер, но едва мотор взревел, как он дал

* Известный американский киноартист, ныне покойный.— *Примеч. ред.*

газ, и вот уже мы мчимся между грузовиками и фургонами с такой скоростью, что мне приходится плотно прижаться к водителю. Мы проносимся по Рю Гоген, называемой также Рю Перно — не только в память о страсти французского художника к этому напитку, но и потому, что китайские торговцы вывешивают на улице таблички «Продается перно», как только французский корабль доставляет новую партию абсента. Мне припомнились слова Стирлинга Мосса, известного английского мотогонщика, в ответ на вопрос журналиста о самом опасном моменте в его жизни: «Когда я сидел на заднем сиденье мотороллера, на полном ходу мчавшегося по улицам Папэте».

Билли быстро находит таитянку девушку на мотороллере, с которой может мчаться наперегонки. Она сидит, прямая, как пальма, на своей отвратительной машине. На голове у нее цветочная корона, а юбка подобрана так высоко, что кажется, будто на девушке один купальник. Перед этим зрелищем Билли устоять не в силах. Он заезжает то справа, то слева, чтобы полюбоваться девушкой, то подкатывает вплотную, пытаясь рассмотреть ее со всех сторон. Лицо девушки расплывается в улыбке, она прибавляет газу и исчезает за углом дома, чтобы через мгновение показаться и скрыться за следующим домом. Старухи и детишки с визгом отскакивают на узкие тротуары. Наш мотороллер не отстает от нее и виляет то влево, то вправо... Я крепко прижимаю к себе железный ящичек с полинезийскими франками, паспортом, рекомендательными письмами, справками о прививках и билетами и от страха закрываю глаза.

Когда мы, живые и невредимые, наконец добираемся до мосье Дюпона, выясняется, что его нет дома. Сосед полагает, что он отправился в бунгало, которое я снял, но с уверенностью этого сказать не может. В Папэте вообще никогда ничего нельзя знать с уверенностью. Мы поворачиваем на Бир-Хакейм, причем теперь настолько же медленно, насколько быстро мчались сюда, потому что к этому времени Маэва — так зовут таитянку на мотороллере — успела познакомиться с американским повесой; они едут рядышком, держа друг друга за руки, я же чувствую себя обременительным придатком. Правда, меня это не очень печалит, так как

парочка, кажется, вообще забыла о моем существовании. Все же я немного пугаюсь, когда они пытаются обменяться поцелуями или когда Билли делает попытку погладить Маэву правой рукой, так как машину при этом неприятно дергает. Мы завершаем третий «круг любви» вокруг деревянного строения, бывшего некогда резиденцией королевы Помаре, когда для меня наконец настает час свободы: я замечаю такси и окликаю его.

— Ты еще тут? — удивленно спрашивает Билли. — Я думал, ты сошел у Дюпона.

Это наш последний вечер на «Мейлис»; на следующий день мне предстоит распрощаться с Аадом ван дер Хейде, Уолтером Шерри и его вахиной Эритапетой, а также с тремя матросами. По этому поводу Рене организовал пиршество, которое на суднах более солидного тоннажа обычно называют «обедом капитана». Разумеется, у нас оно проходило не так торжественно, как на международных пассажирских судах. Правда, мы пригласили гостей с других яхт, стоящих у Бир-Хакейма. Не прошло и четверти часа с начала пирушки, как собралось столько народу, что нам пришлось перебраться в «Квинз бар». Запах пива «Хинано», пота и нефти настолько пропитал помещение, что трудно дышать. Полинезийский оркестр из десятка гитаристов нудно исполняет какие-то мелодии, и певица весом фунтов двести, судорожно сжимая жирные руки, пытается выжать из себя песенки. Танцуют тамуре — современную форму хейвы. При звуках новой мелодии мужчины вскакивают с мест, выстраиваются посреди зала, слегка расставив ноги и откинув туловище. Каждый из них указывает на женщину, и та выбегает из-за столов, уставленных бокалами с вином и пивными кружками, с пронзительным возгласом бросается навстречу мужчине, обнимает его, словно мужа, которого она не видела много лет... И начинается танец, состоящий в основном в том, что пары принимаются вращать нижней частью туловища. Этот своеобразный танец чем-то напоминает танец живота.

Ритм убыстряется, некоторые пары падают на пол и под хохот собравшихся продолжают танец лежа. Зре-

лице наводит на мысль о древних вакханалиях. В Скандинавии танцоров тамуре удалили бы из зала, а возможно, и привлекли бы к ответственности за безнравственное поведение, здесь же это никого не оскорбляет. Но, невзирая на грязь, испарения, на всю эту пьянку и бесшабашное настроение посетителей, в баре нет и намек на удушливую атмосферу дешевой псевдоромантики с ее красными бумажными фонариками и тисканьем в темных уголках, столь характерными для наших многочисленных злачных местечек. Любовные игры здесь так же естественны, как, скажем, желание осушить кружку пива. «Квинз бар» — это олицетворение помыслов простых людей о радостях жизни. Быть может, именно по этой причине Папэте, как мы уже отмечали, — единственный в мире порт, где вся команда корабля стремится получить отпуск на берег.

Подлинные короли «Квинз бара» — экипажи роскошных прогулочных яхт. Во время моего пребывания в Папэте у набережной Бир-Хакейм стояло свыше десятка больших яхт миллионеров; их команды были укомплектованы так называемыми моряками-джентльменами, как правило, молодыми американцами. Под руководством опытного матроса они перегоняют яхты из Соединенных Штатов Америки или Европы к островам Общества, куда в бархатный сезон, когда не бывает ураганов, прибывают владельцы яхт, чтобы поплавать между островами. Но многие владельцы видели свои яхты только на фотографиях — они приобрели их, в основном стремясь удачно поместить деньги или же из престижных соображений: «Моя яхта сейчас стоит в Папэте». Начало такого рода плаваниям положил в 20-е годы французский теннисист Алэн Жербо, совершивший на своем кече кругосветное путешествие. (Алэн Жербо похоронен на острове Бора-Бора.) Его примеру последовали многие богачи, в частности киноактер Эррол Флинн, молодой Рокфеллер, несколько американских нефтяных магнатов. Иметь свою яхту в полинезийских водах считалось шиком. Со временем им стали подражать и представители менее привилегированных слоев общества. Двое таких сидят сегодня вечером за нашим столиком.

Один из них называет себя румынским графом. Не исключаю, что это соответствует действительности и он

был таковым до установления в стране социалистического строя. Граф Г. — человек, несомненно, интеллигентный и начитанный, но лично меня настораживает, когда кто-нибудь много говорит о своей культуре и одновременно просит одолжить ему тысячу франков. Граф получает просимую сумму (примерно 80 крон) и тотчас тратит их на всю компанию. Позднее мы становимся добрыми знакомыми, и он приглашает меня к себе. «Домом» служит ему перевернутый ящик с пристройкой из рифленого железа на берегу, довольно далеко от города. Пробив дыру в потолке (иными словами, на дне ящика), владелец «дома» просунул в нее железную трубу и устроил неплохую печурку. Возле нее мы и сидим в одно прекрасное раннее утро и лакомимся шиш-кебабом — мясом, жаренным на шампурах по турецкому рецепту. Мой хозяин оказался превосходным мастером в приготовлении этого блюда, и я предлагаю ему устроиться поваром в одну из гостиниц Папеете. По-моему, в этом амплуа он добьется больших успехов.

— Любезный мосье, — отвечает он, — аристократ не может заниматься столь унизительным трудом, как приготовление пищи за деньги.

Граф уже выпил в течение ночи добрых два десятка кружек пива, и, дабы произвести выгодное впечатление на прихваченную с собой новую вахину, он напяливает на себя смокинг, который висит на вешалке посреди «комнаты» и отгораживает спальню от «кухни».

Билли говорит, что помолвлен с родственницей последней принцессы Таити. Но, насколько я понимаю, он одновременно помолвлен с другими таитянскими девушками. Возвращаться в США, где он получил профессию дамского парикмахера, Билли не намерен. В Папеете он попал на яхте Эррола Флинна в качестве куафера и «друга» одной богатой дамы из Нью-Йорка и собирается пока здесь остаться.

— Я не слишком большой любитель работать, — признается он, — и потому хочу жениться на таитянке с состоянием, чтобы мирно и безбедно прожить остаток дней. Мне многого от жизни не надо — были бы только пиво и девушки. Жаль, что у нас, в Штатах, все девицы непременно хотят выйти замуж; здесь же, на Таити, они охотно соглашаются жить со мной, но, стоит предложить им замужество, они тут же меня покидают.

Французская статистика подтверждает справедливость слов Билли: на островах Общества лишь 5—7,5 процента пар, имеющих детей, находятся в браке.

2

Таитянам неведомы понятия «автобус», «омнибус» или «маршрутное такси», вместо них существует «ле трак» (*le trac*). Многие траки представляют собой переделанные грузовички, в кузове которых укреплен деревянный ящик с жесткими скамейками вдоль бортов. В траках сидячие места рассчитаны человек на десять, но редкая машина трогается в путь с рыночной площади Папэте, не имея на борту вдвое больше пассажиров, и это не считая птицы и огромного количества плетеных корзин, набитых бесчисленной поклажей. Обычная таитянская семья живет в постоянном окружении таких корзин; их подвешивают к потолку и используют в качестве комодов, платяных шкафов, кладовых, ящиков для грязного белья и колыбелек.

Трак, которому предстояло доставить меня на Арю, как и другие машины, имеет собственное имя. Он называется «*l'ami du peuple*» («Друг народа»). Название звучит весьма многообещающе. Но в квартале вокруг рыночной площади «Друга народа» не видно. Я пытаюсь разузнать о нем у торговца-китайца.

— Ну, куда спешить? Вы сами услышите, когда «Друг народа» подойдет, мосье.

Постепенно до меня доходит система во всей своей простоте. Траки въезжают на улицу и останавливаются, после чего шоферы, которые нередко являются и владельцами машин, начинают громко выкрикивать их названия: «Через пять минут в Афаахити отправляется „Страх Марлона Брандо“. Просим пассажиров занять места!» или: «Пора грузиться всем, кто хочет попасть на „Гордости техники“ в Матаиэя!» Большинство траков носит полинезийские названия, причем в них содержится столь смелое описание сельских красот, чье имя они носят, что я не решаюсь привести их перевод. Ограничусь лишь одним примером: толстенный шофер, облаченный в одно лишь пёро (набедренная повязка), кричит на всю площадь:

— «Жаннета Большегрудая» отходит в Махаену!

Но вот появляется грохочущий «Друг народа», и его

немедленно заполняют пассажиры, которые спешат в Арю и Пойнт-Венус (название этой местности в данном случае не имеет никакого отношения к любви — просто отсюда капитан Кук наблюдал движение Венеры по небу). Я втискиваюсь со своими чемоданами, кино- и фотоаппаратами между толстой таитянской и пожилым мужчиной — как потом выяснилось, он оказался местным вождем. Огромный поросенок проявляет такой интерес к моему магнитофону, что не только укладывается на него, но и оставляет небольшую благоухающую визитку на моем имени, написанном на кожаном футляре.

Машина трогается, и мы пускаемся в путь под непрерывные гудки всех трех клаксонов, которыми оснащен «Друг народа». Звук одного из них напоминает мычание коровы, и всякий раз, как шофер нажимает рожок, пассажиры громко хохочут. Вскоре до меня доходит, что этот сигнал имеет особый смысл: его подают лишь тогда, когда на дороге или в пределах слышимости появляются французские военные. Это своего рода политическая демонстрация, однако в своей оппозиции французскому правлению, от которого они не в восторге, таитяне дальше не идут.

Мой сосед, сносно говорящий по-французски, весьма гордится нашим шофером по имени Тери: оказывается, это его сын (во всяком случае, так его уверяют).

— Тери придерживается девиза: прибавь газу и закрой глаза.

Как я мог убедиться, сын вождя следует своему правилу, когда мчит нас по улицам города, а затем по окруженной пальмами дороге к Пойнт-Венусу.

На Таити водитель может не опасаться заблудиться — имеется всего одна дорога, которая идет вокруг острова, с двумя небольшими ответвлениями в горах. Конусообразные, вулканического вида горы во внутренних районах острова дышат миром и покоем; здесь не живет ни одна душа. Лишь молодежь время от времени отправляется в долины за дикими апельсинами, бананами или плодами хлебного дерева. Жилые постройки раскинулись по побережью, и для указания адреса достаточно назвать ближайший камень, отмечающий километры, к западу или востоку от Папезте. Многие таитяне, проживающие за пределами города, попросту включают номер камня в состав своего имени; напри-

мер, владельца небольшой бакалейной лавки вблизи девятого западного километрового камня зовут господин Жан Фату Девять-Запад.

Тери останавливает «Друга народа» и что-то говорит сидящим возле него пассажирам. Его сообщения быстро передаются остальным, и, прежде чем сосед успеваеьт разъяснить мне, в чем дело, все пассажиры покидают грузовичок... в слезах. А за несколько минут до этого они громким смехом встречали каждое мычание рожка. Пассажиры скрываются в домике у дороги, оставляя меня в одиночестве. По прошествии некоторого времени появляется мой сосед. Вытирая слезы тыльной стороной ладони, он просит меня следовать за ним. В домике на примитивном ложе лежит мертвый старик. Его лицо и тело почти целиком скрыты под цветочными гирляндами, а редкие седые волосы прижаты короной, сплетенной из гибискуса. Лицо отмечено печатью особого покоя, и мне редко доводилось видеть, чтобы человек был так красив в смерти.

Двое пассажиров, очевидно, принадлежат к семье умершего, но большинство желает лишь выразить сочувствие вдове, которая сидит на деревянной скамейке рядом с мертвецом и громко причитает. Здесь принято давать деньги на похороны и в пользу семьи покойного, и мы оставляем свои пожертвования под камнем у входа в домик. Не успеваеьт Тери завести машину, как выходит вдова и собирает оставленные деньги. Рядом с нами останавливается «Жаннета Большегрудая», водитель дает возможность пассажирам выразить сочувствие вдове и взглянуть на покойника. Мы трогаеьтс я в путь. Некоторое время в машине еще слышится плач, но вот навстречу попадаются два французских солдата на мотоллерах, шофер нажимаеьт на рожок, и раздаеьтс я мычание коровы. Снова кузов взрываетс я от громкого смеха, мертвый старик, видимо, начисто забыт. Поросяенок забираеьтс я ко мне на колени — наверное, так ему очень удобно.

Когда я наконец устраиваеьтс я в своем домике, на Пойнт-Венусе уже ночь — ясная и звездная. В каких-нибудь нескольких метрах от меня волны лениво плещут о берег, вдали, там, где прибой разбиваетс я о риф, фосфоресцируеьт зеленоватое море. Ночь дышит покоем, и от этого на душе у меня становитс я легко. Здесь, на

этом самом берегу, жили несколько мятежников с «Баунти», пока их не схватили и не отправили в Англию, где судили. Здесь 17-летний Томас Эллисон кидал в море черные камешки и любил свою вахину в благоухающих зарослях гибискуса. Два года спустя его бездыханное тело болталось на мачте военного судна «Брунсвик» в Плимуте.

3

После того как мятежники захватили судно и высадили капитана Блая и верных ему людей на баркас, на «Баунти» оставалось 25 человек. Зачинщики мятежа — а таких было человек восемь-десять — понимали, что их ждет виселица, если они будут обнаружены английским судном и доставлены на родину. Но среди оставшихся были и такие, кого задержал Флетчер Крисчен против воли, ибо мятежники нуждались в их помощи. К их числу относились оружейный мастер Джошиа Коулмен, плотники Чарлз Норман и Томас Макинтош. Кое-кто из матросов охотно присоединился бы к Блаю, но на баркасе не было места, некоторые же просто не решались спуститься в утлое суденышко.

Как уже упоминалось все, кто остался на «Баунти», прокричали «Ура Таити!», и, когда Флетчер Крисчен созвал людей, чтобы выработать план дальнейших действий, мятежники единодушно решили возвратиться в бухту Матаваи. Единственный, кто возражал против такого решения, был сам Крисчен. Он мотивировал свой отказ тем, что в случае, если Блай когда-нибудь доберется до Англии, адмиралтейство немедленно снарядит военный корабль для розыска мятежников и доставит их в Англию для наказания. Даже тех, кто непосредственно не поддерживал бунт в присутствии Блая, а возможно, и тех, кто был задержан на «Баунти» против своей воли, по суровым морским законам ждала смертная казнь. Если они останутся на Таити, убеждал Крисчен, рано или поздно их обнаружит там какой-нибудь европейский корабль, и английским властям не составит большого труда всех переловить.

Крисчен предложил найти малоизвестный или совсем неизвестный остров вдали от морских путей и основать там колонию. Он знал даже, где найти такой ост-

ров: Тубуаи в Австралийском архипелаге, примерно в 1500 морских милях к югу от Таити. Остров был населен, и потому мятежники могли рассчитывать найти себе подруг. Тубуаи значился на карте капитана Кука, но, насколько было известно Крисчену, ни один европеец еще не ступал на эту землю. План предводителя мятежников заключался в следующем: зайти на Таити и рассказать местным жителям, будто капитан Блай встретил капитана Кука и поплыл вместе с ним на его корабле. Под страхом смерти экипажу запрещалось рассказывать о том, что «Баунти» направляется на Тубуаи. И хотя телесные наказания на судне были отменены, любой, кто попытается сбежать, будет застрелен. Как можно полагать, план Крисчена получил всеобщее одобрение.

На Таити все сошло благополучно, но попытка основать колонию на Тубуаи потерпела неудачу. Местные женщины не пожелали связываться с командой «Баунти», дело дошло до столкновений; 60 мужчин и шесть женщин из числа островитян были убиты, многие ранены. Поняв, что придется покинуть Тубуаи, Крисчен принял решение вернуться на Таити.

На Таити команда поделила провиант, инструменты, оружие и боеприпасы, и 16 человек, пожелавших остаться на острове, сошли на берег. Прощаясь с «Баунти», они еще не знали, что видят его в последний раз. Судно медленно уходило в неведомые воды Тихого океана, чтобы никогда не появиться вновь.

Среди тех, кто высадился на берег, были семь человек, не принимавших участия в мятеже. Помимо гардемаринов Питера Хейвуда и Джорджа Стюарта, а также Чарлза Нормана, Томаса Макинтоша и Джошиа Коулмена, которых, как уже отмечалось, Флетчер Крисчен задержал насильно, это были боцман Джеймс Моррисон (он даже якобы собирался отбить у мятежников корабль) и полуслепой музыкант Майкл Бирн (последний спустился было на баркас, но ему приказали снова подняться на «Баунти»). Эта семерка полагала, что им нечего бояться, если военное судно будет послано на Таити, чтобы доставить мятежников в Англию.

До сих пор трудно объяснить, почему остальные решились остаться вблизи бухты Матаваи. Ведь они были самыми активными участниками мятежа и не могли

рассчитывать на милосердие, если бы случай вновь толкнул их в объятия флота его королевского величества. Капрал Чарлз Черчилль был правой рукой Флетчера Крисчена при захвате судна, Мэтью Томпсон, Томас Бёркит, Джон Самнер, бондарь Генри Хиллбрант, матрос Джон Миллуорд и юнга Томас Эллисон либо принимали непосредственное участие в мятеже, либо же не скрывали своей радости, когда бунт завершился удачей. Уильям Маспрет схватил оружие, а Ричард Скиннер во всеуслышание объявил, что застрелит Блая, когда тот сидел в баркасе. Почему же они не последовали за Флетчером Крисченом? Нам это не дано знать — известно лишь, что многие из них заплатили жизнью за эту ошибку.

Мятежники, оставшиеся на Таити, поселились у своих друзей-островитян в хижинах, расположенных в той же пальмовой роще, где сейчас находится снятый мною домик. Будни их почти не отличались от жизни современных таитян, жителей Пойнт-Венуса: они забрасывали в море рыболовные сети, собирали плоды хлебных деревьев и готовили пищу в открытых очагах на берегу. В этой лагуне миловидный гардемарин Джон Стюарт, лучший друг Крисчена на «Баунти», купался вместе с дочерью вождя, которую он называл Пегги, она стала его женой и родила ему дочь. Другой гардемарин, Питер Хейвуд, трудился над составлением англо-таитянского словаря, позднее высоко оцененного. Бодман Джеймс Моррисон, автор дневника, вместе с Джошиа Коулменом, двумя плотниками и бондарем Генри Хиллбрантом построили шхуну длиной свыше 30 футов, показавшую высокие мореходные качества. Шхуну назвали «Резолюши» («Решимость»), и 400 человек волоком целый километр тащили ее до воды. Вокруг импровизированной корабельной верфи в пальмовой роще образовалась целая колония; по воскресеньям там взвивался английский флаг, и Моррисон читал текст из Библии.

Но Мэтью Томпсон и Чарлз Черчилль не пожелали участвовать в сооружении шхуны, они жили обособленно у вождя Вайхидоа, который был тью Черчилля. К ним приходил в гости еще один европеец, единственный, кроме мятежников, белый человек, живший на Таити. Это была весьма таинственная личность по имени Браун или Баунд. В свое время он расплосовал но-

жом лицо одного моряка, и его высадили на берег со шведского военного судна «Густавус III», следовавшего на Гавайские острова и в Китай. Судя по всему, Браун был вконец опустившимся алкоголиком; он пагубно влиял на окружающих, особенно на Томпсона, у которого еще оставались кое-какие запасы рома с «Баунти» и который сам не принадлежал к числу агнцев. Томпсон попытался было вести себя с дочерью местного вождя так, как привык обходиться с девицами из публичных домов Портсмута, но был избит ее братом. Тогда он схватил мушкет и выпустил весь заряд в любопытных таитян, убив одного островитянина и его детей. Это посеяло рознь между ним и Черчиллем, его товарищем по команде, который после смерти Вайхидоа стал вождем и унаследовал его состояние и власть. Однажды утром Беркит сделался свидетелем того, как Томпсон убил Черчилля. Держа в руках еще дымящийся мушкет, Томпсон свирепо спросил: «У тебя есть возражения?» Испуганный Беркит, разумеется, ответил отрицательно. Томпсон уже решил, что он стал вождем вместо Черчилля, и, когда группа туземцев с криками «Вайхидоа» приблизилась к его хижине, он пригласил их в дом. Они навалились на него, прижали шею доской и размозжили голову камнями.

С прекращением дождей на Таити начались столкновения между отдельными вождями, и 1 марта 1791 года шхуна «Резолюшн» была спущена на воду, чтобы принять участие в сражениях. На ее борту помимо большинства мятежников с «Баунти» был также таинственный Браун. В бухте Матаваи оставались лишь четверо европейцев: гардемарины Хейвуд и Стюарт, оружейный мастер Джошиа Коулмен и матрос Скиннер. С того момента, как «Баунти» во главе с Флетчером Крисченом и семью другими мятежниками отправился к неизвестной цели, миновало полтора года; за это время члены команды, оставшиеся на острове, успели в значительной степени усвоить местные обычаи. Почти все покрыли себя татуировками, ибо это служило признаком достоинства и чести. Все обзавелись подругами. Стюарт очень любил свою жену и был с нею счастлив. В начале марта 1791 года она родила ему дочь. Из дневника Моррисона мы знаем, что за прошедшие полтора года родились четыре девочки, чьими отцами были члены экипа-

жа «Баунти». Еще несколько женщин находились, так сказать, в счастливом ожидании.

Люди с «Баунти» оказались своего рода наемными солдатами для Помаре, и новая шхуна в руках этого вождя была мощным оружием. Не удивительно, что он благословлял судьбу за то, что европейцы поселились на его земле. Имея на борту оружие, боеприпасы и опытный экипаж, шхуна «Резолюшн» была неуязвима и во многом способствовала установлению господства Помаре на Таити. Никто из мятежников, по-видимому, не возражал против участия в племенных междоусобицах.

Но ранним утром 23 марта, когда Питер Хейвуд, сопровождаемый двумя таитянами, направлялся в горы, он заметил, как в бухту Матаваи входит корабль. «Три высокие мачты и разинувшие жерла пушки, двенадцать с каждого борта... Фрегат его королевского величества „Пандора“! — пишет Александр МакКи. — Хейвуд сломая голову бросился вниз. На берегу ему встретился Стюарт, и оба гардемарина немедля прыгнули в каноз». Никто из них и не подозревал, что «Пандора» была отправлена адмиралтейством, чтобы доставить мятежников в Англию для следствия и суда, и что капитан судна, суровый и безжалостный Эдвард Эдвардс, не собирался делать различий между виновными и безвинными.

Уже через несколько минут после встречи с Эдвардсом оба мятежника были закованы в кандалы. Когда в последний раз в жизни, прежде чем их спустили в трюм, они увидели горы и поросшие пальмами берега Таити, где оставались их жены и дети, они, надо думать, горько раскаивались, что не последовали за Флетчером Крисченем и другими моряками в поисках пристанища на каком-нибудь пустынном, никому не ведомом острове среди безбрежных просторов Тихого океана, где их не достанет длинная рука закона.

4

Мои соседи на Пойнт-Венусе называют меня Аране (Арне) — таитяне не в состоянии произнести двух согласных подряд. Надо сказать, что из-за отсутствия некоторых наших согласных в полинезийском языке нередко нелегко понять, о чем идет речь. Так, капитан Кук становится Тапитане Туте, королева Елизавета превра-

В деревушке на Фиджи

щается в Куини Елисапесси, а Америку полинезийцы называют Мерите. Я не обращаюсь к своим соседям по фамилии, это было бы слишком трудно, но однажды, когда на почте мне приходится полностью назвать мое имя, я узнаю, что Арне Фальк-Рёнке по-таитянски произносится очень благозвучно: Аране Фалаки-Ронана. Я жду письма от датчанина Хансена. «Аита э Танаси,— говорит почтовый служащий. — Никакого Хансена».

Будни местных жителей протекают в общем-то вполне обычно, вместе с тем их отличает некоторая отрешенность. Один из моих соседей рыбак. Кроме того, он занимается сбором диких апельсинов и плодов манго в долине, находящейся в глубине острова. Этим правом его род пользуется вот уже триста лет. Логично было бы предположить, что за минувшие столетия семья на-

столько разрослась, что на каждого ее члена приходится лишь по несколько апельсинов и плодов манго. На самом же деле на Таити дело обстоит далеко не так: во времена Кука, Блая и Бугенвиля на острове, по-видимому, проживало в несколько раз больше людей, чем сейчас, а долины в глубине острова представляли собой возделываемые плантации. За полстолетия до появления европейцев население острова было еще более многочисленным, однако там господствовал культ общества Ариои, и его роковое влияние прослеживается даже в наши дни. Ариои принадлежали к своего рода самозваному дворянскому сословию, все члены которого клятвенно обязались убивать рождающихся у них младенцев. По свидетельству миссионера Джона Уилльямса, этот страшный обычай получил широкое распространение. Когда Уилльямс спросил трех женщин, учившихся шитью в миссионерской школе, сколько детей они умертвили, одна из них, плача, рассказала, что задушила девять младенцев, другая — семь, третья — пять. Однажды Уилльямса пригласили к смертному ложу жены влиятельного вождя, и знатная дама поведала священнику, что собственноручно умертвила всех шестнадцать рожденных ею детей.

С появлением на острове европейцев численность населения стала сокращаться. Этому способствовало несколько причин: эпидемия гриппа, которая унесла до десяти процентов всех жителей Таити — мужчин, женщин и детей, а также корь и венерические болезни, которые буквально косили людей. Немалый урон принесли и попытки католических миссионеров «переделать человеческие души». На острове Мангарева свыше пяти тысяч человек жили свободно, не стесненные в своих обычаях, пока там не появился отец Лаваль. Этот бельгийский священник, имевший, видимо, немало общего со средневековыми инквизиторами, высадившись на остров, принялся направлять его жителей на стезю добродетели. Беззаботная до того деревушка Рикитеа превратилась в «божий град», чьи жители отныне должны были жить исключительно *ad majorem dei gloriam*. Всех мужчин и женщин отправили на строительство самой крупной в Южных морях церкви — разумеется, без всякого вознаграждения. Вскоре были возведены мужской и женский монастыри; девушек заставили остричь воло-

сы и облачили в монашеское одеяние (это в 38-градусную жару!). Мужчинам запретили носить корону из цветов и всех включили в монашеский орден. Отец Лаваль запретил командам проходивших мимо судов сходить на берег и издал декрет, по которому местным женщинам запрещалось носить короткие юбочки и обнажать верхнюю часть тела. Вместо этого их обрядили в длинные, доходившие до земли, муммоо, которые поднимали пыль. Мужчинам было велено носить рубашки и длинные брюки. Не в силах перенести новые обычаи, лишённые радостей жизни, жители Мангаревы стали попросту умирать как мухи. Слухи о диктаторском правлении отца Лавалья дошли наконец до французских властей в Папеэте, и его отозвали с острова. К 1931 году из пяти тысяч жителей Мангаревы оставалось лишь 501. Рассказывают, что, когда позднее достопочтенного священнослужителя упрекали в жестокости, он будто бы отвечал: «Они умерли, зато гораздо быстрее многих других попали на небо».

Конечно, среди миссионеров были и такие, кто проделал в Полинезии большую и бескорыстную работу. И если мы сейчас упоминали о культуре общества Ариои и о жестокостях отца Лавалья, то только затем, чтобы объяснить некоторые причины весьма своеобразного психического склада островитян, который, в частности, отчетливо проявляется у моих соседей. Рыбак Тахиатуа и его жена Салоте — глубоко набожные люди, они никогда не пропускают воскресную службу, но наряду с этим вечером в воскресенье танцуют с друзьями тамуре. Тахиатуа очень гордится шестью детьми, прижитыми с другими женщинами, а Салоте с радостью посвящает меня (и своего мужа, сидящего рядом) в те удовольствия, которые ей доставляют другие мужчины, проживающие на Пойнт-Венусе. Для нее это столь же естественно, как для нас был бы естествен рассказ о торжественном обеде, на котором нам довелось присутствовать. И хотя я слушаю истории Салоте нимало не смущаясь, признаться, мне бы не хотелось, чтобы в это время здесь находились моя жена или наши две почти взрослые дочери. Впрочем, возможно, что я не прав.

Вот так мы сидим и беседуем в один из вечеров. Я задаю Салоте самые разные вопросы, как вдруг она встает и заявляет:

— Я фиу.

«Быть фиу» означает потерять всякий интерес к окружающему, слушать собеседников, сидеть молча. По моему, в этом есть что-то специфическое, присущее только жителям Таити, и, насколько мне известно, на других островах Полинезии с таким обычаем не сталкиваются. Впрочем, мне он представляется вполне разумным в обществе, где люди могут общаться друг с другом в любое время, где не знают, что такое запертые двери и так называемая «частная жизнь». У шведов есть выражение *kallprat*, означающее пустую болтовню, столь характерную для большинства из нас, европейцев: люди говорят о погоде и различных пустяках, при этом слушают собеседника вполуха, стараясь лишь из вежливости поддержать разговор. От этого, благодарение богу, мы избавлены на Пойнт-Венусе и в других районах Таити. Здесь достаточно поднять вверх руку и сказать «фиу». Быть может, стоило бы ввести такой обычай и у нас в Скандинавии.

В повседневной жизни здесь распространено и другое выражение, свидетельствующее о свободных нравах полинезийцев, но, полагаю, в Скандинавии оно вряд ли могло бы прижиться. Мне не раз случалось видеть, как Салоте, пританцовывая, спускается по садовой дорожке к дому и что ссть мочи выкрикивает одно слово: «навенаве».

Первое время мне казалось, что она зовет ребенка или собаку, но, как выяснилось, я был очень далек от истины. Слово «навенаве», распространенное на Таити, обозначает «желание», и тот, кто его произносит, тем самым говорит о своем желании устроить небольшую вечеринку (разумеется, с выпивкой), которая заканчивается любовными играми участников.

Один из траков, который курсирует между Пойнт-Венусом и Папеете, так и называется «Навенаве». Одна почтенная американка как-то попала впросак, когда носилась впопыхах по улице Перно и спрашивала, где найти «Навенаве».

Это слово совершенно лишено того романтического налета, который может остаться у читателя после чтения книг Пьера Лоти и других авторов о Южных морях. Однажды я сидел и читал «Ноа Ноа» Гогена, когда в комнату вошел Тахиатуа и спросил, не хочу ли я

отправиться в лагуну на рыбалку. Взглянув на название книги, он поинтересовался, не мастер ли я по газу и водопроводу.

— Разве книга, которую ты читаешь, не про то, как устанавливать белые чаши с ручками, чтобы напускать и спускать воду, какие имеются в гостиницах в Папезте?

Выясняется, что слово «ноа ноа» означает не только «прекрасный запах»; оно употребляется и для обозначения мест, где поток воды используется для удаления нечистот. По мнению Тахиатуа, книги под названием «Краны и ручки» встречаются не каждый день.

1

— Здесь находился баркас, а вон там пещера, где Уильям Блай, положив рядом с собой эспадрон, делал записи в вахтенном журнале. Часть спутников расположилась вокруг него, другие же находились возле баркаса, который стоял на воде метрах в двух от пещеры, кормой к берегу. Нападение произошло вечером.

Господин Килимаси из Нукуалофа и я находимся на вулканическом острове Тофуа в архипелаге Тонга, как раз на том месте, где туземцы напали на капитана Блая и его людей. На камнях, которые я могу легко перекатить ногами, был убит старшина Джон Нортон.

Сегодня Тофуа — пустынный остров. Вулкан неоднократно давал о себе знать, поэтому правительница архипелага, королева Салоте, обитающая в старой деревянной вилле в столице Нукуалофа («Место любви»), переселила жителей на другие острова. Но во времена Блая остров Тофуа был известен как место, где жили воинственно настроенные вожди, враждовавшие с правящим королевским родом в Тонгатапу — там предки королевы Салоте держали в своих руках власть с тех же времен, когда Горм Старый правил Данией.

За минувшие полтора с лишним столетия в адрес Уильяма Блая сказано немало резких слов, но большая часть из них высосана из пальца. Да, он прибегал к телесным наказаниям, но далеко не в такой степени, как многие другие капитаны в его время. Да, он был суровым командиром корабля, но он заботился и о здоровье своей команды; на «Баунти», например, никто из моряков не заболел бери-бери. Как мы уже писали, когда судно боролось со штормом и встречным течением к югу от мыса Горн, он предоставил свою каюту рядовым матросам. Со связанными за спиной руками и направленным в живот стволом мушкета Блай стоял перед

Флетчером Крисченом и пытался образумить главаря мятежников. Он унижался перед ним, клятвенно обещал ни словом не обмолвиться о бунте, если бунтовщики вновь подчинятся его власти. Некоторые авторы называли Блая трусом, но именно в трусости его упрекнуть нельзя. Он убедительно доказал это, проведя утлый, готовый в любой момент затонуть баркас с двумя десятками моряков на борту 3500 морских миль по незнакомому океану среди множества островов, населенных кроважадными племенами... Это ли не подвиг, какими не очень богата история мореплавания?

В предыдущей главе рассказывалось о пребывании мятежников на Таити. Я прошу читателя по ходу дальнейшего изложения на время отвлечься от хронологии. Мы вновь находимся вблизи острова Тофуа. Сейчас 28 апреля 1789 года. На баркасе, как нам уже известно, 19 человек; длина его 7 метров, осадка не превышает 85 сантиметров. Еще до того, как корабль «Баунти» скрылся из виду и мятежники прокричали «Ура Таити!», лоялисты поняли всю безвыходность своего положения. Они сидят, тесно прижавшись друг к другу (кое-кто даже улегся поперек сидящих), со всем своим скарбом. Между тем от поверхности воды их отделяют каких-нибудь 20 сантиметров. Шесть весел опущены в воду, одно из них наткнулось на акулу. Малейшее волнение на поверхности моря, малейшее движение среди сидящих — и баркас мигом пойдет ко дну.

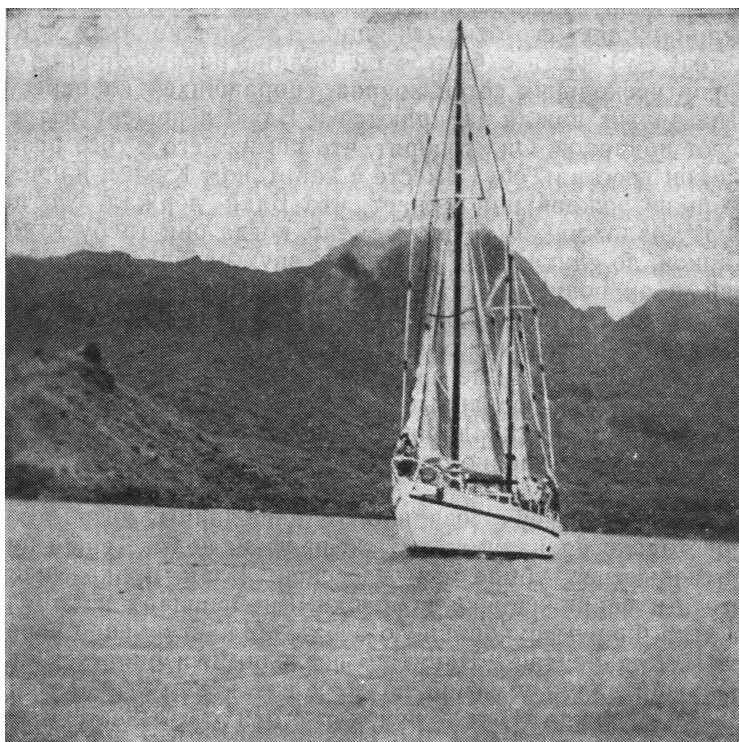
Они плывут по самому большому в мире океану, еще почти не исследованному. По опыту других английских судов моряки знали, что многие жестокие племена проявляют «дружелюбие» лишь в тех случаях, если у гостей имеются заряженные ружья. Они же были вооружены всего четырьмя эспадронами — короткими, широкими саблями, которые вряд ли могли противостоять боевым дубинкам и копьям островитян.

От ближайшего невраждебного острова Таити лоялистов отделяло расстояние в тысячу километров к востоку, но течение идет им навстречу, и плыть в том направлении невозможно. Более чем в трех тысячах морских милях к востоку простираются берега незнакомого континента. Географы того времени называли его Новой Голландией; сегодня он известен под названием Австралия. Блай, конечно, знает, что несколько лет назад

английское правительство направило экспедицию к южному побережью Новой Голландии, чтобы основать там колонию, но ему неизвестно, насколько удалось это предприятие, а потому он не решается рассчитывать на колонию. Единственным местом, где почти с уверенностью можно было надеяться на помощь и на место в корабле для возвращения в Европу, оставались голландские поселения на острове Тимор в Ост-Индии, находящиеся приблизительно в 3500 морских милях пути.

В первую же ночь в открытом море Блай продумывает все возможности. Ему предстоит бороться с четырьмя противниками: местными жителями, морской стихией, солнцем и ветром. К счастью, гардемарину Хеллету удалось незаметно захватить с собой книгу по навигации с таблицами для определения широты и долготы; книга сослужила большую службу капитану, в распоряжении которого имелись компас, секстант и октант. Таким образом, с навигационной стороны дела, несмотря на отсутствие морской карты, можно было не беспокоиться. Однако запасы провианта и воды настолько скудны, что для их пополнения придется высаживаться на берег. На долю Блая и других лоялистов было выделено 150 фунтов сухарей, 16 кусков свинины, 6 литров рома, 6 бутылок вина и 125 литров пресной воды.

После напряженной ночи, в течение которой никто не сомкнул глаз из опасения, что баркас может перевернуться от малейшего движения, и потому люди вынуждены были сидеть не шевелясь, баркас достиг острова Тофуа. Однако высадиться на берег из-за прибоя не удалось. Еще одну ночь пришлось провести в баркасе. Наконец ветер стих настолько, что суденышко подошло к берегу. Люди, вскарабкавшись на прибрежные камни, тут же заснули как убитые. Утром большую часть снаряжения и провианта перенесли в пещеру поблизости. Плотники занялись баркасом, придавая ему остойчивость. Блай отправил людей на поиски воды, без пополнения которой продолжать плавание было бы безумием. Но вот появляются первые островитяне, и на душе у моряков становится чуть легче — туземцы кажутся вполне дружелюбными. Проходит день, другой... Люди, ушедшие за водой, так и не приносят желанных запасов. Когда же жители Тофуа начинают догадывать-

Шхуна «Мейлис»

ся, что у белых, очевидно, нет вооруженного корабля, скрытого за островом, они становятся более наглыми в своих требованиях.

На следующий день число их увеличивается. Заняв угрожающие позиции, они начинают заполнять каное камнями. Блай, ранее бывавший на островах Тонга вместе с капитаном Куком, хорошо знает, что это должно означать: предстоит нападение. Один из туземцев, вождь по имени Макакавау, проявляет повышенный интерес к словам штурмана Фраера, дежурящего на баркасе, о том, что в большом ящике из-под инструментов на борту хранится оружие. Вместе с несколькими вои-

нами, вооруженными пращами, он окружает штурмана и принуждает его открыть ящик. Там нет никаких мушкетов! Эта весть с быстротой молнии распространяется среди нескольких сотен воинов, собравшихся на берегу. Два других вождя забираются к Блаю в пещеру и требуют подарков. Они говорят, что помнят его с того раза, как он посетил Тонга вместе с капитаном Куком, причем один из вождей напоминает, что Блай держал его на борту заложником. В тот момент, когда они требуют подарков, до слуха Блая доносится звук разбиваемых камней, и он понимает, что островитяне готовят боеприпасы. И хотя Блай находится в пещере, откуда в случае нападения нет никаких путей к отступлению, он сохраняет спокойствие и не намерен уходить до тех пор, пока не возвратятся посланные за водой люди. Достав рожок с чернилами, он хладнокровно делает записи в вахтенном журнале, словно никакой опасности и не существует.

Лишь к вечеру возвращаются посланцы, неся с собой только пятнадцать литров пресной воды. Теперь надо побыстрее убираться восвояси. Блай приказывает отнести снаряжение и необходимый провиант к баркасу, где Фраер врукопашную отражает наступление вороватых островитян. Капитан последним взбирается на большой валун у самой воды, когда к нему подбегают местные вожди. Они окружают его и с хитрой ухмылкой осведомляются, не откажется ли он провести ночь на берегу.

— Я всегда ночую на борту своего судна, — пытается отвертеться Блай. — Но я останусь на Тофуа, пока не улучшится погода.

— Если ты пойдешь на судно, мы тебя тут же уьем, — заявляет Макакавау.

Уильям Блай действует быстро. Схватив ближайшего к нему вождя, он крепко держит его обеими руками, пока остальные моряки преодолевают волны прибоя и усаживаются за весла. Как только вождю удастся вырваться из объятий капитана, воины с дикими воплями бросаются к баркасу, на который Фраер уже втаскивает Блая. В суматохе лоялисты забывают отдать швартовы, и Джон Нортон бросается в воду, чтобы высвободить канат из-под камней. Туземцы тут же набрасываются на него, валят на землю и разбивают камнями

голову. Блай перерубает канат, но якорь крепко держится за дно. Под градом камней и копий команда лихорадочно пытается его освободить. Это им удается, и вот уже баркас быстро мчится, преследуемый каноэ, которые постепенно его догоняют. По лицу канонира Пековера течет кровь, другие моряки также получили ранения. Еще каких-нибудь несколько минут, и боевые каноэ протаранят переполненный баркас. К счастью, наступают сумерки, к тому же небо закрыто тучами. Может быть, удастся скрыться под покровом темноты. Только бы задержать преследователей еще немного! И вновь Блай проявляет выдержку.

— Бросьте какую-нибудь одежду за борт! — командует он.

Несколько моряков бросают в воду рубашки и шапки. Воины в лодках табанят и задерживают каноэ, стараясь выловить брошенные предметы. Пока они спорят о том, кому достанутся вещи, люди на баркасе выгадывают время, и суденышко скрывается в море.

Своими решительными действиями, мужеством и выдержкой Уильям Блай вселил в людей надежду. И хотя океан начал волноваться, положение перестало казаться им таким безвыходным, как до подхода к острову Тофуа. К тому же после гибели Нортонна, самого тяжелого человека на борту, остойчивость баркаса увеличилась. Плотник Уильям Перселл установил на борту ограждение из парусины, которое защищало людей от брызг.

Блай обратился к морякам:

— Я намерен повести вас в Голландскую Ост-Индию, если вы согласны получать двадцать пять граммов сухарей и глоток воды в день.

— Мы следуем за вами, сэр! — прозвучал ответ.

— Хорошо! Переложите руль, мистер Фраер. Мы направляемся в Ост-Индию!

Но затем наступают ужасные дни, когда маленькой скорлупке приходится сражаться с океаном. Легкий ветерок переходит в бриз, бриз — в шторм, и всякий раз, вознесшись на гребень волн, баркас проваливается в глубокую долину, готовый вот-вот перевернуться. Огромные волны перехлестывают через парусиновый борт, и измученный экипаж не покладая рук вынужден постоянно вычерпывать воду. Глаза всех устремлены на руле-

вого — стоит ему допустить хоть малейшую оплошность, и баркас мгновенно поглотит бурлящая пучина. Ночной холод буквально сковывает промокших насквозь моряков, и утром они не в состоянии пошевелиться, днем же, под обжигающими лучами тропического солнца, умирают от жажды.

Но Уильям Блай осознавал всю полноту своей ответственности перед людьми. У него был при себе молитвенник, и он не пропускал ни одной утренней и вечерней молитвы. Он ежедневно вел вахтенный журнал, делая записи, сидя или полулежа на дне баркаса, а когда по пути им встречались неизвестные группы островов, рисовал карты и с такой точностью наносил береговую линию, что впоследствии его картами пользовались все капитаны. Рацион Блай распределял при помощи двух скорлуп кокосового ореха, взвешивая их на рычаге на тонком шпагате; прямыми служили две пули, случайно оказавшиеся в баркасе. Дневной рацион равнялся весу одной пули (18 граммов). Сухари Блай размачивал в пресной воде и ломал на кусочки. После особенно тяжелых штормовых ночей он выдавал каждому по чайной ложке рома. На таком пайке люди жили более месяца; иногда и без того скудный рацион еще более урезывался.

Однажды утром, когда баркас прошел между двумя крупными островами, позднее известными под названием Вити-Леву и Вануа-Леву в архипелаге Фиджи, и достиг группы островов Ясава, неожиданно вынырнули два больших каноэ. Сидящие в них вооруженные люди жестами принялись показывать, что хотят поговорить с экипажем баркаса. Но у всех моряков еще были свежи в памяти события на Тофуа, и Блай приказал спустить на воду весла. Однако люди слишком измучены, грести быстро они не могут, и каноэ неумолимо приближаются. К счастью, поднимается ветер, баркасу удается уйти. Блай и его люди могли благодарить судьбу, так как жители островов Фиджи (о которых европейцы в те времена ничего не знали) — самые страшные каннибалы Южных морей; особой свирепостью отличались племена ясава, которые жили тем, что ловили врагов, откармливали их в бамбуковых клетках, а затем продавали на остров Мбау, где несчастных убивали и зажаривали в открытых земляных печах.

Будучи на острове Ясава, я спрашивал местных жителей, не сохранились ли какие-нибудь исторические предания о встрече с капитаном Блаем и его людьми. Оказалось, что сохранились: старые воины рассказывали, что на берегу уже наточили бамбуковые ножи и подготовили печи для приготовления лакомого блюда под названием «длинная свинья», однако в печь в конце концов угодили оба главаря с каноэ за то, что им не удалось доставить на берег добычу. Пролив между островами жители Ясавы называли Пролив Длинная Свинья. Сегодня его именуют Блайз Уотер*.

2

Надо мной, колышимые тихим ветерком, покачиваются кокосовые пальмы, позади зеленой стеной встает мангровая чаща. С монотонным грохотом бьют о риф волны океана. Я нахожусь на одном из островов архипелага Фиджи, где много лет назад жили вселявшие ужас канибалы.

Шхуна, что доставила меня сюда, давно открылась за линией горизонта — сначала исчез размеренно покачивающийся корпус, затем трепещущий парус и, наконец, точка на горизонте. В крохотном каноэ я и мой спутник Куми огибаем рифы по синевато-зеленым гребням волн и, войдя в лагуну, бредем по мелкой воде; дно лагуны усеяно тысячами маленьких крабов. Вскоре мы уже вытаскиваем свой багаж на берег. Там, за причудливо изогнутыми манграми, растут хлебные деревья и таро. Их посадили меланезийцы, которые на протяжении столетий устремлялись на этот остров; это они прогнали Блая и его людей с острова.

На нашем островке, каким бы он ни был крохотным, раньше жили люди. По мнению Куми, большая часть тихоокеанских островов в разное время была обитаема, где-то люди жили недолго — месяц-другой, где-то — годами. Меланезийцы сохранили такое чувство родства, которое в Европе встречается лишь среди жителей самых уединенных мест. Куми принадлежит к тридцатому поколению меланезийцев. С извиняющейся улыбкой он признает, что один из его прадедов ел человеческое мясо — «все они занимались этим в то время». Но Куми

* Воды Блая (англ.).— *Примеч. пер.*

гордится своим прадедом, который жил вместе с семьей на одном из островов группы Лау. На острове было слишком много людей, и Секове, так звали прадеда, решил уехать оттуда вместе с женой и двумя детьми.

— Но они взяли с собой молодую беременную женщину, — продолжает Куми свой рассказ, когда мы разожгли костер, — ведь они не знали, куда плывут.

— А зачем им понадобилась беременная женщина?

— Если бы они попали на остров, где нет других людей, то женщина и ребенок, которого она должна была родить, могли бы продолжить род, внося в него новую кровь. Они плыли в каноэ много дней подряд. В те времена строили очень большие каноэ, не только для сражений, но и для путешествий на другие острова. Лодка моего прадеда была такой большой, что в ней могли уместиться шесть взрослых мужчин. Они взяли с собой таро, плоды хлебного дерева и много другой еды. Плавание по океану длилось несколько недель, прежде чем они обнаружили остров. Прадед нашел проход в рифе и провел каноэ в лагуну. Они прожили на острове много лет. Семья разрослась и стала большой.

История рода Куми типична для меланезийцев; тысячи из них претерпели такую же судьбу. Они плавали по океану, чаще всего не зная цели, но всегда надеясь, что рано или поздно натолкнутся на остров, где можно будет поселиться. Таро вырастет в любом месте и уже через несколько месяцев даст урожай, а если путешественникам повезет, то на вновь открытом острове найдутся и хлебное дерево, и кокосовые пальмы. Вокруг рифа можно будет ловить рыбу, а возможно, и морских черепах. Опасаться, собственно, приходилось других людей: приплывший на остров «с соленой водой в глазах» (так называли тех, кто путешествовал по океану в поисках нового дома) легко мог угодить в котел.

Но предки Куми находились на своем острове одни, пока не появился паппаланги — так на островах Фиджи называют белого человека. Произносится это слово как «фафаланги». Куми поясняет, что слово возникло, когда первые белые люди, попавшие на Фиджи, пытались рассказать туземцам, что они из страны, которая находится далеко-далеко, по-английски «фар... фар лонг эвей». Островитяне восприняли эти слова как «фафаланги».

Обстановка, в которой мы с Куми находимся на ост-

рове, напоминает ту, в которой жила семья его прадеда, с той лишь разницей, что среди нас нет женщин и мы знаем, что через неделю у рифа бросит якорь шхуна. Но сейчас мир остался за границей этого рифа, и, что бы ни случилось, я не смогу с ним связаться, если каноэ не причалит к берегу.

Наступила ночь, первая на этом острове. Ветер стих, вода в лагуне успокоилась, и кажется, будто все вокруг заснуло. Перестали шептаться кроны пальм, и со всех сторон нас, словно мантия, окутала мгла. Вместе с ней пришел страх.

Казалось бы, бояться мне нечего, и все же я не могу справиться с чувством неоправданного страха перед неизвестностью. Я всеми силами пытаюсь подавить его, но никакие логические аргументы, которыми я себя успокаиваю, не помогают.

— Это виноват океан, которому я поверяю свои чувства, — говорит Куми.

— Но почему же я должен бояться океана?

— Почему? Почему? Я и сам его боюсь.

В полночь я направляюсь к берегу и вхожу в воду лагуны. Кораллы на дне острее кухонного ножа, и я не снимаю ботинок. В свете луны я добираюсь почти до самого рифа. Там, по другую его сторону, волны встают стеной, и, хотя сюда они не доходят, я ощущаю под ногами движение воды. Да, океан ночью не спит. Слабое фосфоресцирующее сияние озаряет риф. Передо мной один за другим возникают зеленовато-белые гребни волн и разбиваются о риф, катятся камни, отдаваясь глухим грохотом в ночи. На ум вдруг приходит мысль: если бы сейчас сесть в каноэ и поплыть за риф, то ближайшей земли я достиг бы только у ледового барьера Южного полюса. Но я тут же гоню от себя эту мысль. Риф надежно защищает меня от океана, куда бы я ни отправился на острове, я всюду в безопасности.

Но океан, помимо моей воли, околдовывает меня, притягивает к себе, словно гигантское чудовище, которое всех и вся держит в своей власти. Он кажется воплощением самой жизни, и вместе с тем над ним витает тень смерти. Он отликает зеленью водорослей. Каждый гребень волны, словно живое существо, зовет меня к себе, приманивает, чарует... В белопенных завихрениях воды чудится не только хаос и анархия, но и ка-

кая-то упорядоченность, а в раскатистом гуле неведомый смысл. Я лишь один из многих, кто это почувствовал; в эти мгновения я как бы приблизился к тайне Южных морей. И внезапно понимаю, что должен испытывать каждый потерпевший кораблекрушение или оказавшийся за бортом, оставшись наедине с собой и своими мыслями перед лицом грозного океана.

Но особенно притягателен для меня здесь, на рифе, между океаном и лагуной, на границе реальности и воображения, аромат Тихого океана. Напоенный запахом соли и планктона, он устремляется мне навстречу, словно поток воспоминаний из подсознания. В жаркой, тропической ночи от него стынет кровь, ибо мне кажется, будто я нахожусь в глубине океана, в его объятиях, вдыхаю его душу, постигаю его сущность. Это не стойкий, насыщенный аромат духов, не слабое благоухание земли и растений после теплого ливня, а какой-то дикий, терпкий запах невидимых глубин...

Подошедший Куми тянет меня прочь от рифа, как лунатика ведет через лагуну к берегу. Когда мы выходим из воды, он улыбается чуть смущенной улыбкой. Пошевелив палкой угли в костре, ставит на огонь котелок с водой и, немного помолчав, говорит:

— Тебя поразила болезнь моря. Она не так уж безопасна, потому что заставляет людей бросаться через риф. Больные сами не сознают, что делают.

— Глупости, я прекрасно понимал, что делаю.

— Вот это-то и опасно. Люди думают, будто они в полном здравии, но это не так. Эту болезнь переносят большинство паппалангов на маленьких островах, и очень хорошо, что к тебе она пришла так рано. Говорят, она немного меняет человека, дает ему чуть-чуть понять вечность; этого достаточно, чтобы он уже не был таким, как прежде.

Наутро я пробуждаюсь от лучей ослепительного солнца и шепота крон кокосовых пальм. Это мое первое утро на острове. Накануне вечером мы с Куми возвели над остовом древней хижины крышу из пальмовых листьев. Теперь мы разошлись с ним в разные стороны в поисках хлебных деревьев и посадок таро, которые, по словам капитана шхуны, должны были быть на острове.

Едва Куми скрывается из виду и я начинаю пробираться сквозь заросли в глубь острова, освобождая путь длинным ножом, как мной овладевает томительное чувство одиночества. Видимо, этому способствует отдаленный гул волн, бьющихся о риф; кажется, будто ты совсем один в этом затерянном, далеком от цивилизации мире. Я уже мысленно перенесся в большой, шумный город, как вдруг замечаю следы на красно-желтой земле. Поначалу я склонен принять их за собственные следы, но, взглянув на прорубленную в зарослях дорогу, понимаю, что это не так. К тому же по свежим зарубкам на мангровых кустах можно судить, что совсем недавно здесь прошел человек.

Я не склонен драматизировать свое открытие. На острове я не один, со мной Куми, и, даже если незнакомые люди окажутся недружелюбными, это вовсе не значит, что они станут покушаться на нашу жизнь. «Острова каннибалов» — так называли эту группу островов вплоть до недавнего времени... Неужели не без оснований? На память невольно приходит рассказ о японских солдатах, обнаруженных на таком же затерянном острове через много лет после окончания второй мировой войны. Они и не подозревали, что война окончена и к тому же для них проиграна. При них все еще было оружие; потребовалось время, прежде чем удалось их убедить, что первая атомная бомба была сброшена на Хиросиму и что мир стал совсем иным. Надеюсь, мне не предстоит подобная же встреча?

Я бегом устремляюсь к хижине на берегу, а затем по следу Куми. Он обнаружил плантацию таро и очень доволен. Я рассказываю ему о своем открытии, но он лишь пожимает плечами:

— Верно, это рыбаки с Бенква, — замечает он невозмутимо. — Жаль, они могут увести у нас черепах.

— Ты не думаешь, что это могут быть японцы?

— Японцы?

— Да, со времени войны. Или... — я немного медлю, — или людоеды?

Куми смеется и говорит, что, как я, наверно, помню, дед его тоже был людоедом. А прадед был к тому же большой гурман — всякий раз, когда он съедал человека, он клал перед своим домиком камень. Под конец таких камней набралось 900, они образовали красивую

дорожку от хижины к причалу. Когда на остров прибыл первый миссионер, он очень обрадовался этой дорожке, ибо решил, что она проложена ради него. Ему очень хотелось, чтобы на островах Фиджи было побольше таких дорожек.

— Я сделаю все, что в моих силах, чтобы и к твоему домику проложить такую же дорожку, мисси, — ответил прадед Куми, — жаль только, что мой желудок теперь не столь хорош, как раньше.

Но на всякий случай Куми все же отправляется со мной, и мы продвигаемся вперед, прорубая себе дорогу в мангровых зарослях. В глубине острова, на заросшей высокой травой полянке, на корточках сидит человек, склонившийся над вырытым в земле очагом. Среди раскаленных камней виднеются куски светло-красного мяса.

— Булла! — кричит Куми по-фиджийски, что означает «доброе утро».

Незнакомец вскакивает и хватается за копье. Лишь теперь я вижу, что это молодой человек; лицо его вымазано болотным илом. На плечах у него листья, а всю одежду составляет лишь набедренная повязка. Куми говорит ему, видно, несколько успокаивающих слов, ибо незнакомец отставляет копье в сторону и направляется нам навстречу. Меня он все же слегка побаивается — вероятно, давно не встречал белого человека. Но вскоре выясняется другая, более прозаическая причина его опасений: светло-красное мясо в каменном очаге — это куски черепашьего мяса, а сейчас охота на черепахах запрещена. Незнакомец принял меня за представителя администрации и испугался, что я донесу о браконьерстве. Но Куми устраняет недоразумение, и вот уже я здороваюсь с Мака, как зовут молодого человека. Он принадлежит к племени савау, населяющему четыре деревни на наветренной стороне острова Бенква.

— Он огнеходец, — почтительно говорит Куми.

— Огнеходец? Что это значит?

— Через два дня в своей деревне Мака будет ходить по раскаленным камням.

В первый момент я подумал, что речь идет о своего рода испытании, нечто вроде испытания каленым желе-

зом у викингов, когда человек, дабы доказать свою невиновность, должен пройти по раскаленным камням. Но оказалось, что я ошибся. Прибегая к помощи Куми для перевода, Мака разъясняет мне суть дела. Много лет назад воин по имени Туи-на-ивакалита ловил угрей в горной речушке на острове Бенква. Уложив свой улов в плетеную корзину, он направился домой. Каково же было его изумление, когда он обнаружил, что один из пойманных угрей в действительности оказался карликом, который представился как «дух огня и дыма». Если Туи пощадит его жизнь, сказал карлик, то в благодарность он наградит мужчин племени савау способностью противостоять огню — они смогут безболезненно ходить по раскаленным камням.

Это был щедрый подарок, ибо ни одно враждебное племя не осмелилось бы убивать людей савау из боязни поссориться с духом огня. Стремясь доказать, что мужчины племени савау по-прежнему пользуются божественной привилегией, они и по сей день раз в году выступают в качестве огнеходцев. Перед этим молодые мужчины подвергаются «очищению»: им запрещено общаться с женщинами, есть кокосовые орехи. Обычно они живут в полной изоляции на пустынных островах вплоть до знаменательного дня. Вот почему мы и обнаружили Мака на нашем острове.

— Значит, они босиком прыгают в очаг и танцуют на раскаленных камнях? — спрашиваю я.

— Конечно. Ты в это не веришь?

— Верю, но хотелось бы самому посмотреть.

Куми совещается с Мака. Тот несколько раз кивает головой.

— Мы отправимся вместе с ним на Бенква и посмотрим церемонию, — говорит Куми. — Так что сможешь сам убедиться.

Два дня спустя мы плывем на Бенква на принадлежащем Мака каноэ с балансиром для устойчивости. Путешествие не из приятных, и я радуюсь, когда мы наконец снова чувствуем твердую почву под ногами. Ясный полдень. Мужчины племени савау под водительством современного Туи-на-ивакалита собираются еще раз доказать, что дух огня по-прежнему к ним благосклонен. Мне же кажется, что мы на столетия перенеслись назад. Со всех деревень гористого острова собра-

лись представители племен, чтобы посмотреть на силу мужчин савау.

На открытой площадке перед домом вождя вырыта прямоугольная яма — свыше десяти шагов в длину и пяти шагов в ширину. Это типичная земляная печь, которая на празднествах и торжественных церемониях меланезийцев служит и кухней, и обеденным столом. В глубине белые от многократного разогрева, в три слоя, вплотную друг к другу, лежат раскаленные камни. Время от времени люди подбрасывают в печь зеленые ветки, чтобы создать тягу, а затем кидают сухие дрова, а на них кокосовый луб. Из ямы валит удушливый дым. День выдался очень жаркий, и термометр, если бы таковой здесь был, явно показал бы не меньше 40 градусов в тени.

Несколько мужчин (среди них Мака) обвязали пояс длинными зелеными лиановыми веревками — так называемыми ва-лаи. Они ходили, ковыляя, вокруг ямы и гортанным голосом произносили нараспев «о-вуло-вуло» — старинное заклинание, смысл которого никто уже не в состоянии перевести. После этого уступают место другим мужчинам, которые палками переворачивают камни, так что раскаленная сторона оказывается наверху. Видимо, наступает торжественный момент.

Туи-на-ивакалита — здоровенный мужчина лет сорока, в обычное время служит на острове Бенква почтмейстером. Сейчас он речитативом рассказывает, откуда возник такой обычай. «Мы с вами увидим, по-прежнему ли владеют мужчины племени савау маной своих предков, обладают ли они и сегодня священной силой».

Прежде чем я успеваю сообразить, что, собственно, происходит, Туи с громким криком прыгает в яму, остальные следуют его примеру. Всего в яме набралось с десятков мужчин. Они в бешеном темпе принимаются прыгать на раскаленных камнях, время от времени останавливаются, словно болотные птицы на берегу реки, и, подняв ногу, показывают ступню зрителям, которые восторженно выкрикивают: «Мана, мана!»

Я слежу за лицом Маки. Он стоит, обратив полузакрытые глаза к небу. По выражению его лица не скажешь, что ему больно. Внезапно юноша начинает петь.

— О чем он поет? — спрашиваю я Куми. — Это старинная языческая песня?

— Нет, это псалм. Мака — вожак молодежи среди миссионеров-методистов на Бенкве:

Между тем мужчины в яме вошли в настоящий транс. Я отсчитываю секунды. Одна... две... три... четыре... Лишь на счете шестнадцать-семнадцать они медленно направляются в угол ямы и выбираются на траву, держась за протянутые лиановые прутья. Но долго стоять здесь они не могут, потому что зрители и помощники кидают на раскаленные камни листья и ветки, и сверху поднимается удушливый дым. Он служит сигналом к новым испытаниям. Савау по-прежнему совершенно спокойны, движения их величественны; они все так же равнодушны к боли, которую, как мне кажется, они не могут не испытывать, но которой тем не менее они явно не чувствуют.

На сей раз мужчинам предстоит доказать, что они способны победить дым, брата огня. У меня такое чувство, что сейчас они задохнутся, но из земляной печи, окутанной дымовой завесой, не доносится ни стона, ни кашля. Истекая слезами от дыма, я слышу лишь монотонное пение.

Испытания заканчиваются столь же внезапно, как и начались. Мака по праву гордится: он впервые участвовал в обряде и блестяще выдержал экзамен.

— Дух огня по-прежнему нас защищает, — говорит Мака. — Бог ему помогает, — добавляет он, заметив, что я стою рядом с миссионером.

— И тебе совсем не было больно?

— Нет, было только удивительно приятно... Такое же чувство я испытываю, когда пою псалмы.

— Можно посмотреть твои ступни?

Мака с готовностью их показывает. Я не вижу никаких следов ожогов. Но, быть может, это объясняется тем, что затвердевшая подошва стала не менее «огнеупорной», чем асбест? По крайней мере другое объяснение мне попросту не приходит в голову.

— Что вы думаете об этом хождении по огню? — спрашиваю я миссионера-туземца, гостеприимством которого пользуюсь во время своего пребывания на острове.

— А что мне думать? В этом ритуале участвуют наши лучшие люди. Вы же слышали слова Мака о том, что христианский бог помогает языческим богам. Тут я,

конечно, с ним не согласен. Но, честно говоря, разве перестаешь быть добрым христианином из-за того, что раз в году ходишь по раскаленным камням и отдаешь известную дань богам огня своих предков?

В далекие времена мятежа на «Баунти» этот обычай принес воинам племени савау славу бесстрашных. Они строили боевые каноэ и совершали на них опустошительные набеги на прибрежные районы Вити-Леву, однако до жителей горных районов острова никогда не доходили. Еще и по сей день в глубь этого большого острова ведут лишь узкие тропы, по которым можно проехать только на лошади. Там, в затерянных деревеньках, до сих пор живут примитивные племена. В самом центре острова, в четырех днях пути верхом от последнего цивилизованного поселения, на горном склоне, в окружении колючих зарослей и травы высотой в человеческий рост, раскинулась деревенька Намбутаутау, где был убит и съеден последний белый человек в Южных морях.

Это было своего рода историческое событие. А потому направимся и мы в Намбутаутау.

1

Когда мы взобрались на лошадей и направились по тропе, ведущей нашу маленькую экспедицию в глубь острова Вити-Леву, Куми, едущий позади меня, указал на пальму, что росла на вершине холма, покрытого щетиистой травой.

— Посмотри, вон там фиджийская крепость, — кричит он. — С этой высоты один человек шесть месяцев защищался от врагов.

Крепость? Я не сразу понимаю, что он имеет в виду. Куми натягивает поводья и кричит лошади «бу-ух», что означает команду остановиться. Мы спешиваемся и пробираемся сквозь траву.

— Ты не очень разберешься в жизни здесь, на Вити-Леву, если не постигнешь важнейшее из наших жизненных правил... Оно имело значение вплоть до нашего времени, — говорит Куми.

— В чем же его смысл?

— Стараться не угодить в земляную печь, а потому всегда находиться неподалеку от кокосовой пальмы, на которой при необходимости можно укрыться.

Я устремляю взгляд на пальму. Слегка раскачиваясь, она тянется на 20—25 метров ввысь; на ее верхушке большими связками висят орехи. Одни из них зеленые, это незрелые орехи, другие — коричневые, с такой твердой скорлупой, что я понимаю американских солдат, которые во время войны считали внезапно падающий кокосовый орех не меньшей опасностью, чем японскую засаду. Многие орехи весят семь-восемь килограммов и, падая с высоты 20—25 метров, легко пробивают череп взрослого человека. Я затрудняюсь сказать, сколько их на дереве, но, по мнению Куми, штук 400—500.

Под самой верхушкой пальмы — настоящие заросли

из острых длинных веток и тонких волокон, напоминающих лен. Они свисают со стволов пальм, ветви которых, раскинувшись веером, дают тень и прохладу.

— Вплоть до того времени, когда к нам чуть больше ста лет назад пришло огнестрельное оружие, каждая высокая и крепкая кокосовая пальма считалась почти неприступной крепостью, — продолжает Куми. — Пальмы не только давали нам пищу и строительный материал для домов и каноэ, но и спасали жизнь тысячам фиджийцев. Наше племя давно бы вымерло, не будь у нас этих деревьев.

Каждая деревня была практически независимым государством. Дома строили за бамбуковыми зарослями, на труднодоступных вершинах. Жители отдельных поселений были сильнее других, и их воины постоянно нападали на соседей, убивали людей палицами, уводили с собой пленных, которых затем содержали в бамбуковых клетках, словно свиней. Со временем их убивали и съедали, а тех, кого не могли съесть, перевозили в другие места в качестве «длинных свиней».

Войны в те далекие времена затевались прежде всего как охота за человеческим мясом. Если победители сами не были в состоянии съесть всех пленников, они могли отвезти их в отдаленные поселки. Так вырастали деревни, где скупщики «длинных свиней» всегда могли рассчитывать на получение желанного товара. Важнейшими из них были Нандрау и Намбутаутау.

Расплачивались за мясо фиджийцы китовыми зубами, весьма редким платежным средством, — впрочем, не более необычным, чем павлиньи перья на Соломоновых островах и ракушки на островах Гилберта.

— Не будь у нас высоких кокосовых пальм, вряд ли сегодня осталось бы в живых много фиджийцев, — продолжает Куми свой рассказ. — У воинов в основном были только палицы. Некоторые, правда, брали с собой в походы рыбацкие копья, но дальнобойных копий, не говоря уже о луке и стрелах, тогда не существовало. Так что добраться до человека, который залез на высокое дерево, лишенное веток, было почти невозможно.

На макушке вон той пальмы более полугода просидел человек по имени Тамбуалева. Воины из Нандрау напали на его деревню Намбуясу, расположенную по другую сторону горы, что виднеется слева от нас. Там-

буалева был единственный, кому удалось спастись. Пальма снабжала его всем, что нужно для жизни. Свежее кокосовое молоко хорошо утоляло жажду; пища, хотя и одна и та же, не давала погибнуть с голоду. Никто не мог до него добраться, а если кто-либо из нападавших пытался залезть на дерево, Тамбуалева ничего не стоило прикончить его сверху.

Обычно же одну какую-нибудь кокосовую пальму не подвергали длительной осаде — после успешного завершения похода воины стремились побыстрее вернуться в деревню, чтобы продать пленных. К тому же нередко деревня, на которую нападали, объединялась с соседними племенами, и в любой момент можно было ожидать нападения с их стороны. Да и оборону собственной деревни было неразумно надолго ослаблять: ведь она тоже могла подвергнуться нападению, если соседи узнают, что воины отправились в далекий поход.

Что же касается Тамбуалева, сидевшего на макушке пальмы, то с ним дело обстояло по-другому. Воины нандрау хотели отомстить ему за то, что двумя годами ранее он выкрал из их деревни трех молодых девушек — те слишком далеко отошли от дома, и там их подкараулил Тамбуалева с товарищами. Девушек принесли в жертву на празднике луны в Намбуясе. Вот почему воины нандрау держали осаду пальмы неделю за неделей.

— А разве они не могли ее срубить?

— Это древними-то томагавками, да еще когда он бросал на них сверху огромные кокосовые орехи весом не менее восьми килограммов? Даже современная механическая пила вряд ли легко осилила бы такую пальму. Единственный способ свалить ее — вырыть вокруг глубокую канаву, чтобы лишить корни питания.

— Почему же нандрау этого не сделали?

— Они пытались, за что один воин поплатился жизнью — Тамбуалева кинул ему на голову кокосовый орех. Но не забывай, что, прежде чем пальма начнет сохнуть, пройдет много месяцев, пока она упадет.

Воины, осаждавшие дерево, всеми способами пытались заставить Тамбуалеву спуститься вниз. Они делали даже вид, будто снимают осаду. На самом же деле они прятались в зарослях, откуда могли отлично наблюдать за пальмой. Но и это не помогло. Тамбуалева

оставался в своей неприступной крепости, а враги его были слишком нетерпеливы и недолго выдерживали засаду. Свыше полугода Тамбуалева просидел на дереве, а затем ему на помощь пришли люди из племени вайкумбукумбу, и он прожил еще много лет.

Тысячи фиджийцев укрывались в пальмах в минуту опасности, хотя вряд ли многие из них выдерживали столь длительную осаду, как Тамбуалева. Когда же европейские торговцы доставили на острова первые шомпольные ружья, убежища на деревьях, разумеется, потеряли свою ценность. Для фиджийцев началась новая эпоха, столь же отличная от прежней, как наш атомный век отличается от «веселых» 90-х годов прошлого столетия. Рассказывают, что, став первым обладателем четырех ружей, король Науливоу прежде всего отправил своих воинов к устью реки Насиви, где после одного из набегов на верхушках пальм укрывались люди. При помощи нового оружия он за короткое время согнал вниз всех, кто прятался на деревьях. Появление ружей означало подлинную революцию в ведении войн и в течение нескольких лет резко сократило численность населения острова Вити-Леву. Ну, а то, что не сумело сделать огнестрельное оружие, совершила эпидемия кори, которая менее чем за три месяца унесла 40 тысяч жизней — примерно треть всех жителей.

2

Мы не проехали верхом и нескольких часов, как я понял, почему Вити-Леву принадлежит к числу забытых островов Южных морей. Гористый ландшафт, джунгли по берегам бурных речек, глубокие ущелья и высокая колкая трава превратили остров в бездорожную глушь и помешали колонизации центральных его районов. И хотя вдоль побережья проложены приличные автомобильные дороги, соединяющие плантации сахарного тростника и банановые плантации с небольшим столичным городком Сува на восточной оконечности острова, весь этот тропический район площадью с датский остров Зеландия и шведскую провинцию Сконе, вместе взятые, теряется среди гор, рек, непроходимых лесов, зарослей мангра и кустарника.

Конечно, между отдельными населенными пунктами имеются тропы, но они были проложены в те далекие

времена, когда островитяне главное внимание уделяли интересам обороны, а потому тропы тянутся по гребням высот, где местные жители могли заранее обнаружить приближение врага, и теперь эти узкие дороги петляют по зеленым склонам, обрываются у речных берегов, вместо того чтобы следовать вдоль них. К сожалению, я не могу похвастаться способностями в верховой езде. К тому же продолжается сезон дождей, затяжные ливни превратили тропу в стремительный горный поток. Токо по — так зовут мою лошадь — погружает тощие ноги в глубокие, полные воды ямы, спотыкается, и я то и дело скатываюсь в грязь, доставляя Куми немало веселых минут. Признаться, ему все происходящее кажется гораздо забавнее, чем мне. Он говорит, что я намалеван, как настоящий фиджийский воин времен его предков — в те дни, отправляясь в поход либо в гости в другую деревню, воины мазали лица грязью. Но когда мы приближаемся к первой деревне, Яву, он все же просит меня искупаться в речке.

— Когда мы уезжали из Тавуа, я видел у тебя в мешке красивую белую рубашку, — говорит он. — Не мог бы ты ее надеть... и еще галстук?

— Но зачем? Ты ведь сказал, что мы только проедем через деревню, чтобы успеть к ночи в Нандрау?

— Верно, но нам все равно придется выпить янггону. Запомни: нельзя миновать ни один дом или просто сторожку в лесу, не выпив с их обитателями янггону. На вождя и старейшину произведет хорошее впечатление, если ты будешь чистым и аккуратно одетым. Вождь Яву, наверное, уже видел нас, когда мы ехали наверху.

— В таком случае он успел заметить и мое испачканное грязью лицо и замызганную рубашку.

— Конечно, и поэтому он будет особенно доволен, если обнаружит, что ты помылся. Это усилит твою ману, так что искупайся и не осложняй мне жизнь.

Затем Куми заставляет меня надеть галстук, хотя температура — не менее 40 градусов в тени. Но его предусмотрительность и в самом деле усиливает мою ману — этим словом в данном случае можно передать тот почет, которым меня окружает незнакомый вождь. Я прибыл в дикий и неведомый мир, изнурительная поездка верхом на мокрой от пота спине Токо по петляющей горной тропой предоставила мне возможность уви-

деть такой мир, такой образ жизни, каких, я был в этом уверен, давно уже нет на нашей планете.

В хижине вождя Валне-ни-сонку, куда мы добрались с наступлением темноты, я увидел продолговатое возвышение из множества плетеных циновок, уложенных друг на друга и удерживаемых при помощи бамбуковых палок. Оно напоминало мне постель из сказки «Принцесса на горошине». На самом же деле это так называемая мокемоке — кровать, предназначенная для почетных гостей. По обе стороны от возвышения горит огонь. В большой хижине и без того нестерпимо жарко, огонь же вызывает у меня такое ощущение, словно я парюсь в турецкой бане.

Но и это бы еще можно было вытерпеть, если бы от меня не требовали активного участия в церемонии встречи. Мне доводилось слышать, что масоны, прежде чем их примут в ложу, проходят через ряд особых церемоний. Однако они не идут ни в какое сравнение с теми обрядами, через которые должен пройти европеец, попадающий в отдаленные деревни на острове Вити-Леву.

Я сижу, скрестив ноги, на мокемоке. Пот, струящийся по лбу, застилает глаза, и мне то и дело приходится протирать очки, чтобы хоть как-то рассмотреть, что происходит вокруг. Передо мной полукругом сидят 14 человек, среди них 83-летний вождь Майка Наколаули. Его отец, Насаунивалу, сварил миссионера Бейкера в земляной печи, что находится в каких-нибудь двадцати метрах от хижины, где происходит торжественная церемония. Говорят, будто и сам Майка в молодости любил полакомиться «длинными свиньями». Сейчас же он скорее напоминает respectable английского полковника в отставке.

Правда, этого нельзя сказать о его одеянии. Да и все остальные ничем от него не отличаются: на них нет ничего, кроме набедренных повязок и манжет из зеленых веток на ногах и руках, лица у них вымазаны черной грязью. Сын вождя, Илайса Роковиса Наколаули, по случаю сегодняшнего торжества продел сквозь носовой хрящ кабаньих клык, а так как он и до этого был украшен как представитель племени большеголовых, то вид у него устрашающий. Но вообще-то Илайса — воплощение самой доброты; он немало гордится своей причес-

кой — курчавые волосы вздыблены сантиметров на десять вверх, они свисают во все стороны, отчего голова кажется похожей на губку.

Слева от меня на большой циновке на полу расположился Куми вместе с двумя проводниками, Набуреэ и Филимони. Последний — человек не без влияния, весьма уважаемый в Нандрау, куда он раз в году приводит местного полицейского. Сейчас он будет выступать в роли нашего представителя.

— Не нервничай, сохраняя спокойствие, — шепчет Куми, а у самого голос дрожит от возбуждения.

— С какой стати я должен нервничать?

— Я тебе шепну, что ты должен делать.

Вопреки собственным словам, я испытываю некоторое смущение при виде того, как четыре человека волоком тащат огромную деревянную чашу, не меньше метра в диаметре. Это так называемый таноа из дерева веси, священный сосуд, в котором варят янггону. С одной стороны сосуда лежит веревка из плетеных лиан, на конце ее — большая раковина. Церемониймейстер кладет веревку так, что она направлена прямо на меня. В этот же момент мужчины начинают бормотать, невнятное бормотание перерастает в зловещий гул. Я растерянно смотрю на Куми: быть может, я сделал что-нибудь не так? Но он успокаивающе кивает головой. Все идет как положено.

Мне отлично известна история таноа, ее рассказывал проводник Филимони. Он особо подчеркнул, что если люди племени нандрау вынесут этот сосуд, значит, мне будет оказан такой же сердечный прием, как и миссионеру Бейкеру.

— Но ведь они его убили?!

— Это случилось два дня спустя, и то лишь потому, что он нарушил заповедь племени. Он привез Насаунивалу в подарок гребень, но тот явно не умел им пользоваться. А Бейкер к тому же оказался настолько глуп, что вытащил гребень из пышной прически вождя, пытаясь показать ему, как европейцы расчесывают волосы. Это было самое большое оскорбление, какое только можно себе вообразить, и Насаунивалу тотчас послал гонца в соседнюю деревню Намбутаутау с приказом убить Бейкера там.

— А почему не здесь, в Нандрау?

— Если ты выпил с человеком янггону, он уже не вправе тебя убить. Он может позднее полакомиться твоим мясом, но сам лишит тебя жизни не смеет.

Я вспоминаю рассказ Филимони, слушая, как бормотание мужчин перерастает чуть ли не в гневные выкрики, между тем как глаза мои за запотевшими стеклами очков прыгают с пышной шевелюры сына вождя на старую чашу, служившую этому племени столько лет.

— На что они так сердятся?

— А, этого требует обычай. Не обращай внимания. Они кричат на варщика янггоны, чтобы он поторапливался.

Вскоре появляется молодой человек. В руках у него корни янггоны, растения из семейства перца *Piper methysticum*. Он начинает отбивать серые, в клубеньках корни длиной около полуметра о большой плоский камень, а затем принимается их мять. После этих процедур они становятся похожи на длинные тонкие мочала, какими у нас обычно пользуются торговцы цветами. Связав тонкие полоски в пучки, он кладет их в чашу, заливая небольшим количеством воды и начинает разминать. Время от времени он вынимает корни, чтобы все могли их видеть, и кладет обратно, продолжая мять.

Всякий раз, как корни появляются над краем чаши, пять человек, сидящих сзади, хлопают в ладоши, в остальное время они заняты меке — слагают песню, добавляя в нее все новые слова по мере того, как в котле начинается брожение. Куми старается мне переводить, но не всегда успевает, так как один из исполнителей то и дело ползает на четвереньках по циновке от хора к Куми, чтобы пополнить меке сведениями о незнакомом белом вожде.

В переводе песня звучит примерно так:

— О-о-о... мы с радостью поем о незнакомом вожде... о-о-о... в запотевших очках... о нем, который приехал из далекой страны Ден (наверняка Дания)... О-о-о... мы надеемся, что ему больше понравится янггона, которую мы варим для него, чем... о-о-о...ные комарики, которые, как и мы, стараются с ним познакомиться (в это время я тщетно пытаюсь отогнать от лица полчища комаров). Мы знаем, что его мана ..-о-о-о... велика... мы хотим сделать ему подарок...

— Похлопай в ладоши шесть раз, — кричит Куми,

стараясь заглушить шум. Певцы смолкают, прежде чем я кончаю хлопать.

— О-о-о... великий вождь не принес с собой попопопо?.. О-о-о... мы могли бы еще лучше оценить его силу и его ману... о-о-о...

— Что такое попопопо? — спрашиваю я Куми.

— Орган, который можно принести в мешке.

К сожалению, я должен огорчить островитян. У меня для них много подарков: ножи, платки, две цветные фотографии королевы Елизаветы, но прихватить с собой переносный орган мне не подсказала самая буйная фантазия. Куми полагает, что его можно купить за 5—6 фунтов, и так как мне хочется сохранить со своими хозяевами самые добрые отношения, то я прошу его узнать, не могу ли я вручить эти деньги Филимони, чтобы он захватил орган с собой, когда в следующий раз приедет в деревню вместе с полицейским.

Куми с большим воодушевлением передал это предложение. В его устах оно звучит как настоящий гимн.

— Мана... мана... о-о-о... мы счастливы... мы целыми днями будем играть на попопопо вождя в запотевших очках и вспоминать его чудесный приезд... о-о-о... мана... мана...

Тем временем янггона уже готова к употреблению. Молодой варщик обеими руками хлопает по красновато-коричневой массе, точно ребенок, который плещется в ванночке. Наступил великий момент.

Матанивануоен, представитель вождя, буквально вползает на меня и протягивает мне било — небольшую деревянную чашу, которая с этой минуты становится моей собственностью. Чужеземец не может пить из того же сосуда, что остальные, и никто не смеет поднимать голову выше, чем он. И когда я, на мгновение забывшись, сползаю с вороха циновок, чтобы взять било, то, к своему изумлению, обнаруживаю, что почти все люди тотчас ложатся на живот. Куми мигом подлетает ко мне и строгим голосом предлагает взобраться на мокемоке и вообще вести себя, как подобает воспитанному человеку.

Варщик по имени Лосе подползает ко мне и наполняет мой било до краев. Я знаю, что мне следует осушить чашу одним глотком. При этом я должен громко хлюпать, а затем с явным удовольствием облизнуться.

Выхода у меня нет. И вот уже я подношу чашу к губам, запрокидываю голову и быстро заглатываю содержимое. Не так уж и плохо. К тому же Лосе производит впечатление человека чистоплотного, который, можно полагать, иногда моет руки. Когда я, согласно обычаю, швыряю било на циновку, во рту еще остается слабый привкус варева, напоминающий лакрицу. Я демонстративно облизываю губы.

— О-о-о... мака... о-о-о... мака! Он пустой, он пустой! — восклицают собравшиеся, и эти слова означают: «Добро пожаловать в Нандрау».

В течение вечера и ночи предстоит опорожнить еще немало било, но янггона не содержит алкоголя, так что торжественная, но сердечная атмосфера не претерпевает изменений. Все мы выполняем церемонию три раза. Затем следуют хлопки в ладоши и новое пение меке. Старый вождь оказался весьма разговорчивым. Куми должен переводить, но ему почти не удается вставить словечко. Это признак того, что нам наконец дадут что-нибудь поесть. У нас во рту не было ни крошки с утра, когда мы отправились в путь, так что я буквально умираю с голоду и надеюсь, что таро и плоды хлебного дерева скоро будут готовы. Но это требует времени. К тому же от дополнительных двух очагов в хижине почти нечем дышать. Но вот пища наконец готова. Сначала в величественном одиночестве ем я, затем вождь, после него проводник Филимони, Куми и все мужчины племени. На остатки набрасывается целый рой женщин и детей. Торжественная церемония окончена, но никто и не собирается уходить, чтобы дать нам хоть немного отдохнуть. Я валюсь с ног от усталости и, когда стрелки часов приближаются к четверем утра, потихоньку спрашиваю Куми, нельзя ли мне перейти в другую хижину и соснуть.

— Но твое место здесь... в доме вождя. Ложись в постель, друг!

— А это не нарушит обычай?

— Наоборот, от тебя только этого и ждут. Никто не может уйти, пока ты не ляжешь.

— Где я могу лечь и где мне раздеться?

— Спать ты будешь на мокемоке. Для чего же, по твоему, они его постелили?

— Можно мне выйти, чтобы переодеться?

— Это обидело бы наших друзей... Разве у тебя есть что скрывать?

— Нет, конечно, но ведь... Я хотел сказать, при женщинах...

— Ты думаешь, им не приходилось видеть, как переодевается мужчина?

«Следуй обычаю или бегни из страны», — гласит одно из важнейших правил, которое каждый журналист должен зарубить себе на носу. Я следую этому призыву и на этот раз: на глазах у всех переодеваюсь в пижаму, к тому же совсем новую — я приобрел ее второпях две недели назад у одного торговца-китайца в городке Нанди. Выбора там не было, все мужские пижамы были либо отделаны галуном наподобие мундира венгерского гусара, либо украшены ярким изображением дракона на спине. Я остановил свой выбор на черном драконе из искусственного шелка. Во время ритуала в Нандрау он привлек к себе такое внимание, что все племя — мужчины, женщины и дети — выстроилось в очередь, чтобы пройти мимо мокемоке и полюбоваться моим облачением. Уже после того, как я улегся, ко мне на коленях подполз вождь и спросил, не буду ли я так добр снова подняться и повернуться спиной, потому что одна старушка из дальней хижины пришла специально для того, чтобы взглянуть на черного дракона.

Под монотонные звуки меке, которая, насколько я мог понять, на сей раз была посвящена моей пижаме, я вступил в единоборство с комарами и другими неприятными существами, а тем временем меня то и дело обнюхивали собаки и какая-то клуша прыгала мне на живот. Стремясь выказать мне свое дружелюбие, люди подкладывают топливо в очаги у моего изголовья и ног.

3

Я намеренно изображаю внутренние районы острова Вити-Леву как рай, и если вообще можно говорить о счастливых жителях, то они должны находиться именно тут. Первые проблески дня освещают раскинувшуюся передо мной деревушку с ее высокими хижинами — клетушками из жердей и циновок. Именно так меланезийцы строили свои жилища во все времена, когда жили на этих островах, и вы не найдете среди здешних строе-

ний и намека на безобразное волнистое железо. Изучив деревянный каркас, я не обнаружил в нем гвоздей: жерди были связаны лиановыми веревками, циновки крепились к стенам, как паруса, а пальмовые ветки, которые здесь кладутся на крышу по древнему образцу, способны выдержать напор бури.

Насколько хватает глаз — от зеленого травяного ковра в деревне вплоть до гор и ущелий, вся земля принадлежит племени нандрау. Каждая деревня располагает большой территорией, здесь хватает травы для скота, а часть земли можно возделывать, если имеются рабочая сила и желание. Свежая питьевая вода также не составляет проблемы — всюду множество полноводных речек. Кругом обилие дикорастущих плодовых деревьев. Таро, хлебное дерево, апельсины, гуайява, яблоки — все, что посажено, произрастает в таком изобилии, какого не сыщешь в других местах.

Но меланезийцы, коренные жители архипелага Фиджи, в собственной стране составляют меньшинство; их насчитывается всего 150 тысяч человек, тогда как потомков переселившихся сюда индийских кули свыше 180 тысяч человек*. Таким образом, на островах существует расовая проблема совершенно особого свойства, но в глубине Вити-Леву с ней не сталкиваются. Это объясняется тем, что до сих пор ни один индеец еще не селился дальше, чем в двух часах ходьбы от побережья или от шоссе. Когда английские колониальные власти много лет назад пытались выработать приемлемую основу существования для обеих рас, они в своем законодательстве закрепили положение, по которому индийцы имеют право арендовать землю у фиджийцев, но не владеть ею. В результате в прибрежных районах индийцы довольно скоро превратились в многочисленную группу мелких арендаторов, а местное население стало жить за счет доходов от аренды. Но поскольку, как я уже говорил, во внутренних районах индейцев нет, а межплеменные войны, равно как и людоедство, канули в Лету, то проживающим там местным племенам принадлежат огромные пространства земли. Одна-

* По данным 1975 года, население Фиджи составляло 565,5 тыс. человек. Из них 286 тыс.— индийцы, 248 тыс.— фиджийцы.— *Примеч. ред.*

ко использовать их они не могут из-за отсутствия рабочей силы. К тому же у островитян есть все необходимое для поддержания жизни, поэтому трудиться много им не приходится. В деньгах они не нуждаются. Им, по сути дела, неведомы те потребности, с которыми сталкиваются другие примитивные народы, приобщающиеся к современной цивилизации. На острове Пентекост мечта каждого канака — приобрести мотоцикл, хотя он может проехать на нем каких-нибудь три километра по единственной ухабистой дороге. В Суве, как и в других местах на Фиджи, жители мечтают о подвесных моторах для своих каноэ. Но все эти потребности в Нандрау неизвестны. Зато попопо... Один астматический кашель, вызванный произношением этого слова, говорит о том, что речь идет о небольшом органе.

Здесь, как нигде в другом месте, сильно влияние миссионеров, и не будет преувеличением сказать, что миссионерская деятельность принесла заметные плоды. Сегодня в поселениях чужестранец может путешествовать без всякого для себя риска. Потомки вождей, прежде занятых исключительно набегами на другие деревни, теперь обучают подрастающее поколение полезным занятиям. Ушел в небытие обычай, когда стариков и немощных принуждали ложиться в ямы и засыпали землей. Современные племена образцово заботятся о своих родителях. Чем объяснить такую перемену в мышлении? Тот факт, что оно действительно изменилось, сомнений не вызывает, причем речь идет не о чем-то внешнем, поверхностном: характерно, что многие фиджийцы во время второй мировой войны служили в Малайе и показали себя не только хорошими солдатами, но и людьми, гуманно относившимися к пленным.

Быть может, такая перемена к лучшему частично объясняется тем, что среди миссионеров, приехавших на острова Фиджи, были люди высокой морали и большого личного мужества. Сошлюсь на следующий пример. В середине прошлого столетия два миссионера, Кроса и Каргилль, поселились со своими женами на маленьком островке, в нескольких километрах от Мбау, где жил один из самых влиятельных местных королей. Однажды, когда мужчины находились в отъезде, их жены узнали о том, что король Таноа в Мбау готовит большой праздник для гостей из племени мбутони. По

этому поводу он направил Нгавинди, предводителя рыбаков Мбау, в чьи обязанности входило добывать пищу, вместе с двадцатью воинами на остров Вити-Леву. В топах они наткнулись на группу ничего не подозревавших женщин, связали их по рукам и ногам и доставили на Мбау в качестве «длинных свиной» на праздник по случаю посещения гостей из дружественного племени.

Узнав об этом, жены миссионеров тут же сели в каноэ и, так как никто из персонала миссии не осмелился их сопровождать, одни направились через узкий пролив, отделявший их островок от Мбау. До них доносились глухие звуки боевых барабанов и крики несчастных. В хижину, где жил король Таноа, под страхом смерти было запрещено входить женщинам. Тем не менее храбрые миссионерки направились туда, раздвинули циновку и потребовали, чтобы старый свирепый Таноа немедленно освободил пленниц. Это был не просто мужественный, но и безрассудный поступок. Они были единственными европейцами на острове, никто не мог их защитить, а воины Мбау уже были возбуждены жаждой крови. Но Таноа был настолько поражен и проникся таким уважением к смелым женщинам, что подарил пленницам жизнь. Правда, большинство из них к тому времени были убиты, но четверо оставались в живых, и вместе со своими спасительницами они уехали на миссионерскую станцию.

Бесспорно, миссионер Томас Бейкер, погибший в Нандрау в 1867 году, также был человеком смелым, но, к сожалению, он слишком мало считался с обычаями островитян. Он был первым европейцем, рискнувшим проникнуть в глубь острова Вити-Леву, причем для этого он избрал примерно тот же маршрут, которым мы следуем с Куми. История с гребнем стоила ему жизни. Однако если бы его не убили в деревне Намбутаутау, то соплеменники сочли бы Насаунивалу, вождя из Нандрау, «человеком, чьи волосы, а тем самым и мысли были запачканы», и это привело бы к бесконечным междоусобицам.

— Моему отцу не оставалось ничего иного, как направить тамбуа в Намбутаутау и просить вождя этой деревни, Накатакататаимоси, убить мисси Бейкера, — рассказывает мне нынешний, 83-летний вождь. — Я рас-

скажу тебе, что такое тамбуа. Это подарок, связанный с определенным обязательством. Мой отец послал королю Намбутаутау очень красивый китовый зуб. Когда ты приедешь в эту деревню, ты его, возможно, увидишь, потому что жители все еще хранят его в ритуальном домике. Если бы Накатакататаимоси принял подарок, он обязан был убить Бейкера, а если бы отверг, то это означало бы объявление войны.

В те дни он не мог решиться на войну, а потому согласился лишиться миссионера жизни. Но он не сразу на это осмелился. Бейкер и сопровождавшие его люди — два фиджийских дьяка и шесть носильщиков — спали в ту ночь в ритуальном домике. Наутро вождь сказал: «Пойдем, я покажу тебе тропу через горы». Когда они удалились от деревни, один из дьяков заметил, что за ними бегут люди. Бейкер увидел, что вождь обнажил боевое оружие, и сказал, обращаясь к своим спутникам: «Не пытайтесь бежать, оставайтесь на месте, и с вами ничего не случится». Но все они были убиты, за исключением одного носильщика, которому удалось спастись в густом кустарнике.

— А что случилось потом?

Вождь выводит меня из хижины, и мы направляемся по узкой тропинке в траве к большой яме под горой, в двух минутах ходьбы от деревни.

— Здесь испокон веков находится наша печь. Ты видишь, мы приготовили камни, надеясь уложить на них кабана и угостить тебя жареным мясом. Но нам это не удалось.

— И здесь твой отец зажарил Бейкера?

— Да, войны из Намбутаутау отправили тело в нашу деревню, и отец приказал нам сварить его и съесть.

— Молва гласит, что твой отец съел и его ботинки.

Лицо старого вождя становится серьезным:

— Откуда моему отцу знать, что ботинки не являются частью тела? Ведь он никогда прежде не видел белого человека. Да и ботинок ему также не доводилось видеть.

— Твой отец не понес никакого наказания за содеянное?

— Кто же мог наказать вождя? К тому же он совершил лишь то, что следовало совершить по нашим понятиям. Лишь много лет спустя сюда приехали белые

люди. Через 33 года мы послали тамбуа на миссионерскую станцию в Дайгулеву, около Сувы, где построена церковь в память о Бейкере. Мы просили прислать сюда миссионера, потому что хотели стать добрыми христианами. Но постоянного человека так и не назначили.

4

Остров Мбау, лежащий к северо-востоку от Вити-Леву, окутан завесой белых облаков. Хотя его площадь едва ли вдвое превышает Ратушную площадь в Копенгагене, некогда он был самостоятельным королевством, а его войны полтора столетия назад подчинили себе большинство других островов архипелага Фиджи. Над этим клочком земли между двумя куполообразными холмами некоторое время властвовал белый человек, шведский моряк по имени Калле Свенссон, известный как Король Чарлз (Карл) Свирепый.

Когда Куми и я сошли на берег, там уже собрались люди. Большинство составляли женщины с кухонной посудой в руках. Берег вдоль лагуны застроен домиками на сваях, к которым ведут длинные деревянные мостки. Все это напоминает купальни и мостки к ним где-нибудь на датском побережье, с той только разницей, что здесь эти постройки имеют совсем иное назначение: их используют и как кухни, и как уборные. Много раз жилые строения уносили пожары, и наученные горьким опытом островитяне стали возводить дома на воде. Кроме того, прилив и отлив — превосходный природный клозет со сливом. Когда и уборные были перенесены на воду, жители Мбау забыли, что такое дизентерия и холера. Сейчас на острове проживает 1200 человек; это число не идет ни в какое сравнение с населением эпохи «величия» — в период владычества Калле Свенсона число жителей Мбау составляло 4 тысячи человек. Одновременно здесь могло проживать столько же воинов с других островов, а в тихих водах лагуны стояли огромные боевые каноэ, достигавшие нередко 40 метров в длину и 7 метров в ширину.

Толстые стволы деревьев скреплялись дюймовыми канатами из лиан, а поверх клали тонкие доски и циновки. Нередко на палубе строили метровой высоты укрепление — три слоя циновок, покрытых снаружи крупными ракушками для защиты от топорov противни-

ка. Строительство отдельных каноэ иногда продолжалось два десятка лет, зато они были способны брать на борт до ста воинов и при попутном ветре ходили быстрее, чем современные моторные лодки, маневрировать же против ветра они не могли.

Такие каноэ — правильнее называть их боевыми кораблями — на протяжении столетий строили повсюду на островах Тихого океана. По своим мореходным качествам они превосходили ладьи викингов. Каноэ доставляли полинезийцев через огромный океан из Таити в Новую Зеландию, где обитали маори, а это расстояние составляет четвертую часть окружности земного шара. На них меланезийцы плавали от топких, малярийных берегов Новой Гвинеи до гористых островов Фиджи. С каноэ высадились на острове Пасхи неведомые нам люди; другое безымянное племя они вынесли к берегам острова Рапа, где удивительные развалины и по сей день свидетельствуют о загадочных мореходах — викингах Тихого океана.

Вряд ли можно было найти человека, который лучше представил бы меня жителям Мбау, чем Чарлз Кама, местный рату — потомок вождя, также имеющий право так называться. Одним из его предков был могущественный король Какобау, другим — сам Калле Свенссон.

Пройдя сквозь неизбежную церемонию янгона и поздоровавшись со всеми 17 детьми Камы, которые оказались дома, мы направились с визитом к Мереони Кула — правнучке короля Карла. Ей уже под восемьдесят, но она сохранила живость восприятия, и в ее лице есть черты, удивительно напоминающие шведских старух. История молодого корабельного плотника Калле Свенссона из Уддеваллы, ставшего королем тихоокеанского острова Мбау и «виновником» того, что большая часть архипелага Фиджи оказалась под его господством, на первый взгляд совершенно невероятная, но вполне правдивая.

Поначалу Калле нанялся на английское судно «Порт-о-Пренс», которое в 1806 году обогнуло мыс Горн, откуда оно намеревалось нападать на испанские корабли у западного побережья Южной Америки. Судно взяло курс на запад; капитан собирался сбыть товар в австралийском порту Джексон. Однако ему не удалось пройти дальше островов Тонга, которые в те вре-

мена именовались островами Дружбы — название, которого, как мы знаем из опыта капитана Блая, этот архипелаг явно не заслуживал, ибо в одну безлунную ночь, когда «Порт-о-Пренс» стоял в бухте на якоре, а вахтенные, видимо, вкусили излишне большую порцию рома, аборигены взобрались на судно и перебили почти всю команду.

Калле повезло: он сумел уцелеть, причем своим спасением он был обязан роскошной рыжей бороде. Его показывали в домах вождей по случаю разных торжеств, а затем обменяли на одно боевое каноэ и 18 девиц. Он попал к новому хозяину, но вскоре и тому надоело любоваться рыжей бородой, и тогда Калле снова сменил господина. Между тем он исподтишка присматривал судно, на котором мог бы бежать из плена. С этой целью он выучил язык островитян и мог прислушиваться к их рассказам о «боевых каноэ белых людей».

Однажды вечером он услышал, что какой-то корабль бросил якорь на другом конце острова, где его держали в плену. Когда все улеглись спать, он выкрал каноэ и поплыл вокруг острова. Вскоре он нашел бриг «Элиза», и, когда капитан узнал, что Калле владеет языком местных жителей, его тут же зачислили в команду плотником. «Элиза» плавала в поисках сандалового дерева, и человек, который мог быть переводчиком и выведать у островитян, где растут сандаловые деревья, пришелся как нельзя кстати.

Однако вскоре Калле обнаружил, что капитан «Элизы» интересовался не только сандаловым деревом: он вербовал канаков, как тогда называли жителей островов Тихого океана, чтобы затем продать их в гуановый ад Перу. На борту судна имелся целый арсенал ружей и 40 тысяч серебряных монет, так называемых колонных. Эти монеты были единственным признанным международным платежным средством, а свое название они получили из-за колонн, изображенных на одной стороне монеты и символизирующих Геркулесовы столпы — два утеса у входа в Гибралтар. Изображение колонн на испанских деньгах того времени (как и на ряде современных монет) было призвано показать, что суверенная испанская власть распространяется не только на район Средиземного моря, но и за его пределами.

Во время плавания «Элизе» не удалось раздобыть ни сандалового дерева, ни канаков — судно отнесло к рифу Мокеа, где острые, как шило, кораллы продырявили корпус и пробили дно. Правда, море было так спокойно, что удалось спасти большую часть груза. Капитан вместе с двумя помощниками (один из них Калле Свенссон) погрузили в большую шлюпку деньги — 34 тысячи; под их тяжестью шлюпка осела так, что вода дошла почти до бортов. Затем они сумели переправить на сушу часть оружия.

В этот момент появились островитяне. Обороняться против них моряки не могли, так как порох намок. Судьба, которую они уготовили аборигенам, ожидала их самих: экипаж «Элизы» был превращен в рабов. Калле бросал вожаделенные взгляды на огромное множество монет, но островитяне не проявляли к ним особого интереса, они перевернули шлюпку, и все 34 тысячи монет покатались в воду. Двумя из них туземцы поиграли, как камушками, но вскоре это занятие им надоело. Горка серебра сверкала в лучах солнца, и Калле дал себе слово, если уцелеет, вернуться и собрать столько монет, сколько сможет унести.

Не прошло и нескольких дней, как дела у Калле стали поправляться. Дым то и дело клубился над ямами, и большинство его товарищей по команде один за другим отправились на тот свет обычным для пленников путем. Через неделю в живых оставались лишь Калле и еще двое; кости остальных были развешаны на деревьях в память о пиршестве минувшей недели. Но языковые познания Калле вновь ему пригодились. Между языком тонга и языком фиджи различий не больше, чем между датским и шведским языками, так что Калле не составило особого труда изъясняться и по-фиджийски. Так или иначе ему удалось собрать 6 тысяч монет и часть ружей, и в сопровождении местного вождя он отправился на остров Мбау, где в то время правил король Науливоу.

Король находился в трудном положении, ибо племена во внутренних районах Вити-Леву настолько окрепли, что их вожди осмеливались нападать на плантации, которые принадлежали Мбау. Дело шло к тому, что племя рева угрожало Мбау расправой и опустошением. И тут как ангел-спаситель появился Калле. Прав-

да, в первый момент Науливоу был склонен подать рыжеволосого шведа на обед в честь своих гостей, но, когда Калле показал ему, на что можно употребить ружья, он быстро передумал. Узнав об угрозах племени рева, плотник с «Элизы» предложил Науливоу предпринять небольшой поход против деревни Касаву в дельте реки Ревы.

Позднее старейшины Касаву рассказывали миссионеру Каргиллю, как проходила встреча с первым белым человеком, которого им довелось увидеть. Все воины деревни заняли позицию в густых зарослях бамбука, где они считали себя в полной безопасности. Каноэ, в котором находился Калле, остановилось посреди реки. Он стоял в лодке с развевающейся на ветру светло-рыжей бородой, брал в руки ружье, прицеливался и стрелял. Один за другим защитники деревни падали на землю, бессильные против огнестрельного оружия. Они слышали, как белый богатырь поет — эти дикие звуки долго преследовали их. Под конец войны обратились в бегство, оставив поселение и необработанные поля жителям Мбау.

После этого власть Мбау, а тем самым и власть самого Калле стала быстро расти. Имя его произносилось с благоговением, людям он казался непобедимой военной машиной, с которой никто не в состоянии справиться. Никто более не желал воевать с Мбау, напротив, все этого боялись. В последующие пять лет Науливоу и Калле, ставший фактическим властителем острова, подчинили себе большую часть архипелага Фиджи. Со временем к нему на службу поступили человек десять моряков из числа потерпевших кораблекрушение, так как местные жители еще не осмеливались стрелять из ружья. Правда, через несколько лет и они научились этому занятию.

На Мбау Калле — впоследствии король Карл Свирепый — обосновался как восточный султан. Его правнучка Кула может немало рассказать о том, как протекали его будни, когда он отдыхал от многочисленных походов. Жил он в роскошном доме вождя, в котором было восемь кухонных очагов, а вокруг этого буре приказал построить ряд небольших хижин, где разместились его жены. Всякий раз, когда воины захватывали новую деревню, в качестве военных трофеев ему доставляли са-

мых красивых женщин, и, если среди них попадались девицы знатного рода, он брал их себе в жены. За несколько лет пребывания на острове в его гареме собралось 44 женщины, которых, однако, он часто менял. Около десятка молодых девушек гордились прозвищем «любимая жена большой рыжей бороды». Калле призывал их к себе корабельным свистком. Каждая из жен имела свой номер. Горе было той жене, которая, замешкавшись, не сразу отзывалась на свисток; она рисковала быть переданной вождю меньшего ранга.

Калле любил играть в карты и в кости с другими белыми моряками, и ставкой в крупной игре обычно были молодые обитательницы гарема.

У Калле было более 120 детей, и ко всем детям он относился с большой нежностью. Жестокий и бесчеловечный в бою, он был веселым и внимательным с детьми. По рассказам правнучки, он обучал их каким-то удивительным хороводам. Они ходили по кругу и внезапно начинали подпрыгивать, напевая нечто вроде «пооке... пооке». Конечно, никто не понимал слов, но все знали, что король Калле очень радуется песням ребятшек. Быть может, Кула имела в виду шведский хоровод «А рождество протянется до пасхи», который таким путем нашел путь к островитянам Южных морей?

Про Калле Свенссона можно сказать много неместного, но, к чести его, следует заметить, что он не терпел людоедства или захоронения живьем — обычаев, весьма распространенных в те времена на островах Фиджи. Где бы он ни нападал на следы каннибальства, он приказывал на месте расправляться с теми, кто осмелился лишить жизни другого человека. И все же судьбе было угодно, чтобы сам он закончил свой путь в земляной печи.

Из года в года власть Калле росла, и в 1813 году он решил подчинить себе племена, жившие в центральных районах Вити-Леву, в деревнях Намбутаутау и Нандрау. Но прежде надо было распространить власть Мбау на прибрежные районы в северной части острова. Такой случай представился, когда капитан Робсон на судне «Хантер» из Калькутты высадился на берегу, чтобы загрузить судно сандаловыми деревьями. Робсон обратился к Калле за помощью в борьбе против пле-

мени, жившего в глубине острова и нападавшего на моряков, когда те пытались рубить деревья.

Это были воины ваилеа, с которыми Калле давно хотел разделаться. Вместе с королем Науливоу и частью команды «Хантера» он предпринял марш в глубь острова к главной деревне племени. Потомки сохранили описание событий этой драматичной экспедиции в глубокие районы Вити-Леву, ибо один из ее участников, ирландец Питер Диллон, позднее написал книгу о своих приключениях, где подробно рассказал о печальном конце короля Карла Свирепого.

Километрах в двадцати от побережья Калле и его воины попали в засаду. Они находились на пересеченной местности, покрытой высокой травой в человеческий рост, где трудно пользоваться ружьем, и в этот момент сотни вооруженных дубинками воинов ваилеа с оглушительными воплями выскочили из кустов и врезались в строй воинской дружины шведа. Король Науливоу, который, как рассказывают, завидовал Калле, тут же обратился в бегство. Его примеру последовали воины Лебау, и белые моряки остались одни. Какое-то время они сдерживали атаку, но вскоре один за другим погибли. Тем, кто еще уцелел, не оставалось много выхода, как искать убежища на высоком камне, откуда они могли следить за противником. Поскольку у нападающих не было огнестрельного оружия, положение еще было терпимо, но патронов слишком мало — большую часть унесли с собой воины Мбау. Один из помощников Калле, англичанин Теренс Данн, прыгнул с камня и попытался огнем проложить путь сквозь боевые порядки островитян, чтобы привести подкрепление со стоящего на якоре корабля. Но не успел он преодолеть и ста метров, как дубинка размозжила ему голову. Воины ваилеа набросились на убитого и принялись натирать свои голые тела его кровью.

Просидев на возвышении несколько часов и вдоволь наслушавшись восторженных криков противника о том, как они приготовят белых людей себе на ужин, Калле потерял терпение и крикнул вождю, что, если тот обещает ему безопасность, он, Калле, спустится для переговоров.

— Я обещаю только, что кровь Карла Свирепого не прольется, пока он жив, — ответил вождь.

Едва Калле оказался в стане врага, как его схватили и отнесли к реке, где окунули головой в воду и держали так до тех пор, пока он не захлебнулся. Вот так вождь сдержал свое слово относительно кровопролития.

Оставшиеся в живых с ужасом наблюдали за тем, как великого белого вождя из Мбау делят на части и жарят в яме.

Питер Диллон и остальные моряки понимали, что вскоре наступит их черед, и решились на отчаянный шаг. Когда шаман-островитянин подошел слишком близко к их укрытию, двое из осажденных прыгнули в траву, приставили к его груди ружейные стволы и закричали, что убьют его, если им не позволят пройти к берегу. Преследуемые ревущей ордой, они все-таки достигли лагуны, бросились в воду и изо всех сил поплыли к судну, которое, к счастью, стояло на месте. Но Калле Свенссона с ними уже не было.

Позднее король Науливоу приказал убить всех сыновей Калле, но дочерей пощадил. Их потомками являются рату Кама и Мереони Кула.

5

Как и любое другое место на нашей планете, острова Фиджи имеют свой особый аромат, и тот, кто думает, будто селения среди мерно качающихся кокосовых пальм, где белый песок омывается волнами прибоя, пахнут только соленой водой и цветами, тот ошибается. Над деревьями стоит сладковатый, приторный, временами удушливо тяжелый, отдающий рыбьим жиром запах. Это первое, что встречает вас, когда вы сходите на берег, и последнее, что преследует обоняние, когда вы снова оказываетесь в море, если только назойливый аромат не следует за вами от острова к острову — на большинстве шхун также пахнет копррой, которая и служит источником зловония.

Недалеко от домика рату Камы свалены горы копры — это, если так можно выразиться, сберегательная касса жителей Мбау. Их нужду в деньгах сразу можно определить по запасам копры — ее в таких случаях остается немного. Но стоит им выручить определенную сумму за сахарный тростник и табак, как остров пропитывается специфическим запахом, а горы копры растут,

ибо никто из островитян не помышляет о продаже орехов.

Когда на Мбау рождается ребенок, то, согласно обычаю, отец должен посадить одну-две кокосовые пальмы. Этим деревьям присваивают имя ребенка, но ему они не принадлежат, а являются частью коллективной плантации. Примерно лет через девять они обычно начинают плодоносить, первое время не обильно, по прошествии же 15—16 лет с момента посадки пальмы достигают высоты 10—15 метров и плодоносят на протяжении 40 с лишним лет. На Мбау до сих пор растут и продолжают давать орехи пальмы времен Калле Свенссона.

Собирать кокосовые орехи — дело немудреное. Жителям Мбау принадлежат вереницы пальм на берегу соседнего островка, и обычно они попросту ждут, пока орехи созреют и сами упадут с деревьев. На одной пальме растут как зеленые, так и уже созревшие плоды. Но когда орех созревает настолько, что сам падает на землю, молоко его не имеет никакой ценности — молоко следует пить из незрелых плодов, тогда оно обладает совсем иным вкусом, чем кокосовое молоко, которое известно нам по ввозимым в Европу орехам.

Мы разожгли костер, чтобы поджарить пару цыплят, а тем временем одного из местных жителей послали в глубь острова за кокосовыми орехами. Вата, старший сын Камы, взобрался на дерево в поисках питья. Прежде чем отсечь верхушку плода таким образом, чтобы скорлупу можно было затем использовать вместо чаши, он поиграл орехом, как мячиком, но не тряс его, а лишь вертел в разные стороны. После этого он протянул орех мне. Молоко кокосового ореха по вкусу напоминает охлажденное шампанское, это изумительный напиток, утоляющий и жажду и голод.

Обгладывая цыпленка, Кама рассказывает:

— Ореховое молоко находит у нас разное применение. Можно, например, дать ему забродить, и тогда получается вино, очень крепкое. Но вино на Мбау готовят редко. Обычно же ореховое молоко получают младенцы, если у матери не хватает грудного молока.

В одном месте жители повалили кокосовую пальму. Это отняло у них более полугода, однако сказанное не

означает, что все это время люди ежедневно занимались рубкой. Они выкопали вокруг дерева канаву и тем самым лишили корни источника питания, а природа довершила остальное. Сейчас огромное дерево распласталось на берегу, погрузив крону в ил лагуны.

— Мы используем каждый листик, каждый стебелек пальмы, — с гордостью говорит Кама. — Ствол идет на топливо, из него также делают небольшие столы без ножек. Часть длинных веток мы освобождаем от листьев, ставим из них изгородь и вплетаем между ними листья. Из бахромы, в которой висят орехи, делаем веревки и вяжем из них коврики на стены или на пол — их кладут, когда в доме бывает холодно. Ветками, сплетенными с листьями пандануса, кроют крыши. Из недозрелых орехов вынимают сердцевину и делают черпаки и лампы, а сердцевина идет на изготовление масла для ламп. Листья молодой пальмы, мягкие и шелковистые, наши дочери и жены вплетают в волосы как украшения. Со временем листья вырастают, но еще несколько лет сохраняют гибкость, и тогда рыбаки могут делать из них сети и корзины.

К перечислению Камы я мог бы добавить еще целый список. Из пальмовых листьев делают сандалии, шляпы, веера и сумки, из ореховой бахромы — изоляционные плиты, дверные циновки, ершики для мытья бутылок, из сердцевины готовят блюдо, которое подают повсюду на Востоке, а в последнее время оно завоевывает популярность и в Скандинавии. Но все это меркнет по сравнению с тем значением, какое имеет копра.

Копра — это высушенная сердцевина спелого ореха. Кама и другие сборщики подбирают упавшие орехи и сносят их под навес, где разрезают каждый орех на четыре части и оставляют в тени. Позднее из этих четвертушек вынимают сердцевину и сушат ее на солнце. Эта дурно пахнущая масса, которая остается после сушки, и есть копра. Когда набирается 60—70 килограммов копры, ее грузят на каноэ и доставляют в торговый центр — при условии, что жители деревни нуждаются в деньгах. Цены сильно колеблются, сейчас, например, они резко упали: так, если в январе 1960 года одна тонна копры стоила 201 датскую крону, то в декабре ее цена составляла всего 124 кроны.

Из Сувы копру вывозят в те европейские страны, где

1

Мы покинули капитана Блая и верных ему людей в тот момент, когда их баркас прсплывал между островами Фиджи севернее архипелага Ясава. Они снова очутились в открытом море. В конце мая 1789 года люди находились на грани смерти от голода и изнеможения. Блай записывает в своем дневнике: «Вид у нас ужасный, и, куда бы я ни бросил взгляд, всюду передо мной страдальцы».

Пять дней спустя им удается поймать небольшую птицу величиной с голубя. Ее делят на восемнадцать неравных частей и съедают со всеми потрохами, костями и перьями. В тот же вечер они ловят птицу чуть покрупнее, и, прежде чем разделить ее, трем самым обесиленным членам команды дают выпить теплую кровь.

28 мая ночь выдалась темная, океан неспокоен. Штурман Фраер, стоящий на вахте, через час после полуночи будит людей. Ему кажется, что он слышал звук, напоминающий приглушенный гром. Поддерживаемый соседями по баркасу, он поднимается во весь рост и долго стоит, вглядываясь в ночную мглу. Наконец он громко восклицает: «Прямо по курсу прибой!»

Среди несущихся по небу облаков на мгновение показывается луна, и все находящиеся в баркасе видят волны прибоя, светящиеся слабым зеленоватым фосфоресцирующим блеском. Гребни высоких волн вздымаются зеленовато-белой пеной, прежде чем исчезнуть в прибое. Неодолимая стена воды препятствует дальнейшему движению на запад, а так как ветер дует с северо-северо-востока, то баркас неизбежно вынесет в воды кипящего прибоя.

И вновь находчивость и мужество капитана Блая спасают людей в этой критической ситуации. Он говорит морякам, что они достигли Большого Барьерного

рифа, который простирается вдоль берегов Новой Голландии. Им надо любым путем исхитриться и проскочить с прибоем через риф, за которым спокойные воды и, вероятно, немало островов, где они смогут отдохнуть.

— А посему... весла за борт!

Собрав последние силы, моряки спускают весла на воду и пытаются противостоять ветру и течению. Но они слишком слабы, а волны высоки и течение так стремительно, что суденышко несет к рифу. Когда занимается день, баркас уже настолько приблизился к волнам прибоя, что сидящих обдаёт пеной. И все же Блау удается заметить место, где волны прибоя образуют не высоченные каскады, а лишь белопенные завихрения. Его голос перекрывает шум волн:

— Курс прямо на запад!

Несколькими секундами позже, при надутом парусе и энергичной работе весел, баркас устремляется в узкий проход среди рифов. Перескочив на гребне гигантской волны кораллы и подводные камни, он оказывается в тихой, небесно-голубой воде по другую сторону Большого Барьерного рифа.

Обезумевшие от радости люди два часа спустя, пошатываясь, ступают на землю островка, которому Блай дает имя острова Реставрации, в память о возвращении на трон английского короля Карла II, совершившемся в тот же день, за 129 лет до описываемых событий. Но слово «реставрация» по-английски означает также и «возрождение», и это название вполне подходит для данного случая, ибо спасенные моряки находят у берега столько устриц, что приготовленная из них пища, приправленная сухарями, придает им новые силы. Впервые за долгое время люди едят досыта.

2

Остров Реставрации и другие острова по эту сторону Большого Барьерного рифа не претерпели изменений с тех пор, как капитан Блай и его спутники ступили здесь на землю 175 лет назад. Я лечу над этими местами с юга на небольшом арендованном самолете с австралийцем Беркли, жителем Кейп-Йорка. Внутри Барьерного рифа мы должны встретить шхуну «Сонгтон» и пройти на ней по маршруту баркаса до Арафурского моря. Надо сказать, что вообще-то интересы у нас со-

вершенно различные: команда «Сонгтона» занимается ловом устриц, трепангов и охотой на крокодилов, а Беркли зарабатывает на жизнь ловлей ядовитых змей — тайпанов — и сбором яда. Он, по-видимому, никак не может понять мое желание провести неделю-другую на борту, по его выражению, «самой поганой шхуны Южных морей» лишь для того, чтобы иметь возможность повторить маршрут баркаса с «Баунти».

— Все эти острова похожи один на другой, — говорит он, — там нет питьевой воды, ни одного жителя, зато множество зловонных болот и мириады малярийных комаров.

Вот такими оптимистичными рассказами он развлекает меня в маленьком одномоторном самолете, пока я наблюдаю с воздуха за величайшим в мире рифом и дивлюсь его грандиозности. На всем своем почти 3000-километровом протяжении от субтропического острова Фрейзер на юге до тропических островов в Торресовом проливе на севере (расстояние как от Копенгагена до Гибралтара) Большой Барьерный риф изгибается как змея. То тут, то там, как, например, у мыса Мелвилл на полуострове Кейп-Йорк, он совсем близко подходит к побережью, в других же местах, например у мыса Таунсхенд, расстояние до крайней точки рифа составляет 400 километров. А далее скопления других рифов, давших этим водам название «Кладбище кораблей».

Наш маленький спортивный самолет снижается над двумя рифами, пролетая на высоте нескольких метров. Сейчас время отлива, над поверхностью воды высываются головки зеленые и красные голотурии, бесконечными лентами стелются кружевные скатерти подводных растений. Кажется, будто под вами разостлан гигантский персидский ковер, почему-то опущенный в воду.

— Но провести на нем послеобеденный отдых вряд ли было бы приятно, — смеется Беркли, указывая на все это разноцветье.

Теперь и я замечаю тысячи жадных, временами почти бесцветных существ, выглядывающих между голотуриями, водорослями и морскими звездами. Это живые кораллы в окружении бесчисленного множества мертвых сородичей. Одни не больше наконечника стрелы, другие с акул зуб, третьи, подобно сталактитам, ми-

ниатюрными минаретами возвышаются среди водорослей.

Наш самолет вновь взмывает ввысь, в голубую бескрайность неба и света. Внизу под нами простирается риф, где баркас капитана Блая проскочил в спокойные воды. Сверху риф похож на гигантское жемчужное ожерелье; протяженность его на этом участке свыше полусотни километров, и с высоты внешний край его кажется состоящим из тысяч белых точек — это волны прибоя разбиваются о выступающие из-под воды коралловые острия. Нитка жемчуга, разбросанная по голубому ковру океана... Но вот самолет снова ныряет вниз, и жемчужное ожерелье мгновенно превращается в лунный кратер, а далеко внизу, над мириадами мертвых окаменелых существ, из полосы прибоя поднимаются облака пара и, точно жертвенный дымок индийского храма, стелются над белым песком, который виднеется со стороны лагуны.

Пилот готовится посадить машину на твердый песчаный берег вблизи острова Реставации. Мы проносимся над отмелью на метровой высоте, снова взмываем вверх, делаем разворот и возвращаемся обратно. Пилот высовывается из кабины и живает нам; значит, песок достаточно крепок и позволит нам взлететь. Он в третий раз заходит на песчаный островок, но вот самолет касается земли, пробегает метров пятьдесят и останавливается. Пилот выключает мотор, но в ту секунду, когда пропеллер совершает последний оборот, на наши барабанные перепонки обрушивается другая, не менее мощный шум — со стороны рифа, от которого нас отделяют несколько сотен метров, доносится оглушительный грохот. В этом месте риф состоит из двух высоких, похожих на гнилые зубы скал. Неподалеку, в окружении белопенных гребней прибоя, виднеются обрубки гигантского, самой природой возведенного клыка, а за ним, насколько хватает глаз, тянется низкий край кораллового рифа. На резиновой лодке мы осторожно плывем к острову Реставации.

На острове по-прежнему много устриц, и, если не считать жителей полуострова Кейп-Йорк, время от времени приплывающих сюда на своих выдолбленных из стволов деревьев каноэ, колонии устриц никто не тревожит. По мнению Беркли, до очередного визита человека

на остров Реставрации порой проходит не менее двух десятков лет.

— А что им тут делать? — спрашивает он. — Если бы я был военным преступником и хотел где-нибудь спрятаться, то выбрал бы этот остров или один из соседних. Отсюда до Земли Архема их свыше четырехсот, и, хотя принадлежат они Австралии, вряд ли кто-либо из австралийской администрации когда-нибудь побывал хотя бы на пятой части островов.

— Чем бы ты здесь питался, Беркли? Блай и его люди обнаружили только устриц, а ведь такая пища может осточертеть, если питаться ею из месяца в месяц.

— У них не было огнестрельного оружия. Тот, у кого есть ружье, всегда в состоянии раздобыть себе дичь и мясо крокодила, а если иметь леску и крючок, то здесь можно и рыбачить.

С подветренной стороны острова Реставрации стоит на якоре шхуна «Сонгтон», и свой дальнейший путь на север, маршрутом баркаса Блая по эту сторону Барьерного рифа, мы продолжаем на ее борту. Уильям Блай был аккуратным картографом и дал имена целому ряду островов. Острова Среды, Четверга и Пятницы получили свои названия потому, что их заметили именно в эти дни. На выборе того или иного имени острова в Торресовом проливе и в водах по эту сторону Большого Барьерного рифа вообще сказались случайности. Рассказывают, будто одному корабельному коку пообещали назвать его именем остров, если он приготовит для капитана отменный обед. Кок постарался, и капитан пришел в такой восторг, что тотчас же призвал кока к себе в каюту.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Адольф, — ответил кок.

— Посмотри в иллюминатор. Видишь красивый остров, мимо которого мы проходим? Я записываю в вахтенный журнал, что отныне он будет называться островом Адольфа. Ты заслужил свой остров вкусным обедом.

Кок взглянул на гористый, покрытый густой растительностью остров.

— Благодарю вас, сэр, — сказал он. — Но вы еще не пробовали десерта.

Последний наверняка пришелся капитану по вкусу,

потому что соседнему островку он дал имя Малый остров Адольфа, и так оба острова обозначены на морских картах и по сей день.

В один из воскресных дней Блай причалил к острову южнее упомянутых островов Адольфа; новую землю он назвал островом Воскресения. Сегодня он все такой же пустынный и покинутый, нежится в лучах тропического солнца. Его окружает белая кайма прибоя, а дно лагуны, украшенное кораллами, похоже на подводную горную страну. Я ищу дерево, в тени которого Блай изучал свой молитвенник, внося изменения в утреннюю и вечернюю молитвы, соответствующие их путешествию. Чтобы увидеть старый прудик, где матросы набирали пресную воду, мне приходится вырубить кустарник.

Здесь 175 лет назад разыгрались драматические события. Свыше недели команда баркаса утром, днем и вечером питалась одними устрицами — боялись сходить на берег, где на них могли напасть аборигены. В одном месте были замечены десятка два вооруженных копьями австралийских аборигенов, которых Блай в своем дневнике называет «индейцами». Громкими криками островитяне пытались заманить моряков. Опасаясь новых встреч, путешественники решались разводить лишь небольшие костры на берегу. Однообразная пища и постоянное нервное напряжение, видимо, сильно сказались на психике Блая и других членов команды. На берегу они обнаруживали покинутые пальмовые хижины, скорлупу от кокосовых орехов, а это означало, что в зарослях или за любым камнем могли прятаться люди (в те времена никто еще не встречался с коренными жителями Австралии). В условиях такого нервного напряжения на острове Воскресения между Блаем и плотником Перселлом произошла стычка. Блай назвал Перселла «проклятым негодяем»:

— Не будь меня в лодке, вы все давно отправились бы на дно! — в ярости кричал он.

Это, конечно, бесспорно, но в создавшейся обстановке вряд ли Блаю стоило так говорить.

— Это правда, сэр. Но если бы не вы, мы бы здесь сейчас не находились!

— Подлец! Что ты хочешь этим сказать?

— Я не подлец, сэр. Я такой же хороший человек, как и вы.

Блай хватает кортик и кричит Перселлу, чтобы тот взял нож и защищался. Тем самым он вызывает плотника на дуэль. Но такой поворот событий Перселлу не нравится. В ссору вмешивается штурман Фраер, и плотник приносит свои извинения. Блай тотчас же принимает их:

— Прекрасно, если ты не имел в виду ничего дурного, я тоже прошу простить мою горячность.

Уильям Блай и на сей раз проявил мужество и оказался достаточно дальновидным.

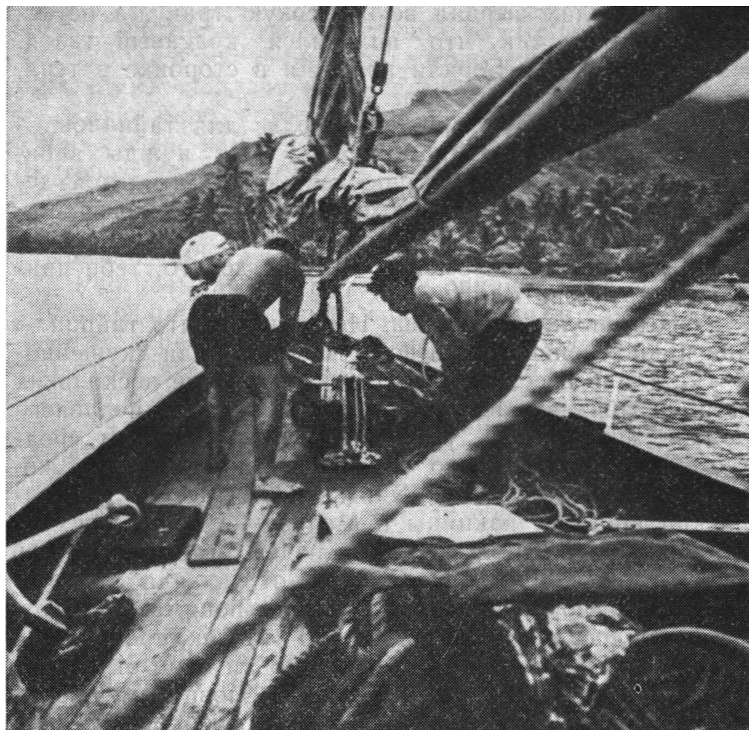
3

У Беркли много дел на острове Воскресения, его любимом «тайпановом острове». Неподалеку от местечка Кэрнс на полуострове Кейп-Йорк у Беркли змеиная ферма. Каждые две недели он «выдает» змеиный яд, необходимый для производства вакцины против змеиных укусов. Но так как тайпаны плохо размножаются в неволе, время от времени Беркли объезжает на шхуне «Сонгтон» или каком-нибудь другом суденышке соседние островки, чтобы отлавливать новые экземпляры. Стоит нам бросить якорь у необитаемого острова, как он отправляется в заросли со своими палками и пузырьками для яда. Я же тем временем вместе с местным жителем из Торресова пролива Кенаи Уорриором объезжаю остров в надежде найти какие-нибудь свидетельства пребывания здесь капитана Блая и его людей. Вечером мы вновь встречаемся на борту шхуны и разыгрываем партию в шахматы, которую, правда, то и дело приходится прерывать, ибо Беркли должен присматривать за своими питомцами, проявляющими признаки беспокойства. Он держит их на носу в завязанных мешках; за тонкой перегородкой находится наша общая с ним каюта, и он решительно уверяет меня, что тайпан и не додумается выползти из мешка и пролезть к нам через одну из многочисленных щелей.

— Откуда у тебя такая уверенность?

— Как только змея оказывается за пределами кустарника или высокой травы, — говорит Беркли, — она лежит совершенно неподвижно, чтобы в случае самообороны предпринять неожиданный наступательный бросок.

Я хочу надеяться, что так оно и есть, и прошу толь-

Перед высадкой на берег

ко внимательно пересчитать, все ли змеи помещены в мешок после того, как Беркли вынимал их для кормежки. В нашей маленькой каюте достаточно хлопот с тараканами, и если придется еще опасаться ядовитых змей, то вряд ли можно будет рассчитывать на сон.

— Я говорю совершенную правду, — заверяет меня обиженный Беркли. — Можешь сойти со мной на берег на острове Воскресения и посмотреть, как я ловлю тайпанов.

В один из дней, когда мы с Кенаи раньше обычного возвратились на шхуну, нам пришла в голову мысль навестить Беркли в глубине острова. На одной из полян он наметил окружность диаметром в три-четыре метра

и в ее пределах вырвал всю высокую траву, а оставшуюся примял, так что получился красивый газон. В мешке, который Беркли положил в сторонке в тени, находились четыре тайпана.

— Остров Воскресения — раздолье для тайпанов, — говорит он, — тут их многие сотни. Нет нужды забираться за ними в глубь зарослей, как приходится делать на Кейп-Йорке. Для охотника на змей здесь настоящий рай.

— Но ведь ловля змей обходится дорого, тебе придется арендовать целую шхуну?

— Это вполне окупается. Не забывай, что тайпан — одна из опаснейших змей во всем мире. Если укушенному тут же не ввести противоядия, в течение нескольких минут неизбежно наступит смерть. Вплоть до недавнего времени медицина не располагала эффективным средством — просто не было отловлено достаточного количества змей, чтобы получить это средство. Австралийский институт вакцины в Мельбурне периодически помещал объявления, что ищет людей, которые взялись бы за отлов тайпанов и получение от них яда для производства сыворотки. Но, как ты сам понимаешь, охотников нашлось немного. Несколько человек, проявивших было интерес, отказались, узнав, что ни одно страховое общество не согласится застраховать ловца змей, если только сам он не будет ежегодно вносить сумму, равную одной четверти страхового полиса.

Сегодня, однако, вакцина против яда создана, поскольку несколько человек помимо меня занимаются отловом тайпанов и получением их яда. Мне платят 120 австралийских фунтов за один грамм высушенного змеиного яда, на что уходит четыре-пять доек, а от каждой змеи можно получать яд раз в две недели. Сейчас у меня на ферме 18 тайпанов, это, насколько мне известно, самая большая коллекция в мире. Одна из змей дала приплод в неволе, и я многого жду от своих дорогих малюток, когда они станут взрослыми. Но получать от них яд смогу не скоро, года через четыре.

— Насколько силен яд тайпанов?

— Яда одной взрослой змеи достаточно, чтобы убить двести овец. Для сравнения могу сказать, что от яда кобры погибнут лишь 34 овцы, так что можешь себе представить, насколько опасен тайпан! На Кейп-Йорке

и в северной части Квинсленда до сих пор водится много тайпанов. У меня есть договоренность с местными жителями: я плачу им десять австралийских фунтов за каждую змею, которую они мне покажут. Так что, как понимаешь, наша поездка по необитаемым островкам, которые кишмя кишат ядовитыми змеями, для меня очень выгодна. Сегодня я уже заработал 40 фунтов, — и Беркли показал на мешок, в котором находились четыре пойманных тайпана.

Рассказывая, он готовит орудия лова. Мешок из плотной парусины, куда сразу помещают змею, прежде чем ее пересадят в другой мешок, побольше, к уже находящимся там сородичам, Беркли кладет под кустом на краю вытоптанного зеленого круга. На конце длинной палки укреплена небольшая петля из тонкой стальной проволоки. От нее к другому концу палки протянут шнурок: дернув за него, ловец затягивает петлю. Сам Беркли безоружен, но у него с собой длинный, с полметра, нож, который сейчас он кладет под куст у мешка.

Начинает накрапывать дождь. Беркли смотрит на облака:

— Теперь они скоро начнут выползать из кустов. После дождя тайпаны любят погреться на солнышке. В прошлый раз четыре змеи я поймал в минуты, когда проглянуло солнце. Сейчас, кажется, повторится та же картина.

— А наши голоса они не слышат?

— Сразу видно, что ты никудышный зоолог: змеи глухи. Не следует только особенно шевелиться, это может их напугать.

Беркли не спеша направляется к зарослям, и все дальнейшее происходит настолько быстро, что я не в состоянии уследить за его действиями. Он прыгает в высокую траву и ударяет по земле длинной палкой; в то же мгновение из зарослей появляется почти метровый тайпан и ползет в моем направлении. Я вскакиваю и отбегаю на несколько метров в сторону. Однако Беркли заставляет змею вползти в вытоптанный круг, и хотя змея, очевидно, чувствует, что не может двигаться свободно, она отнюдь не собирается лежать неподвижно, как он меня в этом уверял. Беркли пытается накинуть ей петлю на шею, но это не так-то просто; чело-

век и змея исполняют на полянке фантастический танец. Всякий раз, когда тайпан пытается выползти из круга, ловец останавливает его палкой. Тогда змея поворачивается и, шипя, ползет на человека. Тот отскакивает в сторону, снова держа наготове петлю. Этот маневр повторяется раз десять, пока Беркли наконец не набрасывает петлю на голову змеи. Он тут же крепко ее затягивает, но не настолько, чтобы задушить рептилию, которая раскрывает пасть и обнажает ядовитые зубы.

— Мешок... быстро! Нет, не тот, где змеи... Маленький, парусиновый! — кричит Беркли.

Я держу грубый мешок в вытянутых руках, стараясь стоять подальше от страшного существа. Но опасность миновала, Беркли надежно держит свою добычу. Схватив ее сзади за голову, он так крепко сдавил затылочную часть указательным и большим пальцами, что змея находится как в тисках.

— Дома, в Австралии, я обычно выдаиваю яд, когда возвращаюсь к себе на ферму, но здесь, путешествуя целыми неделями, вынужден делать это сразу. Капсулы с ядом я храню на льду.

Он не выпускает мешок из руки, но змее, как он замечает, требуется время, чтобы «остыть». Кенаи и я усаживаемся рядом с Беркли на траве. Выкурив сигарету, он говорит:

— Пора. Кенаи, возьми баночку с пергаментной крышкой у меня в сумке... Арне, подойди ближе, иначе ты не увидишь.

Через грубую парусину он нащупывает голову змеи.

— Почему у тебя нет перчаток? Что, если она ужалит сквозь мешок?

— Она пускает жало в ход, лишь когда видит добычу.

Наконец он вытаскивает змею из мешка. Держа ее голову в одной руке и баночку из-под варенья в другой, он прижимает ядовитые зубы змеи к крышке. Змея вновь оживляется; тщетно попытавшись несколько раз вывернуть голову, она разом пронзает зубами плотную бумагу. Крупные капли смертельного яда, белого, как молоко, стекают на дно банки. Затем Беркли осторожно отодвигает тайпана в сторону, ибо в зубах змеи может остаться яд, а он хочет сохранить его как можно дольше, чтобы не раз получать такой «удой».

По дороге к берегу он рассказывает нам о вакцине:

— Я отправляю яд в лабораторию в Кэрнсе, где его высушивают до кристаллического состояния и оплачивают мне за каждый грамм. Затем сырье отсылают в Институт вакцины в Мельбурне; там яд во всевозрастающих дозах впрыскивают лошадям, чтобы сделать их невосприимчивыми к нему. Когда у лошадей вырабатывается необходимый иммунитет, из их крови готовят сыворотку. За последние три-четыре года она спасла сотни людей в Австралии.

— Как тебе пришло в голову стать охотником за змеями и сборщиком яда?

— Я вырос на Кейп-Йорке. Это дикая местность площадью с довоенную Германию, все население которой составляет горстка скотоводов и небольшая группа охотников за крокодилами. Вокруг миссий проживают тысячи две аборигенов — их обычно называют «абос». Они до сих пор охотятся при помощи бумерангов и длинных стрел, выпускаемых из пращи с поразительной точностью. Аборигены — превосходные охотники на тайпанов, потому что жареные тайпаны и черепаши потроха для них самое большое лакомство. Это они научили меня охотиться за тайпанами и находить места, где живут змеи. Первое время я относился к этому занятию полушутя, а года четыре назад оно стало моим главным делом. У него есть по крайней мере одно преимущество: найдется немного людей, кто пожелал бы отбить у меня хлеб.

4

У Кенаи Уорриора, нашего лоцмана и проводника, а также кока на «Сонгтоне», кожа темно-серого цвета. Родом он с острова Мабуиаг и не скрывает того обстоятельства, что его предки жили рабежом. Торресов пролив называют «Кладбищем кораблей», и не без оснований: множество не обозначенных на карте коралловых рифов на протяжении последних ста лет вспороли брюхо более чем 800 судам многих стран. Местные жители знали наиболее опасные проходы и заранее устраивали там засады в ожидании кораблекрушений. Едва оставшихся в живых людей выбрасывало на берег, как их тотчас приканчивали. Но ведь нет нужды углублять-

ся в историю, чтобы обнаружить ту же картину и на западном побережье Дании.

В облике Кенаи есть что-то от Дон-Кихота; к тому же, подобно герою испанского романа, он также считает себя дворянином, но справедливость требует отметить, что в данном случае знаменитый идалго несколько деградировал. Кенаи происходит из могущественного воинственного племени, но не живет больше на своем далеком острове. Он любит называть себя «джентльменом из города»; городом здесь называют колонию на острове Четверга, куда съехались большинство мужчин с различных островов Торресова пролива и где они, по видимому, проводят время за игрой в бильярд в двух павильонах. Подобно тому, как его предки размахивали копьями, Кенаи машет бильярдным кием. А кроме того, он делает самое вкусное на острове красное вино. Удовольствие это недорогое, поскольку спиртное местным жителям не продается, и самый дорогой напиток, дающий также право на партию в бильярд, — апельсиновый коктейль стоимостью 40 датских эре. Ночи Кенаи проводит в сарае из гофрированного железа, и стоит ему раздобыть пару шиллингов работой в порту, как он оставляет их в единственном местном кинотеатре, экран которого посерел от старости и дождей. Крыши в помещении нет, так что во время дождей, а они здесь частое явление, над зрителями вырастает целый лес зонтов, и экран почти не виден.

Кенаи — непревзойденный лоцман; шкипер, метис Альфред Миллз, отнюдь не преувеличивает, когда утверждает, что Кенаи может «почувять» песчаную косу на расстоянии ста метров. Когда «Сонгтон» пробирается между островами, а белая пена захлестывает поручни с подветренной стороны, на форштевне возвышается темно-серая фигура, и время от времени раздается жалобное «ойй — ойй». Альфред Миллз уже знает, что прямо по курсу песчаная отмель, и во весь голос подает команду машинисту Тино Майо, цвет кожи которого мне так и не удалось разглядеть, ибо с головы до ног он был постоянно вымазан нефтью.

— Но это не потому, что я грязнуля, — поясняет Тино. — Нефть защищает тело от жары.

Даже дождь не помешал Кенаи почувствовать, что впереди отмель. Он утверждает, что если песчаная бан-

ка расположена не глубже чем в полуметре от поверхности, то дождь усиливает запах песка.

На берегу Кенаи также превосходный следопыт, еще сохранивший контакт первобытных племен с природой. Если поблизости находятся дикие кабаны или крокодилы, он тотчас их обнаруживает.

Как-то утром мы бросаем якорь вблизи островка, отделенного от острова Принца Уэльского узким, но бурным проливом. Именно здесь капитан Блай нашел наконец проход севернее полуострова Кейп-Йорк на запад сквозь рифы и шхеры Торресова пролива. Я держу в руках копию его вахтенного журнала и одобрительно киваю головой, хотя Блай и не обозначил все расположенные здесь острова. Беркли изъявляет желание сойти на берег для охоты на змей, которая, признаться, уже начала действовать мне на нервы, но ведь это — его кусок хлеба, и я, разумеется, не имею права жаловаться. На северной оконечности острова имеется бухта; Беркли, Кенаи и я гребем к песчаному берегу.

— Как называется остров? — спрашиваю я у Кенаи.

— На морской карте его название не значится, но мы зовем его остров Паки по имени папуаса Паки, которого здесь съела акула. Тут уже много лет вряд ли бывают люди.

Это был последний остров, у берегов которого искал укрытия баркас Блая, ибо дальше Блай и его люди вышли с попутным ветром в Арафурское море и взяли курс на Тимор. «До наступления темноты мы достигли островка в западном направлении», — записывает Блай в журнале. Здесь лоялисты распрощались с Южными морями, которые остались позади.

Остров Паки на вид не отличается от большинства других островов, на которых Кенаи, Беркли и я побывали на протяжении последней недели.

Мы с Беркли отдыхаем на берегу, а Кенаи занят поиском прохода в зарослях. Вложив патрон в одноствольное ружье, я забираюсь метра на два по стволу мангрового дерева, откуда открывается вид на остров. Местность сплошь покрыта деревьями, кроны которых образуют как бы единый свод, а стволы увиты тысячами лиан, которые пышными лозами свисают вниз. Возвратившийся Кенаи сообщает, что видел следы кабанов. Предоставив Беркли заниматься змеями, мы идем по

следу в глубь леса. Кенаи решительно работает своим мачете, со свистом перерубая корни, которые закрывают всю тропу на высоте выше роста кабана.

— Тут поблизости стадо кабанов, — шепчет он. — Я чувствую их запах.

Ножом он отгибает лианы в стороны, но в этом лесу, где деревья, кусты и лианы переплелись друг с другом, в бесконечной массе черных, как ночь, и окутанных испарениями зарослей, я ничего не вижу. Кенаи подает мне знак следовать за ним. Немного погодя он находит новую звериную тропу, которая ведет из джунглей в траву высотой с человеческий рост.

— На острове есть пресная вода, — говорит он. — Ты можешь видеть по множеству следов, что животные каждый день ходят по тропе на водопой.

Мы выходим на небольшую поляну, окружающую илистую впадину, посреди которой находится озерцо — место водопоя животных. На противоположной стороне озера под зеленой крышей джунглей взад-вперед несутся серые тени. Кенаи хватается меня за руку:

— Стреляй! Ты что, не видишь кабанов? — кричит он.

Я прикладываю ружье к плечу и уже готов нажать на спусковой крючок, как раздается выстрел.

В первый момент я решаю, что это Беркли прервал свою охоту на змей и отправился стрелять кабанов, но потом вспоминаю, что свое ружье он оставил на шхуне. Может быть, это враждебно настроенные островитяне? Я бросаю взгляд на Кенаи, но тот хранит молчание и лишь подает знак, чтобы мы спрятались в траве.

Кабаны, разумеется, давно скрылись в зарослях. Но вот раздается новый звук — кажется, будто кто-то рубит ветки. Вскоре из-за деревьев показывается высокий худой человек. На нем только шорты, все тело коричневое, как орех. В руке он держит ружье с телескопическим прицелом. Светловолосый викинг на необитаемом острове в Торресовом проливе! Позабыв о предосторожности, я выпрямляюсь во весь рост и бегу к озерцу.

— Кто вы такой? — кричу я по-английски.

Незнакомец останавливается. На какое-то мгновение мне кажется, что он собирается вскинуть ружье, но вот он опускает его вниз и продолжает стоять, будто хочет что-то сказать и не в силах раскрыть рот,

Я подхожу к нему ближе и повторяю свой вопрос по-датски. Приближаюсь к незнакомцу вплотную, протягиваю ему руку и называю свое имя. Отставив ружье, он медленно, подыскивая каждое слово, отвечает по-шведски:

— Меня зовут Ёста Бранд. Я из Хальмстада в Швеции, но уже много лет живу один на острове Паки.

5

Я располагаюсь на несколько дней в одной из двух хижин Ёсты Бранда, чтобы выслушать историю 61-летнего Робинзона Крузо.

Остров Паки имеет 15 километров в длину и почти вдвое меньше в ширину. Пересеченная местность в глубине по большей части покрыта джунглями, где зеленые лианы, опоясывающие деревья, сплетают гигантские упругие циновки. Вместе с раскидистыми кронами деревьев вьющиеся растения образуют огромный ковер, узор которого соткан из тысяч мелких цветов — красных, желтых, лиловых. Хотя вы и не видите множества птиц, строящих гнезда и живущих в переплетенных кронах, зато с утра до вечера слышите их пение и гомон. А ночью редкие крики свидетельствуют о драмах, происходящих в темноте.

Вдоль западной и восточной сторон острова простираются широкие нетронутые песчаные берега, окаймленные пальмовыми рощицами, которые метрах в двухстах в глубь острова переходят в сплошные заросли. То тут, то там над колючим кустарником возвышаются метровые стволы гигантских пальм. Остальная часть берега покрыта мангром, и к вечеру из-под гнилых корней доносится затхлый запах.

Там, где мангровые болота переходят в песчаную прибрежную полосу, обитают сотни тысяч крохотных красноватых крабов. В отлив они выползают из своих норок и на расстоянии кажутся живыми красными камушками, которых при малейшем движении засасывает трясина.

В глубине острова имеются два небольших водоема с пресной водой, которыми можно пользоваться в засушливый период, однако из-за дождливого климата даже в три сухих месяца выпадают обильные осадки, так что снабжение пресной водой здесь не проблема. Кроме

того, Ёста установил на берегу два железных бидона, где скапливается дождевая вода.

Паки — типичный островок, ничем не отличающийся от других небольших безымянных островов этого района. Все они необитаемы, их внутренние районы не исследованы, капитаны, плавающие в Торресовом проливе, весьма неохотно ищут на них укрытия и лишь в крайних случаях ступают на их землю. Они и теперь такие, какими были тысячелетия назад, — огромные заповедники, где бурно размножаются животные. Здесь множество диких свиней; фыркающая и сопя, носятся они под лиановым ковром в полумраке джунглей. Здесь нашли себе пристанище полчища мелких серых крыс, все пожирающих на своем пути. Но больше всего здесь термитов и муравьев, этих истинных властителей далеких островов. Кенаи говорит: «Создатель отдал все острова Торрессова пролива во власть муравьям».

То, чего в этих краях не сумели достичь люди, осуществили насекомые, создавшие в термитниках и муравейниках высокоразвитые сообщества. Повсюду на островах можно натолкнуться на их жилища, напоминающие сказочные замки из мультфильмов, с башнями и шпилями, достигающими двух метров в высоту. Каждый муравейник — это целый город, спускающийся глубоко под землю и насчитывающий миллиарды жителей. В нем есть улицы с односторонним движением, частные жилища и общественные здания. Здесь живут могущественные королевы, исполнительные полицейские, санитары, убирающие отбросы, строители, которые надстраивают квартиры, и простые чернорабочие. Из этих городов муравьи отправляются на поиски пищи, и между различными городами-муравейниками проложены широкие муравьиные тропки. Зоологи все еще недостаточно хорошо знакомы с «социальной» жизнью этих насекомых, но разве не примечательно, что в местах, где не смогли обосноваться люди, одни из самых маленьких на земле живых существ создали превосходно организованное общество!

Помимо диких свиней, крыс и муравьев на островах Торрессова пролива обитает множество косуль, которые вместе со всевозможными змеями ведут в зарослях незаметную для постороннего взгляда жизнь. Пожалуй, трудно представить себе место, которому бы так соот-

ветствовало название «забытые острова». Благодаря опасным шхерам, где сама природа воздвигла заграждения, судоходство ограничено определенным маршрутом — тем самым, что прошел баркас Блая, — и лишь самые маленькие шхуны и шлюпки осмеливаются проходить над множеством не обозначенных на картах отмелей, среди бесчисленных шхер, песчаных банок и островов. Коренные жители, островитяне Торресова пролива, родичи папуасов с Новой Гвинеи, несколько десятилетий назад оставили кочевой образ жизни и поселились на острове Четверга, где современная цивилизация наложила на них свой отпечаток. Их уход с прежних охотничьих угодий также содействовал тому, что белые песчаные берега и зеленые джунгли и в дождь, и под лучами яркого солнца кажутся ничейной землей, над которой навис почти призрачный блеск.

Именно здесь, среди этого затерянного мира, Рауль Ёста Бранд вновь обрел тот рай, с которым распрощался свыше 40 лет назад, когда оставил свой маленький хуторок Свалильт в шведской губернии Халланд.

На отлогом песчаном берегу, в том месте, где начинается подлесок, он построил две хижины — свой домашний очаг, который он не намерен покидать до конца дней. Это место привлекло его потому, что восточный берег острова Паки образует бухту, в спокойную погоду туда можно подгрести на лодчонке к самой суше и привязать лодку к дереву. А кроме того, там, где Ёста выкорчевал кустарник, земля оказалась настолько плодородной, что все шесть пальм, посаженные им по прибытии на остров свыше десяти лет назад, уже плодоносят. Свою кокосовую рощицу он назвал по имени собаки Сиппы, умершей дома, в Халланде, сорок лет назад, за несколько месяцев до того, как он навсегда покинул родные края.

Бухту, где стоят его хижины, Ёста называет Дестини-Бей, что в переводе с английского значит «Бухта судьбы». Перед большей из двух хижин, в которой находится «спальня» со сплетенной из травы циновкой, он из корабельных досок соорудил входную дверь, на которой белой краской по-английски написал свое жизненное кредо. Его девизом служит припев одной популярной песенки, лет десять назад обошедшей весь мир: «Чему быть, того не миновать. Никто не знает, что с

ним случится завтра, так что пусть будет как будет». Моей судьбой правит случай, но, как бы прихотлив он ни был, в нем есть своя закономерность. То, что я искал на протяжении полусотни лет, ждало меня на этом островке. Вот почему я написал на двери эти слова; я гляжу на них каждый вечер, прежде чем ложусь спать.

Во второй хижине Ёста оборудовал кухню. Ее тонюсенькие стенки он покрыл куском парусины, так что издали кухня напоминает большую палатку. Это помещение Ёста называет своим «цирком», ибо за едой его «развлекают клоуны». Между обеими хижинами в земле находится юткрытая печь, где в первый же вечер нашей встречи хозяин готовит для нас курицу.

Рауль Ёста Бранд — современный Робинзон Крузо — вероятно, последний белый человек, добровольно бежавший от благ цивилизации. У него нет и никогда не было столкновений с полицией, но им с самого детства владело стремление к обособленной жизни, и с годами желание это окрепло.

— Возможно, я всегда был эгоцентричен, — говорит Ёста. — В молодости стремление к одиночеству временами причиняло мне даже боль, но теперь, с возрастом, я нахожу его удивительным. Я позволил ветрам и течениям взять надо мной власть, никто меня нигде не ждал. В трудные минуты я находил утешение, обращая взор к звездам или к волнам, что бьются об эти берега. За те годы, что я плавал матросом, мне довелось встречаться с самыми разными людьми — и хорошими и плохими. Я повидал почти все крупные города мира, но не захотел поселиться ни в одном из них. Городская жизнь всегда меня страшила. Никогда не забуду слов одного норвежского шкипера, сказанных им во время урагана, когда мы огибали мыс Горн: «Если я переживу этот кошмар, то открою рыбный магазинчик в Тведестранне... Хочу видеть волны только в бассейне для рыб». Я тогда стоял у штурвала и слушал его причитания. И хотя в те времена мне едва минуло двадцать лет, я твердо знал, что рыбная лавка не для меня. Я уже мечтал найти пустынный остров и поселиться там навечно.

Без преувеличения скажу, что с тех пор вся моя жизнь была долгими поисками желанного острова...

райского уголка где-то там, далеко-далеко, за тридцать земель. На его поиски ушло целых тридцать лет... Лишь десять лет назад волны выбросили меня на этот песок. Я словно плавниковый лес, всегда меня несло к самым дальним берегам. По тем меркам, какими вы определяете богатство, я человек бедный, сам же я считаю себя богаче всех на свете: здесь я король и подданный, хозяин и работник. У меня вдоволь еды и питья. Ведь тот, кто никогда не вкушал свежей дождевой воды с зеленого листа пальмы, даже не подозревает, что есть напиток, с которым не сравнится самое выдержанное вино. Охота и рыбалка для меня и источник развлечений, и хорошая зарядка. А когда раз-другой в году кончаются патроны или соль, мне ничего не стоит отправиться в пролив, где ходят корабли, — на это уходит четверо суток — и наняться на любую шхуну. Обычно капитаны дают мне какую-нибудь работу, пока я не заработаю денег, чтобы оплатить свои закупки. Раз в два-три года я отправляюсь на остров Четверга, где покупаю все необходимое в местной лавке.

— И тебе не хотелось бы вернуться на старости лет в Швецию?

— Не думаю, чтобы я мог теперь жить в Швеции. Конечно, это прекрасная страна, но, если бы я жил там, я просто скитался бы по лесам, как отшельник, и власти вскоре поместили бы меня в какое-нибудь заведение. Ведь в Скандинавии таких, как я, считают чужаками, людьми не от мира сего, верно? Здесь, на этом острове, у меня вдоволь времени для раздумий, и я искренне убежден, что нашел истинное счастье. Я прекрасно отдаю себе отчет в том, что могилой мне будет море и ни один священник не прочтает молитвы над моим телом. Но меня это не беспокоит. Люди в основном живут в обществе, у них есть возможность опереться друг на друга. Но умирать... умирать надо в одиночестве, и коль скоро я так долго был один, то мысль о смерти меня не пугает. Я лишь надеюсь, что, когда настанет эта великая минута, я смогу почувствовать ее заранее. Тогда я отправлюсь в воды лагуны и там подожду наступления смерти. Отлив унесет меня в Тихий океан, где я найду свою могилу. С юношеских лет океан был моим лучшим другом, и мне хочется умереть в его объятиях.

От острова, где ныне живет Ёста Бранд, Блаю и лоялистам предстоял немалый путь через Арафурское море до голландских поселений в Ост-Индии. На моллюсков рассчитывать не приходилось, а запасы сухарей были на исходе. Пресная вода протухла, ловить рыбу на имевшуюся наживку оказалось просто невозможно. Но 5 июня им удалось поймать большую неуклюжую морскую ласточку, опустившуюся на поручень баркаса. И на сей раз больным дали выпить кровь птицы, после чего ее разделили на восемнадцать частей. Состояние парусного мастера Лебога и лекаря Ледуорда внушало опасение; у большинства остальных сильно опухли ноги, что причиняло им мучительную боль.

Два дня спустя люди увидели остров Тимор. Еще двое суток, показавшихся им вечностью, — и они достигли наконец Купанга, голландского поселка на острове. 49 суток на баркасе, служившем им домом, остались позади.

1

14 июня 1789 года баркас причалил к берегу у Ку-панга. Лишь 12 человек из 19, спустившихся в жалкое суденышко близ острова Тофуа, на различных кораблях смогли добраться до Англии. Нортон был убит на берегу Тофуа, садовник Нельсон умер, не вынеся изнурительного путешествия, уже после того, как оказался в Ост-Индии. В Батавии в ожидании корабля от болотной лихорадки скончались второй штурман Эльфинстон и старшина Линклеттер. Кок Роберт Лемб умер по пути на родину, также, видимо, от болотной лихорадки, а Ледуорд погиб при неизвестных обстоятельствах, когда судно, на котором он плыл, потерпело кораблекрушение.

Лишь 13 марта 1790 года капитан Блай вновь увидел берега Англии. Он сразу написал о мятеже в адмиралтейство. Надо сказать, что Блая не стали упрекать за потерю судна, а, наоборот, окружили вниманием и выказывали благоволение. Возможно, этим он был обязан своему влиятельному родственнику, сэру Джозефу Бэнксу. Вскоре после прибытия в Англию Блай получил аудиенцию у короля. Он написал книгу о мятеже и плавании на баркасе, которая имела успех, а затем — уже в ранге капитана — был отправлен в новую экспедицию за хлебным деревом, и эта экспедиция прошла безо всяких осложнений.

Но у закона длинные руки: 7 ноября 1790 года фрегат «Пандора» под командованием Эдварда Эдвардса, имея на борту 24 пушки и 160 человек экипажа, вышел в Южные моря с заданием разыскать бунтовщиков, арестовать и доставить домой для суда и виселицы. Наиболее активные мятежники к тому времени уже почти год как жили на далеком острове Питкерн. «Пандоре» так и не удалось их обнаружить. Те же члены коман-

ды «Баунти», которые обосновались на Таити (мы об этом рассказывали в третьей главе), были закованы в кандалы и доставлены в Англию в специальной камере, возведенной на корме фрегата. Несчастные жены арестованных были вне себя от горя. Жене гардемари-на Стюарта с грудным ребенком разрешили посетить мужа, который в железных наручниках валялся в судовой тюрьме, но Стюарт не смог выдержать душеразди-рающих сцен и отказался от дальнейших встреч с женой и ребенком.

На протяжении долгих месяцев, пока «Пандора» безуспешно разыскивала Флетчера Крисчена и восемь других заправил мятежа, пленников держали в кандалах в «шкатулке Пандоры» — как называли судовую тюрьму. Затем фрегат взял курс на родину. Но в Большом Барьерном рифе «Пандора» наткнулась на подводную шхеру, неподалеку от того места, где баркасу Блая удалось проскочить между рифами, и дальнейшее плавание к острову Тимор продолжалось в четырех спасательных шлюпках. Четверо мятежников утонули во время кораблекрушения из-за того, что их своевременно не освободили от кандалов. Суд, состоявшийся в Англии, четырех бунтовщиков оправдал, двое были приговорены к смерти, но позднее помилованы, трое повешены (Томас Эллисон, Томас Беркит и Джон Миллуорд). Но это уже другая история, которая выходит за рамки нашего повествования.

Что же касается главных участников мятежа, то их капитан Эдвардс так и не нашел. Давайте же снова отправимся на восток через океан к причудливой горе посреди океана, получившей название Питкерн, — здесь и по сей день живут потомки бунтовщиков с «Баунти».

1

Вот уже десять дней судно «Керамик» бороздит океан, направляясь из Новой Зеландии в Панаму. Поздним вечером, когда мы с радистом доигрываем очередную партию в шахматы, в приемнике вдруг раздаются слабые позывные. Радист поворачивается и, положив ладонь на телеграфный ключ, выстукивает несколько сигналов. Тотчас же из приемника послышались новые звуки азбуки Морзе.

— Вызывает станция на острове Питкерн, — поясняет радист. Он прислушивается, и на бумаге появляются слова: Вызывает Том Крисчен Питкерн на тчк разыщите пассажира следующего на остров.

— Пассажир сидит рядом со мной, — выстукивает Гнистен в ответ.

Наступает небольшая пауза. Я очень волнуюсь — если не удастся сойти на берег сейчас, придется плыть на «Керамике» в Панаму еще двенадцать суток, оттуда через Лос-Анджелес снова возвращаться на самолете через океан в Новую Зеландию, чтобы три месяца спустя опять высадиться на Питкерне. Чтобы получить разрешение остановиться на острове, пришлось долго и упорно хлопотать: это такой же «закрытый район», как, например, Тибет. Административно Питкерн подчинен властям Фиджи, хотя их разделяет расстояние около 3000 километров, и, прежде чем рассмотреть ходатайство о визе, оттуда запрашивают, живет ли данное лицо нормальной семейной жизнью, не алкоголик ли он, здоров ли физически и духовно, располагает ли определенной суммой денег и вообще может ли считаться «морально устойчивой личностью». Такая справка должна быть составлена и подписана по меньшей мере двумя официальными чиновниками.

Волноваться мне приходится недолго. Через несколько минут радист на острове снова выстукивает: Л ю б и т л и п а с с а ж и р х у м п у с - б у м п у с ?

— Верно ли приняты последние слова как хумпус-бумпус? — спрашивает наш радист.

— Это что, жод, о котором ты заранее договорился с Томом Крисченем, правнуком Флетчера Крисчена? — обращается он ко мне.

— Понятия не имею, что это значит!

Радист вздыхает:

— Радиотелеграф на Питкерне — самая удивительная станция в мире. Случается, что Том спрашивает концовку какого-нибудь фельетона или рассказа, помещенного в новозеландских газетах. И даже если мне удастся найти газету или расспросить у кого-нибудь, чем же все кончилось, узнать, соединились ли в конце концов герой и героиня, я все равно не могу удовлетворить его коротким сообщением о том, как закончилась та или иная история. Он требует рассказать подробно о настроении героев. И вот я сижу и отстукиваю ему, что сказал он и что она ему ответила, не забывая о багровой луне, живописую последний горячий поцелуй и все такое прочее. Надо думать, остальные сидят вокруг Тома и жадно поглощают все новости. Зато политика их совершенно не интересует.

Мы спрашиваем Тома, что значит «хумпус-бумпус». Быть может, что-нибудь связанное с высадкой на остров?

Он отвечает: Хумпус-бумпус банан с корнем салепы зпт завернутый в пальмовые листья зажаренный на сковороде в масле тчк добро пожаловать на Питкерн тчк погода неважная пытаюсь принять тебя на берег тчк забыл зпт хочешь ли хумпус-бумпус отвечай.

Я готов согласиться съесть что угодно, только бы меня приняли на острове. Позднее мне пришлось не раз отведать излюбленное блюдо островитян — оно настолько популярно, что им угощают на каждом сборище детей. Конечно, о вкусах не спорят, что до меня, то мне хумпус-бумпус кажется необыкновенно противным. Но, как мы узнаем из дальнейшего рассказа, это кушанье сыграло большую роль в истории острова.

Том молчит. Гнистен без труда выигрывает партию, ибо я не могу сосредоточиться на шахматах, все мои мысли поглощены предстоящей высадкой на остров. А вдруг разыграется ветер? Что, если он перейдет в северный, тогда о том, чтобы высадиться в Баунти-Бей, нечего и думать.

Далеко в открытом океане, там, где горизонт сходится с водой и где уже нельзя разглядеть кружащихся в небе чаек, лежит остров Питкерн. Только к полудню следующего дня мы замечаем впереди черное пятно. Постепенно пятно увеличивается, и, когда после полудня мы приближаемся к острову, взору открывается светлая полоса прибоя вдоль побережья. Одиноко, словно корабль, давно покинутый своей командой и гонимый волею стихии в открытое море, плывет Питкерн в безбрежном океане.

Часа три мы стоим в четырех морских милях от берега, на который с востока набегают тяжелые волны. Капитан протягивает мне бинокль:

— Им удалось выйти из бухты, — говорит он и добавляет: — Между прочим, здесь лучшие в мире мореходы.

Из-за узкой расселины за мысом появляются две опасательные шлюпки по шесть пар весел в каждой (местные жители называют их «длинные лодки»). С трудом преодолевая течение и ветер, они приближаются к нашему судну, стремясь найти укрытие за его корпусом. Мне предоставляется превосходная возможность понаблюдать в бинокль за моими будущими хозяевами. Каждый раз, когда шлюпки падают вниз на гребне волны, ветер треплет волосы сидящих за веслами мужчин и женщин, а когда лодки зарываются носом в воду, ввысь устремляются фонтаны брызг, обдавая людей с головы до пят. Сидящий за рулевым веслом гигант громоподобным голосом подбадривает мускулистых, обнаженных до пояса гребцов — они работают ритмично, умело преодолевая самые высокие гребни волн. Мужчины босиком, лица небриты, но от них веет свободой и решимостью. Должно быть, так выглядели некогда пираты. Женщины, сидящие в шлюпках, прижимаются к плетеным корзинкам, а более робкие забиваются под сиденья. Гребцы мощными гребками стараются как можно скорее приблизиться к нашему судну, чтобы най-

ти за ним защиту. Шлюпки почти вертикально встают над пропастью — весла, опущенные в воду, делают лодки похожими на сороконожек, поднявшихся на дыбы, а затем снова ринувшихся в воду. Две резкие команды великана за рулем с лицом, как у капитана Блада, — и весла подняты из воды, обе лодки оказываются с подветренной стороны судна. Гребцы хватают концы двух веревочных лестниц, сброшенных на наветренную сторону с борта, и молниеносно карабкаются на поручень. Пожилой человек с бородой, еще покрытой брызгами, спрашивает, где пассажир. Я выступаю вперед.

— Питкern будет твоим домом до тех пор, пока тебе не надоест, — говорит он, — только поскорее собери вещи и спускайся в лодку, ветер уже меняет направление. Следуй за мной, ты поплывешь в моей лодке.

Прежде чем оттолкнуться от борта «Керамика», островитяне поют прощальную песню в благодарность за те скромные товары, которые они выменяли на судне. И вот уже волны швыряют нас к бухте Баунти. Шлюпка преодолевает мощные стены воды, балансирует на гребне, затем, пролетев по воздуху, падает в бурлящую воду и, едва не перевернувшись, устремляется вниз, чтобы через мгновение повторить все сначала.

Но рулевой Лен Крисчен мастерски управляет хрупким суденышком — к каждой новой волне он поворачивается носом, никогда не подставляя ей борт шлюпки. Лишь теперь я на собственном опыте понимаю, что пришлось пережить восемнадцати морякам на баркасе за 49 долгих суток плавания по волнам океана! Можно себе представить, какими проклятиями они осыпали людей, виновных в том, что им пришлось доверить свои жизни утлону суденышку!

Крутые берега острова надвигаются все ближе, чему можно только радоваться — все мы промокли до нитки. К тому же каждая новая волна кажется мне опасным врагом, которого нашей шлюпке не одолеть. Но вот какой-то молодой мужчина пробирается ко мне и, сложив руки воронкой, кричит мне прямо в ухо:

— Сейчас мы попробуем проскочить через волны прибоем и подойти к причалу. Когда я крикну «ай!», ложись на дно лодки лицом вниз.

Я понимаю, что времени для дальнейших расспросов нет. Оглядываюсь по сторонам и вижу, что все осталь-

ные знают, как надо вести себя в подобных обстоятельствах. Они быстро перегруппировываются; их спины и мягкие места, выступающие из-под сидений, могут немало поведать о суровой повседневной жизни на этом острове. За веслами остаются только гребцы. Есть что-то нереальное во всем происходящем, и мне бы хотелось запечатлеть на фотографии эту сцену, но я тоже вынужден перевернуться в лодке вниз головой, следуя примеру своих спутников.

Баунти-Бей, единственная подходящая бухта на острове Питкерна, заполнена подводными скалами, они поднимаются с морского дна словно горные вершины. Высадка идет по отработанной схеме: когда рулевой подводит лодку настолько близко к берегу, что может направить ее в самую бухту, он выбирает два скалистых выступа и, если вода высока, устремляется прямо между ними. Если же дует северный или восточный ветер, то обратная волна выгоняет почти всю воду из маленькой расселины. В этом случае «длинная лодка» рискует налететь на мель между небольшими шхерами и следующая приливная волна может ее опрокинуть. Вот почему местные жители говорят о «высадке с приливом», причем эту фразу они произносят с дрожью в голосе: течение в этом случае нельзя предугадать, и того, кто упадет за борт, подхватит поток и унесет в море.

Судя по всему, сегодня предстоит именно такая высадка. Все же Лен Крисчен не решается направить нагруженные лодки по парусному фарватеру, а отдает приказ не входить в бухту и выждать. Скоро начинает сказываться морская болезнь. С каждой новой волной лодки взлетают вверх метров на шесть-семь. Мы то оказываемся на высоте выступающих из воды скал, то опускаемся в морскую пучину, не видя вокруг ничего, кроме свинцово-черного океана. Проходит час, другой, а мы все продолжаем качаться на мятежных волнах. Смеркается, люди на берегу готовят факелы, чтобы высадить нас ночью, как только улучшится погода. Но вот из второй лодки доносится крик: «В укрытие за Биг Пул!»

В последних отблесках дневного света обе лодки движутся в западном направлении, под защиту скалистого берега Питкерна. Каждая минута кажется часом, каждый час — вечностью. Несколько женщин прини-

маются вычерпывать воду, ибо здесь, где встречаются течение и волны, рулевой не успевает разворачивать лодку точно носом или кормой к самым высоким волнам. В истекшие сутки погода была столь суровой, что жители Питкерна, опасаясь, как бы Баунти-Бей не «закрылся», вышли в море накануне вечером и всю ночь провели на воде, и все это только для того, чтобы забрать с судна пассажира и доставить его на берег. Должно быть, для них было тяжким испытанием так долго вести тяжелую лодку ради какого-то неизвестного человека, пожелавшего увидеть их остров. Ведь гребля в таких условиях — подлинная мука, преступление против собственных мышц. И способен ли человеческий хребет к тому, чтобы даже после многолетнего опыта удерживать равновесие на «спине» этого дикого морского коня? Мне остается лишь надеяться, что люди в лодке на это способны. У меня же вид самый жалкий. Впрочем, быть может, не только из-за меня островитянам приходится выносить все эти муки?

Настроение у меня немного улучшается, когда я узнаю, что дело не во мне. Если нужно забрать лишь пассажира в плохую погоду, женщин с собой не берут. Рискованный поход был затеян прежде всего потому, что заход к острову корабля служит одним из немногих «разрешенных» развлечений островитян: все 72 жителя, проживающих сегодня на острове, являются адвентистами седьмого дня. Они не курят, не употребляют алкоголь, не танцуют и не едят свинины. Все их контакты с окружающим миром ограничиваются исключительно проходящими мимо острова судами. И поскольку женщинам по «моральным соображениям» запрещен доступ на суда, на которых нет пассажиров, то они используют любую возможность, чтобы вместе с мужчинами выйти в море к тем судам, которые могут рассматриваться как «доставившие пассажиров», причем количество их роли не играет. Таким образом, визиты на пассажирские суда — это, если так можно выразиться, конституционное право женского населения Питкерна, дарованное им законом. Случается, что лодки сутки, а то и двое выжидают в море, прежде чем им удастся высадиться в Баунти-Бей. И все же и мужчины и женщины еще долго после этого не устают говорить об удовольствии от встречи с чужестранцами.

Проходящие мимо корабли представляют для островитян весь внешний мир. В жизни каждого мальчика или девочки наступает поистине «звездный час», когда их впервые берут на корабль — это своего рода экзамен на аттестат зрелости. Лишь после этого они считаются взрослыми. Они как бы соприкасаются с «большим миром», где капитан выступает в роли императора-самодержца, машинист является властелином над могучими неведомыми силами, а корабельный парикмахер — законодателем мод. На Питкерне нет ни магазина, ни лавчонки, и только на проходящих судах жителям удается раздобыть необходимые для обихода предметы. На берегу деньги никакой ценности не имеют, зато потратить их на корабле — ни с чем не сравнимое удовольствие, ради которого можно вытерпеть малоприятное путешествие по бурным волнам.

Когда наступает ночь, а происходит это внезапно, как и всюду в тропиках, мы стоим наконец под прикрытием острова. Теперь уже легче поговорить друг с другом, подвести итоги кратковременного рейда на «Керамик»: стопка старых новозеландских журналов, засаленная морская фуражка и форменная куртка, выкинутые вторым механиком, пустые бутылки из-под виски, которые, как и наполненные, на острове считаются порождением дьявола. Ну и, конечно, гость, то бишь моя скромная персона, из которой в последующие дни можно будет вытянуть различные истории.

Питкерн — суший рай для рассказчика. Здесь обожают слушать всевозможные истории и требуют, чтобы каждый гость открыл свой «мешочек со сладостями» и рассказал про свою жизнь, про мир по ту сторону океана. Сказки и истории о привидениях, рассказы о семейной жизни и прочее — все это слушатели впитывают с величайшей благодарностью. Никто не ценится выше в этом маленьком обществе, чем словоохотливый рассказчик. И эта ужасная для меня ночь на море — для них не более как увлекательный фильм; мне приходится бесконечно продолжать свой рассказ, прерываясь лишь затем, чтобы время от времени принести жертву Нептуну. Даже с подветренной стороны острова лодку непрерывно качает. Все пассажиры промокли до нитки, от холода зуб на зуб не попадает. По небу несутся рваные, в клочьях, облака. Иногда бледная луна освещает

всю компанию, которую я на весьма посредственном английском языке развлекаю рассказами о своих четырех детях, жене, уличном движении в Копенгагене, путешествиях по стране и за границей, впечатлениях от этих поездок. Неожиданно для себя я обнаруживаю, что мне немало пригодился опыт лекционных выступлений перед различными аудиториями в Дании и Норвегии, хотя с той поры прошло без малого два десятка лет. Время от времени слушателей угощают холодным чаем и жирными, домашней выпечки хумпус-бумпус, освеженными солеными брызгами. На темном ночном фоне светлые гребни волн и черные скалы на берегу кажутся удивительно нереальными. Вскоре все мы называем друг друга по именам. Островитяне произносят мое имя Арне как Ана — так они называют большую рыбу — судя по описанию Эдны Кристен, толстомордого налива. В эту первую ночь я немало узнал о жизни местных жителей, во всяком случае, еще до того, как мы сошли на берег, я почувствовал себя среди них как дома.

Наконец небо и океан окрашиваются в серые тона предрассветной мглы, и вот уже утро взрывается великолепием ясного, голубого неба и первыми лучами солнца, ярким пламенем горящего на воде. Рулевой произносит краткую утреннюю молитву, сидящие в лодке склоняют головы и повторяют вслед за ним слова молитвы. Из другой лодки — она качается на волнах чуть поодаль — до нас также доносятся слова молитвы, а затем протяжный клич: «Доброе утро, доброе утро, люди... Курс на Баунти-Бей!»

Весла спущены на воду, и мы снова врезаемся в поток. Но теперь настал час прилива, лучшее время для высадки. Люди выпрямляются, а волна прибоя подхватывает нас сзади, с оглушительным грохотом поднимает лодку, и мы летим на гребне прямо на черные скалы, туда, где 175 лет назад «Баунти» встретил свою судьбу. Раздается команда поднять весла, затем вытаскивается руль, и под защитой прибрежных скал лодка врезается в гальку. В мгновение ока люди выскакивают из лодки и помогают втащить ее на берег, ибо за нами, на гребне следующей волны, мчится вторая лодка.

И вот я наконец стою на земле острова Питкерн. Минувшая ночь, как мне говорят, уже получила свое на-

звание: «Ночь рассказов Аны возле Биг Пула». На миг я преисполняюсь чувством гордости, но его сменяет новый приступ тошноты, и еще долго голова у меня ходит ходуном.

2

От причала скользкая тропа ведет к Адамстауну, расположенному в двухстах метрах над уровнем моря. Свои первые домики мятежники построили под сенью огромных баньяновых деревьев, так что с моря трудно было обнаружить, что остров обитаем. В те времена лес был гуще, чем теперь, но сегодня только отблески полуденного солнца в гофрированном железе на крышах двух домов могут рассказать о том, что в этих девственных горах посреди океана живут люди. Небольшой поселок вырос среди деревьев и кустарника. Четыре года назад в нем насчитывалось 155 жителей, но сегодня, как я уже говорил, осталось только 72, и это в какой-то степени накладывает свой отпечаток на внешний вид строений. Все дома деревянные, но половина из них теперь пустует и служит пристанищем крыс, а в заброшенных водоемах роются полчища mosкитов. Кроны быстрорастущих деревьев, опутанных множеством вьющихся растений, образуют своеобразную зеленую сеть и в какой-то степени скрадывают запустение, но и они не в состоянии устранить того удручающего впечатления, которое развалины производят на оставшихся на Питкерне жителей.

— Почему мои дети и внуки покидают единственное в мире место, где стоит жить? — спрашивает моя хозяйка, старая толстая островитянка по имени Эдна Кристен, которая водит меня по узким тропам Адамстауна.

Эдна — приветливая, веселая женщина, она никогда не выезжала с Питкерна, если не считать небольшого путешествия на необитаемый остров Гендерсон. Все свои 65 лет она провела среди этих заросших троп и знает здесь каждое дерево, каждый камень. Она даже может предсказать, что скажут ее соседи, до того, как они сами раскроют рот.

— Когда старая Эдит подносит руку ко лбу, значит, она собирается заговорить о погоде. Она скажет сейчас

слово в слово: «Сегодня очень душно, но в тот страшно жаркий день в январе 1952 года было еще хуже».

И Эдна не ошибается. Она не читает чужих мыслей, просто она настолько знает всех обитателей Питкерна, что ничто не может явиться для нее неожиданностью. Она способна определить по шагам, кто спускается по тропе к ее домику. В субботу, а это праздничный день, она по проповеди миссионера определяет, хорошо ли в то утро у него работал кишечник. Кстати, это излюбленная тема островитян.

Говоря об Эдне, я не могу закончить ее характеристику утверждением, что она «живет в прошлом», ибо эта женщина удивительным образом умудряется следить за парижскими и лондонскими модами, разумеется, сквозь призму собственного разумения, по иллюстрациям из старых новозеландских еженедельников. Читать самой ей трудно: когда она была девочкой, на острове не было ни одного учителя, но время от времени ей удается уговорить своего внука Леса Крисчена почитать вслух просоленные морской водой странички женских журналов, которые жителям удалось выменять на проходящих мимо судах. Конечно, сказанное вовсе не означает, что сама Эдна следует моде. Одета она в старенькое платье, рисунок которого уже нельзя рассмотреть из-за следов куриного помета, которые оставляет ежедневный уход за домашней птицей. Но каждую пятницу, после захода солнца, Эдна совершает туалет и надевает чистое платье, в полном согласии с субботней заповедью, ибо в субботу запрещено зажигать огонь, готовить пищу, ходить на рыбацких каноэ, нельзя бродить без особой нужды по острову. В священный день господа бога она с утра до вечера сидит в миссионерском домике, прижав к себе большой молитвенник.

Я сетую на то, что ночью по моей постели бегают множество больших черных тараканов. Эдна с удивлением спрашивает:

— А что ты против них имеешь, Ана? Они ведь всегда тут были.

Пусть не подумает читатель, что я пишу об этом из желания посмеяться над Эдной Крисчен: мне редко приходилось встречать более добропорядочную и искреннюю женщину. Но было бы несправедливо, если бы я не попытался описать ее такой, какой воспринимал в по-

вседневной жизни. Эдна принадлежит к числу тех людей, что составляют «хребет» этого маленького общества. По своей натуре она мечтательница — впрочем, как и многие другие мужчины и женщины Питкерна. Эдна ни с того ни с сего может задать самые удивительные вопросы, например: «Как по-твоему, Ана, леди Грей удастся отделаться от приставаний лорда Альфреда?» Я и понятия не имею, кто эти знатные особы, а между тем оказывается, что все жители острова принимают самое живое участие в любовных приключениях этой воображаемой пары, которые разыгрываются на страницах новозеландского или австралийского иллюстрированного журнала. Моральный облик леди Грей настолько занимает здесь умы людей, что миссионеру мистеру Феррису пришлось публично высказываться по этому поводу с церковной кафедры. Островитяне единодушно считают лорда Альфреда низким типом по той причине, что в одном из номеров журнала, угощая избранницу своего сердца, он позволил себе выкурить сигарету.

На Питкерне считается предосудительным заниматься лишь повседневными заботами, ибо они не наполняют жизнь людей достаточным смыслом. Жители заняты также общественной работой дважды в неделю по три-четыре часа, за которую мужчинам выплачивают примерно 2,5 датской кроны: расчищают тропы, перевозят тяжелый багаж на подъемнике от причала до Адамстауна либо собирают бананы. По вторникам организуются выходы на рыбалку. Кроме того, устраивается открытие почты перед тем, как мимо острова проходят корабли. Ну и, конечно, нельзя не упомянуть о субботних праздниках, когда все собираются в церкви. Немало времени уходит на написание писем филателистам в разные концы света. Вот, собственно, и все.

Помимо этих занятий трудно найти что-либо другое, что позволило бы людям скоротать время. Ветви деревьев гнутся под тяжестью плодов: манго, апельсинов, лимонов, плодов хлебного дерева, гуайявы. Не составляет большого труда вытащить из земли клубни батата — сладкого картофеля. Женщинам, правда, иногда приходится выпекать хлеб, жарить хумпус-бумпус и порой резать цыпленка, но все же большую часть времени делать на острове нечего. Поскольку потреблять алкоголь грешно (а посему запрещено ввозить его

на остров), грешно курить или жевать табак, есть свинину, омаров или крабов, грешно танцевать, собираться молодым людям разного пола в отсутствие взрослых (собираться компанией можно лишь в религиозных целях), то большая часть людей просто не знают, чем себя занять. И вот тогда-то на сцене появляются пропахший табаком лорд Альфред и прекрасная леди Грей, а с ними множество других фигур из области фантазии.

Несколько лет назад старому Рою Кларку пришла в голову мысль сочинить роман, из которого он каждый вечер будет рассказывать своим соседям по одной «главе». И вскоре сразу после захода солнца и стар и млад стали собираться у него, с жадностью ожидая продолжения. Однако магистрат острова и тогдашний миссионер сочли инициативу Роя аморальной: одно дело, когда жители выменивают старые журналы, где какой-то светский писака опустил до сочинительства любовной истории о лорде Альфреде и леди Грей, а другое дело, если его примеру уподобляется житель Питкерна. Питкернская цензура, более строгая, чем папская булла в католических странах, запретила роман Роя Кларка еще до того, как он был закончен. Но возникло нелегальное, устное продолжение романа, которое, насколько мне удалось проследить, жители острова из месяца в месяц шепотом рассказывали друг другу. Быть может, это объясняет, почему я назвал питкернцев самыми большими мечтателями в мире.

Но теперь у Эдны много забот: у нее появился гость. «Гость» — это магическое слово на Питкерне, где люди, по крайней мере раньше, годами не видели новых лиц, кроме моряков проходящих судов. Прежде всего надо нанести необходимые визиты, и мы ходим из дома в дом, сопровождаемые ватагой ребятишек. Эдна с гордостью представляет меня каждой семье, и всюду нас угощают арбузом — это своеобразный ритуал, в какой-то степени соответствующий коктейлю в западных странах. Правила хорошего тона обязывают высосать арбуз, выплюнуть косточки в чашу, причем все это делается молча, что кажется мне весьма удобным. А затем предстоит рассказывать истории, иначе вас сочтут невоспитанным человеком. Все мои рассказы уже внесены в «картотеку» острова. В одном доме меня просят рассказать, как я сражался с удавами на Амазонке. При-

знаться, эту историю я позаимствовал у одного из своих коллег после того, как исчерпал собственные темы во время качки на море. В другой семье хотят услышать о моей встрече с белой женщиной в старом замке, и это меня мало радует, ибо историю о привидении я просто-напросто выдумал и уже не помню во всех деталях. Но должен сказать: никогда в жизни у меня не было более внимательных слушателей, чем здесь, и, не будь я счастливым семьянином в далекой Скандинавии, я вполне мог бы провести остаток жизни как сказитель в Адамстауне.

В один из дней мы навестили Фреда Крисчена, правнука предводителя мятежников Флетчера Крисчена, и на сей раз вопросы задавал я. Именно здесь Флетчер построил себе домик под самым большим баньяновым деревом, сероватые сплетенные ветви которого по-прежнему клонятся к земле. Фреду сейчас 86 лет; его отец, Дэниель, построил этот дом, частично используя бревна с «Баунти», из которых был сложен прежний домик. Судовая Библия хранится в миссии, корабельный якорь установлен на небольшой площади перед общественным зданием. Но именно старые бревна в первую очередь воскрешают в наших глазах былые события.

Уже во время самых первых знакомств я пытаюсь найти людей, которые с наибольшей достоверностью могли бы воспроизвести рассказы предшествующих поколений о жизни мятежников на Питкерне. С того дня, как предки нынешних островитян посадили «Баунти» на мель, а затем предали судно огню, чтобы уничтожить следы, минуло почти два столетия. Однако не следует забывать, что в обществе, где традиции устного рассказа пустили столь крепкие корни, приключения первых колонистов, бесспорно, должны были послужить толчком к бесконечным повествованиям, передававшимся из поколения в поколение. И хотя я провел на острове всего каких-нибудь два дня, но даже за этот короткий срок успел убедиться, что стоило Ане, то есть мне, допустить малейшую неточность в своем рассказе, как его тотчас поправляли. «Ты не так рассказывал в ту ночь у Биг Пула» — вот постоянный припев, который побуждает меня быть предельно точным в пересказе собственных историй.

Прародительницами всех ныне здравствующих местных жителей были тринадцать полинезийских женщин, которых более или менее добровольно привезли на остров мятежники. Именно они занесли в свой новый дом любовь таитян к историям и преданиям и оставили ее в наследство своим потомкам. Когда они были девочками, в Полинезии существовали особые школы, где известные сказители обучали искусству пересказа приключений своих предков. Но поскольку письменного языка не существовало, истории приходилось заучивать наизусть. Во избежание ошибок обучение одновременно проводили три человека, которые внимательно проверяли друг друга. Родословные и обычаи заучивались и повторялись ритмично, словно в трансе. Такая техника давала поразительные результаты, как об этом свидетельствует ученый и писатель Бенгт Даниельссон в своих описаниях семейных отношений полинезийцев. Это видно хотя бы на примере истории о Коропанге, таитянском вожде и первооткрывателе, жившем около тысячи лет назад. Старые люди на таких удаленных друг от друга островах, как Таити, Гавайи, Нукужива, Мангарева и Новая Зеландия, рассказывали о Коропанге, и, сопоставив эти истории, можно обнаружить, что в основных чертах они совпадают. И если события, происходившие тысячу лет назад, пересказываются почти дословно, то можно полагать, что трагедия, разыгравшаяся в ограниченном районе каких-нибудь 175 лет назад, наверняка воспроизводится с еще большей точностью!

О мятеже на «Баунти» написано множество статей и немало книг, но почти все авторы черпали сведения из ранних европейских источников. Постоянно цитировались вахтенные журналы и дневники боцмана Джеймса Моррисона, штурмана Фраера и капитана Блая, а судебные протоколы процесса против доставленных на родину мятежников обсасывались и комментировались слово в слово. Немало новых книг написано и после выхода трех увлекательных книг Нормана Холла о «Баунти» и Питкерне, причем последние произведения, в свою очередь, цитировались как исторически достоверные, что в значительной степени противоречит имеющимся сведениям. Даниельссону удалось собрать материал о пребывании моряков «Баунти» на Таити и Ту-

буаи, а английский историк флота Александр МакКи подробно описал условия комплектования британских военных кораблей в конце восемнадцатого столетия. Что же касается Флетчера Крисчена и колонизации его людьми острова Питкерн, то в этом вопросе мировая литература опиралась в основном на книгу жительницы Питкерна Розалинды Янг, вышедшую в середине прошлого столетия, на описание миссионера, жившего там в 50-х годах, а также на повесть о мятеже на «Баунти», написанную английским адмиралом в первой трети прошлого столетия. Лишь в последние годы австралийский исследователь профессор Мод обнаружил новые источники в старых журналах. Но, по сути дела, никто не удосужился на месте событий выслушать дошедшие до нас устные рассказы, очевидно, с наибольшей точностью воспроизводящие кровавые события тех времен.

Я поставил своей основной целью выбрать наиболее существенное из этих рассказов, сопоставить отобранные сведения с историческими источниками, а также описать повседневную жизнь на Питкерне теперь. Фред Крисчен и его семья помогли мне вернуться к минувшим временам, хотя они, по сути дела, не так уж далеки от нас. Флетчер Крисчен был прадедом старого Фреда, оба они облакачивались на одну и ту же балку с «Баунти», на которую, быть может, опирался и капитан Блай. Фреду так много лет, что он помнит, как сын одного из мятежников рассказывал о первом периоде колонизации, причем ни он, ни дед и ни отец Фреда не имели возможности «подштопать текст», так как в то время еще жили многие мужчины и женщины, которые, обнаружив малейшую неточность, могли бы тут же ее исправить.

3

Почему же Флетчер Крисчен и восемь мятежников избрали для постоянного жительства именно Питкерн? Накануне отплытия с Таити (23 сентября 1789 года) наиболее решительно настроенные мятежники потребовали встречи с Флетчером Крисченом в старой каюте капитана Блая. Все девять отдавали себе отчет в том, что отправляются на поиски нового дома, где им пред-

стоит провести остаток жизни. Они прекрасно знали, каким требованиям должен отвечать избранный ими остров. Неудачная попытка обосноваться на Тубуаи показала, что остров прежде всего должен быть необитаемым, а для того чтобы английские военные суда не могли их легко обнаружить, лучше всего, если такой остров вообще никто еще не посещал, иными словами, если он не значится ни на одной морской карте. Кроме того, желательно, чтобы он был труднодоступным; это, с одной стороны, ограничит возможность высадки, а с другой — облегчит защиту в случае необходимости. С учетом последнего требования были исключены сотни мелких атоллов, обычно окруженных рифами, где имеются отличные якорные стоянки.

Была еще одна, не менее важная проблема, которая требовала немедленного решения. Не следует забывать, что все девять мятежников были молодыми, сильными мужчинами, а, как мы уже знаем, одной из существенных причин мятежа послужила любвеобильность таитянок. Но теперь, когда молодые женщины увидели, что с моряков ничего не возьмешь, и поняли, что европейцам рано или поздно придется жить той же будничной жизнью, какой живут их отцы и братья, лишь немногие были настроены оставить родных и отправиться за своими возлюбленными в неизвестность. На Таити лишь слабым, закабаленным и побежденным приходилось переселяться на другой остров, и немногим из них удавалось благополучно добраться на каноэ до своего нового дома.

Так что для молодой девушки возможность остаться не просто на Таити, но желательно в плодородной прибрежной полосе была связана с ее положением в обществе. Я уже говорил, что бедных и слабых людей оттесняли в горные районы острова, а уж если кому-то приходилось покидать его пределы, то это считалось верхом социальной деградации. Вот почему вахины отказались покинуть Таити и своих родных. Мятежники требовали от своего предводителя, чтобы он добавил еще одно преступление к перечню прежних грехов: разрешил бы выкрасть женщин, чтобы каждый моряк смог взять с собой молодую девушку, отправляясь к своему новому пристанищу. Если такое разрешение не будет дано, они остаются на Таити.

Пожалуй, Фред Крисчен был прав, когда утверждал, что у его прадеда не было выбора. У самого Флетчера Крисчена была в то время женщина, которую он называл «Грот-мачта» (ее таитянское имя было Мауатуа). Помимо него лишь один из мятежников обзавелся подругой, которая добровольно соглашалась сопровождать его в путешествии. Это был Александр Смит (настоящее имя Джон Адамс), влюбившийся в красавицу Теухуатеатуаноа, которую он удобства ради называл просто Дженни. Позднее Дженни переехала к Айзеку Мартину, но причины этой перемены нам неизвестны. На Тубуаи она была преданной спутницей Смита, и он с гордостью вытатуировал на ее левой руке свои инициалы «А. С.» и год «1789». Флетчер Крисчен и Александр Смит понимали, что, если мужчины останутся без женщин, о создании колонии и речи быть не может. Именно поэтому они согласились с планом моряков.

Вечером 22 сентября мятежники пригласили женщин на борт «Баунти», позаботившись о том, чтобы те их друзья, кто не пожелал покинуть Таити, остались на берегу. Таитянок напоили еще остававшимся ромом, и большинство из них улеглись, как обычно, чтобы хорошенько проспать. Рано утром над бухтой Матаваи подул легкий бриз, команда потихоньку подняла паруса, перерубила якорный канат, и «Баунти» вышел в море.

Одна из женщин обнаружила обман, когда проходили мимо острова Тетиароа, и выпрыгнула за борт. Подруги хотели последовать ее примеру, но им явно не хватило смелости. Женщин, еще сонных и, вероятно, не отошедших с похмелья, подняли на палубу. Моряки без обиняков рассказали им, почему они были задержаны. Те женщины, которые им нравятся, будут увезены на новое место, а остальных, кого не пожелают взять себе в жены находившиеся на борту шесть мужчин-полинезийцев, высадят на Моореа. Первыми тянули жребий европейцы. Каждый из них выбрал себе женщину, затем наступил черед полинезийцев. Разумеется, прежде всего разобрали самых молодых и красивых девушек, и, хотя они плакали и пытались нанести себе как можно больше увечий, царапая лицо ногтями, пощады им не было. Мятежники потащили своих избранниц в трюм, после чего задраили люки. На долю полинезийцев остались

всего три женщины. Затем окликнули каноэ с Моореа, и шесть женщин, которых полинезийцы не пожелали взять себе в жены, были высажены на берег.

Еще несколько лет назад эта глава в истории «Баунти» была неизвестна, а принято было считать, что таитянки добровольно последовали за мужчинами на Питкерн. Но не так давно австралийский профессор Мод в «Сидней-газет» от 17 июля 1819 года обнаружил заметку, в которой приводилась история Дженни, рассказанная ею после того, как в 1817 году китобойное судно доставило ее с Питкерна на родной остров Таити. Благодаря сообщению Дженни, сопоставленному с традициями ряда тихоокеанских островов, Мод сумел довольно точно воссоздать проделанный «Баунти» путь за те четыре месяца, что прошли с момента отплытия судна с Таити до прибытия на Питкерн в январе 1790 года.

Флетчер Крисчен знал, что первые испанские капитаны, Мендана и Кирос, переплывшие Тихий океан, отметили на своих картах многочисленную группу островов в нескольких сотнях морских миль западнее Таити. Ему было также известно, что британское адмиралтейство не признавало существования названных островов, и, следовательно, мятежники будут чувствовать себя здесь в относительной безопасности. Руководствуясь этими соображениями, он направил «Баунти» на запад в надежде обнаружить один из островов. После многодневного пути мятежники увидели наконец небольшой островок.

Навстречу кораблю на своих каноэ вышли невооруженные аборигены, они везли свиней и кокосовые орехи. Один из островитян осмелился подняться на борт корабля и пришел в восторг при виде перламутровых пуговиц на форменном мундире Флетчера Крисчена. Тот решительно снял с себя мундир и тут же протянул его в подарок, а кроме того, он приказал наполнить каноэ островитян апельсинами в знак свидетельства доброй воли моряков. Но матрос Уильям Маккой выстрелил, и сраженный пулей островитянин свалился в море. Крисчен с бранью набросился на Маккоя. «Но он не был капитаном на судне по положению, а лишь по имени, и на большее он не осмелился», — рассказывает Дженни. Островитяне тотчас же уплыли, а морякам пришлось оставить всякую надежду поселиться на острове. Но

апельсины попали на берег, и когда позднее европейские мореходы обнаружили апельсины, кроме Таити, только на Раротонге, в группе островов Кука, то стало ясно, что убийство было совершено именно на Раротонге.

Позднее «Баунти» подошел к другому острову. Крисчен быстро определил, что здесь побывал капитан Кук, ибо на берегу гуляли коровы, а поскольку Кук во время своих экспедиций высаживал рогатый скот лишь на Тонгатапу, в западной части Тихого океана, то было ясно, что корабль приблизился к этому острову. Другими словами, Тонгатапу был обозначен на картах английского адмиралтейства, и обосновываться на нем поэтому было опасно. Несколько дней спустя на горизонте появился еще один остров, но и он (очевидно, речь идет об острове Оно в группе островов Лау) не пришелся команде «Баунти» по вкусу: в одной из деревень они увидели хорошо вооруженных местных жителей.

Со дня отплытия с Таити прошло уже три месяца, и, по мере того как судно двигалось все дальше на запад, сотрясаемое штормами и заливаемое бесконечными тропическими ливнями, Флетчер Крисчен все яснее понимал, что найти нужный остров будет весьма и весьма трудно.

И все же на протяжении этих 90 дней он удерживал власть на борту, ибо никто, кроме него, не умел обращаться с хронометром. Правда, молодой Эдвард Янг был гардемаринном в команде «Баунти», но его знания навигации были весьма и весьма скудными. Поэтому моряки были вынуждены считаться с Флетчером Крисченом и признавать его за капитана корабля.

На «Баунти» сохранилась судовая библиотека, и Крисчен штудировал книги, в частности книгу Хоксворта «Путешествия», где приводилось описание капитаном Картеретом острова Питкерн, впервые замеченного европейцами в 1767 году с борта шхуны «Своллоу»: «Остров такой высокий, что мы заметили его на расстоянии свыше 15 морских миль, и поскольку первым обнаружил его молодой человек, сын майора Питкерна, мы и назвали его островом Питкерна».

До сих пор предполагали, что именно книга Хоксворта навела Крисчена на мысль искать убежища на Питкерне, но такое предположение кажется маловероят-

ным. С какой стати Флетчеру Крисчену, находившемуся в двух тысячах морских милях от названного места, вдруг взбрело в голову плыть к острову, который известен английским властям и который рано или поздно будет обследован судном, посланным для поимки мятежников? Зачем он решил проделать долгий путь на восток, не зная к тому же, заселен ли остров и имеется ли на нем естественная гавань, могущая служить якорной стоянкой для возможных преследователей на английском фрегате? Капитан Картерет изучал острова издали, команда на берег не сходила, и поэтому никто не мог сказать, был ли остров обитаем. Позднее фрегат «Пандора» не посетил Питкерн лишь по той причине, что Картерет ошибочно указал его расположение на двести морских миль западнее, и это обстоятельство спасло мятежников от виселицы. Но этого Крисчен по вполне понятным причинам знать не мог.

Изменение курса следования «Баунти», скорее всего, объяснялось иным: находившиеся на борту таитяне — женщины и мужчины — знали о существовании острова и описали его мятежникам как запретное место, где лишь священные особы имели право сходить на берег. Это настолько понравилось морякам, что они решили своими глазами взглянуть на остров, особенно после того, как всем стало ясно, что найти уединенное место в более теплых краях вряд ли удастся. Но ни Флетчер Крисчен, ни его товарищи не подозревали, что взяли курс именно на Питкерн!

4

В одно прекрасное утро 15-летний Лес Крисчен, старый Моррис Уоррен и я направились на Веревку в надежде отыскать свидетельство того, что здесь жили люди еще до мятежников с «Баунти».

Веревка — одно из многих причудливых географических имен на Питкерне. Их давали в честь тех или иных событий. Высокая скалистая стена круто обрывается метров на двести к узкому каменистому берегу, а свое название она получила благодаря следующему обстоятельству: лет пятьдесят назад со скалы спускался человек, и веревка, которой он был опоясан, лопнула. Во время прилива волны лижут основание скалы, но не

доходят до ее вершины, которая некогда была запретным местом для первых жителей острова.

Тропа, ведущая к Веревке, проходит как бы по забытому миру, полному особой красоты и очарования. Такое чувство, будто ты попал на другую планету. На Питкерне люди сосредоточены только в Адамстауне, и, какими бы убежденными и правоверными адвентистами седьмого дня они ни были, многим из них передался страх их полинезийских прабабок перед привидениями, обитающими в диких и безлюдных местах. Люди стараются не ходить в горы поодиночке, не выходят из дома с наступлением темноты, когда злые духи тупапау выглядывают из-за причудливых ветвей баньяновых деревьев или прыгают в густых зарослях. Не удивительно, что поросшее дремучим лесом нагорье и сегодня не изменило свой облик, осталось таким, каким было на заре нашей эпохи. Деревья оплетены множеством ярких вьющихся растений, которые с каждым годом все более оттесняют небольшие поля батата и плантации ананасов, посаженных еще в те времена, когда на острове проживало несколько сотен человек и прокормить их было не просто. Но сейчас здесь пищи предостаточно. Плоды манго и хлебного дерева гниют в высокой траве, перезрелые красно-желтые груши гуайявы падают на землю, а множество корнеплодов предоставлено самим себе в этом забытом раю посреди океана. Разумеется, каждый клочок земли и каждое хлебное дерево имеют своего владельца, получившего их в наследство еще с первого раздела земель при Флетчере Крисчене, но любой житель острова может отвеживать любые плоды до тех пор, пока последние не собраны и не убраны владельцем.

Спуск с Веревки довольно труден, вокруг то и дело скатываются камешки и куски скальной породы, а под нами монотонно поют волны прибоя. Царапая пальцы о желтый гравий, я невольно изумляюсь пустынному виду: скала Веревка обращена на восток, за ней раскинулся огромный ковер океана, и ближайшее населенное место в этом направлении — остров Пасхи с его огромными каменными изваяниями — находится отсюда на расстоянии 2200 километров.

На узком каменистом берегу Лес и Моррис показывают мне множество знаков, высеченных в скале на вы-

соте человеческого роста. Эти наскальные рисунки, изображающие человека, каноэ, одно большое и два маленьких солнца, являются одним из многих свидетельств того, что на Питкерне жили люди полинезийского происхождения еще до того, как им завладели мятежники с «Баунти», и что первые жители прибыли сюда с острова Мангарева (примерно в пятистах километрах к северо-западу от Питкерна), где обнаружены точно такие же изображения. Благодаря новозеландскому ученому, доктору Питеру Баку мы сегодня знаем больше о первых обитателях Питкерна и можем предположить, почему Флетчер Крисчен выбрал именно этот остров для колонии мятежников.

Питер Бак, полинезец по происхождению, сравнил наскальные изображения обоих островов. Уже одно это дало ему право говорить, что жители Мангаревы бывали на Питкерне. Однако окончательное доказательство было найдено после того, как потомки мятежников судна «Баунти» рассказали, что выкопали в земле скелет, причем череп умершего покоился в большой перламутровой раковине, а так людей хоронили только на острове Мангарева.

В ту пору, когда Флетчер Крисчен и другие члены команды находились на Таити, местные жители поддерживали контакты с населением Мангаревы. Им доводилось слышать рассказы мангаревцев о далеком, поросшем лесом, гористом острове в южной части океана, где трудно высаживаться на берег, так как вокруг нет ни одного рифа. Жители Мангаревы называли этот остров Мата-ки-те-ранги. Вождь Таратахи, изгнанный с Мангаревы, поплыл со своими людьми на этот остров и посадил там хлебные деревья. Его внук Те Агиаги рассказывал, что ему приснилось, будто дед был убит своими же воинами, и поэтому он сам отправился на Мата-ки-те-ранги. Однако во времена Флетчера Крисчена на острове, по мнению жителей Мангаревы, никто не жил. Таинственный остров был запретным для простых полинезийцев — быть может, это объяснялось тем, что влиятельные вожди таким путем имели возможность беспрепятственно рубить дерево миро* в девственных лесах острова.

* Дерево, идущее на строительство и на внутреннюю отделку домов.— *Примеч. ред.*

Именно поэтому ни одно место не подходило лучше для Крисчена и его людей, чем Мата-ки-те-ранги, после их безуспешных попыток обосноваться на островах Лау или на Раротонге. Питкерн устраивал мятежников не только потому, что был запретным местом для других, но и потому, что высадиться на берегу было трудно, а кроме того, остров изобилдовал пещерами и ущельями, где можно было скрыться, появившись у берегов военный корабль. К тому же моряки «Баунти» знали, что на острове имеются пресная вода и хлебные деревья, могущие обеспечить необходимое пропитание. Рассказ Те Агиаги помог морякам довольно точно определить местоположение острова.

Итак, Флетчер Крисчен взял курс на восток, к острову Мата-ки-те-ранги. В январе 1790 года, стоя на палубе «Баунти», Крисчен увидел в океане землю. Быть может, он и его спутники наконец-то нашли дом, который так долго искали? К нему подошел гардемарин Эдвард Янг (так гласит предание) и воскликнул:

— Слева по борту — рай, сэр!

Предводитель мятежников повернулся и со слезами на глазах тихо произнес:

— Запомните мои слова, Янг: окажется ли земля, лежащая слева по борту, раем или адом, будет зависеть только от нас.

На берег отправили разведывательную группу. Остров оказался покинутым, но еще сохранились идолы (позднее мятежники использовали их в качестве фундамента для жилищ). Повсюду росли хлебные деревья, горы зеленели лесом. Все это казалось обретенным раем.

Несколько дней спустя «Баунти» посадили на мель и предали огню. Началась эпоха колонизации Мата-ки-те-ранги (Питкерна).

* * *

Произошло это в январе 1790 года.

Между тем мятежники, оставшиеся в бухте Матаваи на Таити, и не догадывались, что Уильям Блай и верные ему люди на баркасе достигли берегов Голландской Ост-Индии и теперь направляются в Англию.

В то время Англия не воевала, а во Франции вспых-

нула революция. Дантон был избран членом конвента; Лафайет направил американскому президенту редкий почетный дар: ключ от главных ворот Бастилии. Правда, американцы не выступили на стороне французской революции.

В Дании в августе 1789 года был заключен мир после «небольшой войны со Швецией», а Камма и Кнуд Люне Рабек собирали в своем художественном салоне друзей и вели беседы на политические темы.

1

Центром острова Питкерн служит заасфальтированная «площадь» в Адамстауне, где находятся миссия, административное строение и почта. Там же установлена длинная скамейка для встреч у корабельного колокола. На площади стоит большой черный якорь с «Баунти», на котором играют дети потомков мятежников. В миссионерской церквушке в особой шкатулке хранится судовая Библия, а в сейфе на почте имеются марки, послужившие причиной удивительного благосостояния островитян.

Среди множества больших и малых площадей, которые мне довелось видеть в своей жизни, центральный пятачок Адамстауна занимает особое место. На острове, где малейший ливень превращает почти все тропы в непроходимое грязевое болото, вы вдруг ступаете на асфальт, и это равносильно тому, как с загаженной кабаньей тропы попасть на шикарный ковер. И дело даже не в том, что вы настраиваетесь на высокий лад. В этом крохотном поселке, где менее ста человек вынуждены жить бок о бок и при этом сохранять терпимость друг к другу, скромный асфальтовый четырехугольник с окружающими его строениями служит своего рода предохранительным клапаном, где находит выход сжатый пар недовольства, гнева и излишней предприимчивости. Тому, о чем говорится «у якоря», «под колоколом», «под часами», островитяне не придают такого значения, как, например, словам, сказанным в «длинных лодках» во время совместных «общественных занятий» мужчин. Это может показаться странным человеку непосвященному, хотя психологически вполне объяснимо. На субботних молениях в миссии нетрудно заметить, что островитяне гораздо сильнее выражают свои чувства, чем это обычно принято в других религиозных общинах. Нигде

не поют так громко, как на Питкерне, нигде прихожане в такой степени не схватывают на лету слова священника и открыто не развивают его мыслей, как здесь. То один, то другой человек вскакивает с жестких деревянных скамеек и говорит собравшимся обо всем, что его волнует. Вспоминать позднее об этих душевных излияниях не принято, но я почти уверен, что сограждане сохраняют их в своей памяти.

Года два назад из-за погодных условий капитану одной шхуны, потерпевшей кораблекрушение, пришлось провести на Питкерне несколько месяцев. Не в пример местным жителям он не отличался воздержанием и не скрывал своей привязанности к доставленному со шхуны запасу виски. Во время одной из проповедей тогдашний глава островного совета вскочил со своего места, выбежал в центральный проход и, вытянувшись во весь рост на земле, с простертыми руками принялся громовым голосом просить бога внять его мольбам и обратить капитана в трезвенника. Но и тот не остался в долгу. Последовав примеру островитянина, он также обратился к богу. «Боже милостивый, — взывал он, лежа в проходе, — ты услышал просьбу вождя. Выслушай и меня, старого, слабого человека. Прошу тебя: пошли мне еще один ящик виски, ибо тот, что я взял с собой на берег, будет скоро исчерпан». И началась «молитвенная дискуссия»: проход, среди скамеек заполнился коленапреклоненными и лежащими питкернцами, которые горячо поддерживали просьбу своего вождя.

Если я сейчас привожу этот случай, с точки зрения лютеран, быть может, и несколько смешной, то лишь затем, чтобы подчеркнуть человечность островитян; неделю спустя капитан получил ящик виски с проходящего мимо судна. Вождь, как глава островного совета, по существующим на Питкерне правилам мог запретить выгрузку ящика на берег, но он лишь ограничился следующими словами: «Я не такой человек, который счел бы возможным употребить свою власть в отношении другого. Очевидно, капитан испытывает большую потребность в спиртном. Я осуждаю его пристрастие и не хочу этого скрывать, но пусть он сам решит со своей совестью, что считать правильным, а что предосудительным».

Напротив миссионерского домика находится админи-

стративное здание, а в нем клуб, где дважды в неделю прокручивают 16-миллиметровые фильмы. Один фильм, как правило, из той серии, которую миссия получает из главного штаба адвентистов седьмого дня в США. Фильм прокручивают из недели в неделю, и нередко может пройти несколько месяцев, прежде чем его заменят. Можно не сомневаться, что Питкерн — одно из тех мест, куда фильмы доходят в последнюю очередь, поэтому качество копий оставляет желать лучшего, а крошечный электрогенератор не в состоянии обеспечить ритмичную скорость во время сеанса. Вот почему иногда досточтимые американские пасторы начинают говорить пискливыми детскими голосками, как в фильмах о Микки-Маусе, или же читать проповеди громогласным басом. Беру на себя смелость утверждать, что островитяне не очень понимают мораль серии, построенной в расчете на зрителя, втиснутого в рамки американского мелкобуржуазного морального кодекса. Но они от души смеются, а сметливый мистер Феррис, миссионер, разрешает прокрутить ленту с конца, что вызывает восторженный рев зрителей. «Сегодня будет фильм с конца», — кричат на площади, и все выскакивают из домов. Остальные фильмы показываются без какой-либо предварительной цензуры, и никто заранее не знает, что кинокомпании пришлют на остров. Наибольший интерес вызывают ленты, в которых можно видеть трамваи, поезда, машины, реактивные самолеты. Что же касается игры актеров, то умы зрителей она особенно не будоражит. Последний фильм о восстании на «Баунти» с Марлоном Брандо и Тревором Хоуардом в главных ролях на Питкерне успеха не имел. «Дело ведь было не так», — говорят островитяне, и по праву.

На сеанс в кино жителей созывает колокол. Его подарил острову капитан английского военного судна «Василиск» в 1844 году, а до того колокол несколько лет висел в одной из церквей Чили. Сейчас он укреплен на деревянной перекладине рядом с длинной скамьей на северной стороне площади. Звонарь — Моррис Уоррен. В бытность его подростком на остров пожаловал чиновник из колониальной администрации Фиджи. Чиновнику не составило большого труда обнаружить, что Моррис недостаточно развит для своих лет, и он предложил совету острова направить Морриса в особую школу для

умственно отсталых детей в Суве, главном городе архипелага. «Ни за что на свете, — ответил вождь. — Моррис имеет такое же право жить на Питкерне, как и каждый из нас».

— На что же вы его определите? — спросил чиновник.

— Мы поручим ему должность звонаря, чтобы каждый раз, заслышав звон колокола, люди помнили, что бог знает смысл жизни каждого из нас, как сильных, так и слабых духом.

Моррис получает за свою работу три фунта в месяц. Ему нелегко разбираться в движении часовых стрелок. И если он все же с точностью до минуты знает, когда утром следует звонить, чтобы собрать людей на общественные работы, а вечером созывать в кино или на заседание совета, то это объясняется его поразительной способностью точно определять время по положению солнца на небосводе. В первые дни своего пребывания на острове я с удивлением наблюдал, как Моррис стоит то в одном, то в другом месте с поднятым вверх указательным пальцем. Позже он рассказал мне, что таким путем определяет, когда подавать сигнал к окончанию занятий в школе: если солнечные лучи достигают кончика его указательного пальца, значит, ребята свободны! Такая замысловатая система породила на Питкерне поговорку — когда люди хотят высказать свои сомнения, то говорят: «Это так же надежно, как указательный палец Морриса в дождливую погоду».

По числу ударов колокола жители Питкерна знают, по какому поводу дается сигнал. Затем Моррис шесть раз неторопливо обходит площадь и снова принимается звонить. Так повторяется трижды. Больше всего питкернцы любят звон, возвещающий о появлении судна: шесть коротких ударов, следующих один за другим. В этом случае люди стекаются в бухту Баунти, чтобы на больших каноэ выйти навстречу бросившему якорь судну. Если на острове кто-нибудь умирает, колокол звонит 12—15 раз, а если рождается ребенок, раздаются 20 коротких ударов.

Малюсенькая почтовая контора на площади волей случая стала экономическим «хребтом» Питкерна. Ранее остров не имел собственных марок, но в 1940 году английский губернатор архипелага Фиджи сэра Харри

Морской трамвай всегда переполнен

Льюк, бывший одновременно и верховным администратором Питкерна, распорядился выпустить питкернские марки под новым географическим наименованием: «Питкерн айлендз». В связи с этим о географических познаниях сэра Харри ходит немало анекдотов, но это несправедливо — во всяком случае, по утверждению самого сэра Харри. «Я намеренно решил, — пишет он в своей книге „Острова южной части Тихого океана“, — назвать новый филателистический район островами Питкерна, поскольку главе питкернской колонии принадлежит исполнительная власть и над необитаемыми островами Гендерсон, Дьюси и Оено».

Вот так и случилось, что «острова» Питкерн стали

самым малонаселенным местом на Земле, имеющим собственные марки. Сегодня лишь 72 человека пользуются этими марками, известными филателистам всего мира. Как только Моррис дважды по три удара бьет в корабельный колокол, жители острова собираются на почте (это бывает примерно раз в месяц), чтобы отправить письма во все страны нашей планеты, даже в Китай и Саудовскую Аравию. Каждое новое судно доставляет тысячи писем от филателистов, умоляющих прислать им письмо с одной или несколькими редчайшими питкернскими марками. Шансы получить ответ у них невелики, если только они не вложат в конверт международные купоны. Зато на все запросы, присланные с оплаченным ответом, островитяне отвечают очень аккуратно.

Возглавляет почту Оскар Кларк, и должность эта приносит ему четыре фунта в месяц.

— Благодаря людям, которые собирают марки, администрация острова работает с прибылью, — рассказывает он. — Мы — единственная страна в мире, зарабатывающая на своих марках столько, что это покрывает наши расходы. Все общественные мероприятия, обучение в школе, закупки всего необходимого, строительство укрытий для лодок оплачиваются за счет доходов от продажи марок. И если посмотреть на Питкерн с точки зрения чистого бизнеса, то можно сказать, что дело приносит прибыль.

— А что значит — прибыль? Ведь марки продаются по номиналу?

— Конечно, но раньше мы передавали наши письма для доставки на кораблях бесплатно — вот что позволяет нам делать сравнения. Если кто-нибудь заявляет, что неразумно 72 людям жить на далекой скале в океане, мы спокойно можем на это ответить: какое другим до этого дело, если мы не сидим ни у кого на шее?

Но есть и другой момент, о котором Оскар Кларк не упоминает, но который также имеет отношение к делу. Жители острова Питкерн выразили желание отчислить в фонд английского Красного Креста ту часть дохода от продажи марок, какую сочтет целесообразной фиджийская администрация. Таким образом, они отдают свыше десяти процентов своих доходов на нужды международной помощи. Остается только добавить, что, когда этот вопрос обсуждался в местном клубе, жители

решили выделить половину всех доходов в фонд оказания международной помощи; они постановили также, чтобы все, кто связан с продажей марок, отказались от всякой платы за свою работу. Где еще можно найти пример подобной душевной щедрости?!

— Марки доставляют нам и немало хлопот, — продолжает Оскар. — После прихода почты каждому из нас, кто умеет писать, приходится порой целую неделю отвечать на письма. Но этому мы только рады. Переписка дает возможность рассказать людям о нашей маленькой колонии и о том образе жизни, какой мы для себя избрали.

Почтмейстер раздает поступившие письма. Он стоит на крыльце, обращенном в сторону площади, и выкрикивает:

— Десять писем из Советского Союза, все с международными купонами для ответа! Кто хочет ответить?

Вверх взлетает лес рук, и приходится тянуть жребий, кому в этом месяце выпадет обеспечивать пресс-информацию для Советского Союза. Далее следуют письма из Индонезии, но охотников отвечать на эти письма почти нет, так как жители острова в какой-то газете вычитали, что корреспонденты из Индонезии стремятся установить связь с Питкерном лишь затем, чтобы перепродать полученные марки в другие страны. ФРГ и ГДР, Англия, Голландия и Скандинавские страны, напротив, котируются довольно высоко.

Я отправляюсь домой вместе с одной из корреспонденток, несу для нее кипу писем. Это молодая девушка лет восемнадцати, из скромности она просит не упоминать ее имени, если я буду о ней писать.

— Я отвечаю на письма, потому что таким путем могу рассказать людям в других странах, что счастлива и живу хорошей жизнью, — рассказывает моя спутница. — Но я никогда не подписываюсь своим именем, только пишу: «Дружеский привет от девушки с острова Питкертн, Южные моря».

— Сколько же человек получили письма от «молодой девушки с острова Питкертн»?

— По-моему, свыше двухсот пятидесяти. Я каждому пишу по-разному, иначе было бы неинтересно. В письмах я рассказываю о своей жизни и оставляю для себя копию письма, чтобы позднее можно было перечи-

тать. Это все равно что вести дневник. Быть может, я немного эгоистична, но столько хочется рассказать!

— Тебе отвечают?

— Не очень часто. Но те, кто мне отвечает, узнают о моей жизни еще больше.

— Случалось, чтобы тебе предлагали руку и сердце?

— Кто, например?

— Твои читатели.

— Да, иногда приходят странные письма. Наверное, их пишут одинокие люди. Возможно, несчастные. На эти письма я тоже отвечаю.

— Ты никогда не уезжала с Питкерна. Чего ты ждешь от будущего на острове, с которого уезжает так много молодых мужчин?

— Я помогаю миссис Феррис, жене миссионера, ухаживать за грудными детьми. Мне хочется съездить на Новую Зеландию и выучиться на медицинскую сестру, но лишь затем, чтобы потом вернуться на Питкерн и провести на родине остаток жизни.

— А если ты не найдешь здесь себе мужа и твоим делом будет лишь ухаживать за чужими детьми и писать письма филателистам по ту сторону океана?

— Почему вы, чужеземцы, так жестоки?

Не знаю, проявил ли я жестокость в отношении этой молодой девушки, задав свой вопрос. Но я решил дословно воспроизвести наш разговор, ибо он, по-моему, затрагивает одну из проблем, которые немногочисленная молодежь острова должна ясно сознавать, но которые она редко соглашается обсуждать. Условия, в которых живут здесь молодые люди, разительным образом отличаются от условий наших детей. Чтобы понять это, видимо, уместно вспомнить кровавую историю первых колонистов острова, которая продолжает влиять на умы их потомков и невольно занимает их мысли до сих пор.

2

К западу от Адамстауна возвышается голая скала с отвесными склонами. За многие тысячелетия ветер прогрыз в горной породе пещеру; сегодня глубина ее составляет семь метров, а ширина входа четыре метра. Из пещеры открывается вид на океан и на остров. Чтобы

добраться до этого места, Лесу Крисчену, Моррису и мне приходится карабкаться по узким проходам.

Место получило название «пещеры Флетчера Крисчена», сам же он упоминал о ней как о «месте для раздумий». В те времена джунгли доходили до самого подножия скалы и пещера была крепостью, где горстка людей могла противостоять весьма сильному противнику. Крисчен часто отправлялся в «место для раздумий» и жил в уединении по несколько недель кряду. В такие дни остальные колонисты по утрам видели, как он осматривает в подзорную трубу океан — не появится ли там парус.

Но пещера служила не только убежищем. Она была своеобразным «зданием парламента». Крисчену в то время было всего двадцать с небольшим лет. Его влияние на товарищей понемногу убывало, вместе с тем его по-прежнему уважали и продолжали называть «мистером Крисченом». После того как «Баунти» сожгли, Крисчен и его восемь товарищей провели в пещере совещание, на котором они поделили Питкерн на девять участков — по одному на каждого европейца. Что же касается шести полинезийцев, то было решено, что они будут работать на моряков как своего рода безземельные крестьяне. Среди современных жителей Питкерна не сохранилось преданий, содержащих хотя бы намек на то, что Флетчер Крисчен возражал против такого решения. В защиту его и остальных европейцев можно лишь сказать, что в конце восемнадцатого столетия подобное разделение людей по расовому признаку казалось само собой разумеющимся.

— Никто из нас, избравших этот остров своим домом, не может надеяться когда-либо его покинуть, — сказал Крисчен. — Если мы и увидим корабль на горизонте, то можно не сомневаться, что он послан, дабы доставить нас в Англию, где нас ждут суд и виселица. Вот почему мы должны построить свои дома так, чтобы их не было видно с моря. Если же нас все-таки обнаружат и команда высадится на берег, мы укроемся в этой пещере и будем защищаться до последнего человека. Этой правде мы обязаны смотреть в глаза, ибо, только зная все, сможем строить свою дальнейшую жизнь.

Такова была предпосылка жизни колонистов на ост-

рове. Вскоре, однако, возникла и другая, не менее важная проблема. Денег ни у кого не было, а труд ценился невысоко, и поскольку женщины были единственным, в чем люди испытывали недостаток, то их благосклонность и право общения с ними вскоре стали «твердой валютой» среди немногочисленных колонистов. У всех европейцев были вахины, тогда как шести полинезийцам приходилось делить между собой трех женщин. К тому же по прошествии года две женщины умерли, и Джон Адамс и Джон Уильямс остались вдовцами. Они созвали новое совещание в пещере и потребовали, чтобы им передали двух женщин из числа находившихся в распоряжении полинезийцев. Джон Уильямс был единственным кузнецом на острове, он мог, в числе прочего, изготовить патроны для мушкетов. По этой причине он пользовался большим влиянием среди мятежников и остальные не сочли возможным протестовать против его требования. На полинезийцев был оказан нажим, и дело решили таким образом: жена одного из них, по имени Туфаити (Нэнси), переедет к Уильямсу, а двое полинезийцев из Тубуаи, деливших между собой женщину по имени Тинафанаеа, передадут ее Джону Адамсу. Обе женщины будут жить у своих новых мужей, готовить им пищу, а раз в месяц в день, определенный мужьями, смогут, если захотят, посещать своих бывших мужей.

Но такой порядок вызвал среди колонистов настоящую бурю. Шестеро мужчин-полинезийцев, по сути дела, имели в своем распоряжении лишь одну жену — молодую девушку по имени Марееа, которая чувствовала себя ущемленной по отношению к своим подругам, потому что у нее не было белого мужчины. Трое полинезийцев, Тараро, Оха и Титахити, жили в одной хижине с Маревой, и от них она узнала, что они вынашивают план убийства своих белых мучителей. Придя в гости к своим подругам, Марева пропела им странную песню, в которой были такие слова:

Зачем темнокожий мужчина точит свой топор?
Затем, чтобы убить белого человека.

Женщины побежали к Крисчену и рассказали об услышанном. Прихватив мушкет, Флетчер Крисчен направился к полинезийцам, пытаясь их урезонить. Те

испугались и бежали в горы. В довершение ко всему Нэнси последовала за ними и осталась у своего первого мужа, Тараро.

Так Джон Уильямс снова оказался в одиночестве. Если он не получит свою жену обратно, пригрозил он, то прекратит все кузнечные работы. «Вы обращаетесь со мной как с безземельным таитянином, — будто бы заявил он. — Что ж, я буду жить как таитяне. Но, насколько мне известно, вы с кузнечным делом незнакомы!» Крисчену пришлось разрешить приготовить три порции хумпус-бумпус, из которых в одну примешали яда, после чего таитянину по имени Манарии, также оставшемуся без жены, обещали предпочтительное право на Нэнси, если он сможет уговорить Тараро отвезти отравленный пудинг. Манарии отправился в горы для выполнения своей трудной миссии.

В горах он быстро нашел Тараро и Титахити, но Оха спрятался в другом месте.

— Мы хотим, чтобы вы вернулись обратно и жили с нами в мире и согласии, — сказал Манарии. — В знак дружбы женщины прислали вам хумпус-бумпус, а я взял с собой Мареву, которую отдают вам в жены, если вы последуете за мной.

Нэнси, которая находилась вместе с Тараро, предложила ему отвезти отравленный пудинг, но он отказался. Правда, оба согласились последовать за Манарии к подножию горы, где, по словам предателя, в кустах их поджидает Марева. К ним присоединился и Титахити.

Манарии, шедший позади Тараро, попытался пристрелить его из мушкета, но произошла осечка. Тараро бросился в джунгли, однако Манарии догнал беглеца, бросился на него и крикнул Нэнси: «Скорее, помоги его прикончить!» Нэнси схватила большой камень и разможила мужу голову. Почему она и другой таитянин вместо этого не набросились на Манарии — вопрос, который и по сей день обсуждается на Питкерне. По одной версии, Нэнси и Титахити боялись, что вооруженные белые люди уже направляются к этому месту. Титахити заковали в кандалы, изготовленные Уильямсом, и последний стал властелином Нэнси. Двумя днями позже Манарии и его соотечественник Таимуа обнаружили Оху и убили его, перерезав ему горло.

Итак, двумя полинезийцами стало меньше, а Титахити, которого, как ни странно, не убили, передали в услужение Айзеку Мартину и его жене Дженни (ранее принадлежавшей Адамсу). Однако отношения между таитянами и мятежниками с каждым днем ухудшались. Мало того, что белые физически расправлялись с полинезийцами, если были недовольны их работой, они (Маккой, Кинтал, Миллз и Браун) к тому же хвастались, что «владеют женщинами», тогда как у таитян их вообще не было.

Титахити был, бесспорно, самым хитрым из них. Всячески стараясь сохранить хорошую мину при плохой игре, он пытался переманить на свою сторону гардемарина Эдварда Янга.

Об Эдварде Янге, оставившем после себя многочисленное потомство, известно не так много. Говорят, будто он был сыном сэра Джорджа Янга; бесспорно одно: он происходил из хорошей семьи. По описаниям Блая, у Янга «была смуглая кожа и довольно некрасивое лицо — не хватало нескольких передних зубов, а оставшиеся были все гнилые». Когда начался мятеж, он единственный из гардемаринов без колебаний присоединился к бунтовщикам. Выступив с сружьем в руках, он отказался подчиниться капитану Блаю. Можно почти не сомневаться в том, что Янг ревниво относился к Флетчеру Крисчену, выходцу из старинного помещичьего рода. По его мнению, они были ровня, но обстоятельства вынуждали его смириться с ролью второго. Ему пришлось также довольствоваться кривоногой и худосочной женой Тераурой (Сусанной), доставшейся ему по жребью. Сам же он был, как на то намекают источники, страстно влюблен в принадлежавшую Крисчену Мауатуа, которую Крисчен называл «Грот-мачтой». На Питкерне Янг вел весьма замкнутый образ жизни, пока не согласился вступить в сговор с полинезийцами с целью убийства своих товарищей. По всей вероятности, при этом он рассчитывал стать вождем после Флетчера Крисчена.

В сентябре 1793 года разразился бунт. Во главе полинезийцев стоял Титахити, которого поддерживал Янг. Уильямса застрелили на его собственном участке. Следующим застали врасплох Айзека Мартина. «Мы позабавимся игрой „охота на кабанов“», — заявили бунтов-

щики, уперев мушкеты ему в живот. Ничего не понимающий Мартин расхохотался, но смех перешел в страшный хрип, когда мушкеты были разряжены прямо в него.

С наступлением темноты из европейцев в живых остались только Янг, Адамс, Кинтал и Маккой. Адамса поразили в затылок, но он сумел укрыться неподалеку от дома. Кинтал и Маккой нашли убежище в горах, а когда третьего октября они вернулись в поселок, оказалось, что женщины... прикончили всех полинезийцев. Тем самым проблема женщин была разрешена весьма радикальным способом: четыре европейца поделили между собой десять женщин, и с этого момента полинезийки стали жить беспорядочной жизнью с этими мужчинами. Эдвард Янг стал главарем оставшихся колонистов.

Но какая судьба постигла самого Крисчена?

На протяжении долгих десятилетий бытовало широко распространенное мнение, что ему удалось спрятаться в горах и избежать мести полинезийцев, а затем каким-то образом возвратиться в Англию.

Эта гипотеза основывалась на следующих сведениях. Когда Питкерн вновь был открыт много лет спустя и изумленный мир узнал о судьбе мятежников «Баунти», то Джон Адамс, единственный из оставшихся в живых моряков, сообщил противоречивые сведения о смерти Флетчера Крисчена. Капитану Фолджеру, зашедшему на остров на американской китобойной шхуне «Топаз», он рассказал, будто Крисчен заболел и умер естественной смертью. Капитанам же двух английских военных кораблей, появившихся в этих водах во время преследования американского каперного судна, он заявил, что Крисчена застрелил один из полинезийцев на принадлежащем Крисчену ямсовом поле. А когда бывший товарищ Крисчена, Питер Хейвуд, рассказал в Плимуте в 1808 году о том, что видел бунтаря-штурмана с «Баунти», то распространились слухи, что Адамс умышленно навел тень на ясный день, чтобы не обнаружилось возвращение Флетчера Крисчена в Англию. Адамса попросили указать место на острове, где похоронен Крисчен, но он так и не смог этого сделать, между тем во всем, что не касалось судьбы Крисчена, память его была безупречна.

Ходили также слухи о том, будто бы Крисчен захватил ящик с деньгами с «Баунти» и возвратился к своей семье в местность Лейк. Это предположение, кстати, подкреплялось тем обстоятельством, что проживавший там же поэт Колридж как раз в те годы написал свою знаменитую поэму «Старый моряк», в которой в известном смысле отобразил приключения Флетчера Крисчена и мятежников. Откуда, говорили тогда, Колридж мог получить эти сведения, если бы тайком не повстречался с Крисченом?

Сколь бы привлекательной ни казалась эта версия, в ней нет ничего достоверного. В момент мятежа «Баунти» находился на пути домой, и в корабельном сейфе наличных денег не было, а то немногое, что оставалось, писарь Сэмюэль, очевидно, прихватил с собой в баркас. Могила Крисчена на острове не сохранилась по той простой причине, что в первые годы жизни мятежников на острове соблюдались таитянские обычаи захоронения, в согласии с которыми вдова оставляла у себя череп умершего, тело же выбрасывали в море. Следовательно, могилы остальных убитых также не сохранились. Колридж мог заимствовать материал для своей поэмы из приключений многих моряков, потерпевших кораблекрушение. Питер Хейвуд никогда не делал заявлений адмиралтейству о якобы имевшей место встрече с Флетчером Крисченом, и приписываемые ему сведения были получены из вторых рук. Зато 86-летний Фред Крисчен может точно указать место, где произошло убийство его прадеда, а также воспроизвести слова, которые были сказаны в момент убийства и которые ему передал дед. Четыре полинезийца застрелили Флетчера Крисчена одновременно с остальными моряками. Один из них, судя по всему Титахити, закричал: «Вот тебе за то, что ты предал нас!» Крисчен застонал: «Друг, что же ты делаешь?» Все жители поселка знали эту историю, и многие могли бы сразу же внести исправления в эту версию, если бы она не соответствовала действительности.

Теперь на острове было много женщин, зато иссякли запасы рома. Вскоре Уильям Маккой нашел новую «разменную монету». Еще юношей он работал на заводе по производству виски в Шотландии. На острове ему удалось найти растение, из корней которого можно бы-

ло гнать спирт. Под руководством Маккоя котел и несколько металлических труб с «Баунти» переделали в дистилляционный аппарат, и прошло совсем немного времени, как самогон стал литься рекой. Менее чем за год Маккой окончательно спился и в приступе белой горячки бросился со скалы в воду. Но Мэтью Кинтал оказался способным учеником; он продолжал гнать самогон и постоянно находился в состоянии опьянения. Он был настоящим тираном, и его бедная вахина Теваруа (Сара) постоянно перед ним трепетала. Как-то раз, будучи недоволен приготовленным обедом, Кинтал откусил у нее ухо. В конце концов Сара не выдержала и покончила с собой.

После ее смерти ни одна из женщин не пожелала переехать в дом к Кинталу. А так как он всюду их преследовал, Янг и Адамс сговорились с ним разделаться. Кинтала заманили на пирушку, и Адамсу удалось раскроить ему голову топором. Таким образом, в живых остались лишь двое из восемнадцати мятежников.

В небольшой колонии воцарилось спокойствие, но здоровье Эдварда Янга ухудшалось, он был болен астмой, и ему было трудно дышать. Свои последние годы Янг потратил на то, чтобы научить грамоте Джона Адамса и многочисленных детей, родившихся на острове. В 1800 году он скончался, и Джон Адамс остался единственным взрослым мужчиной на Питкерне.

1

В конце 1807 года американская китобойная шхуна «Топаз», следовавшая из Бостона, с капитаном Мэтью Фолджером на борту вошла в Адвенчер-Бей на Тасмании, где около 20 лет до этого бросил якорь «Баунти» по пути к Таити.

За минувшие два десятилетия произошло немало событий, и мир стал иным. Европа была охвачена войнами с Наполеоном, однако Британия господствовала на море, и мятеж на «Баунти» практически отошел в область преданий. Как мы уже знаем, семнадцать лет назад капитан Эдвардс на военном корабле «Пандора» разыскал часть бунтовщиков, заковал их в кандалы и увез с собой. «Пандора» еще долгие месяцы ходила по Тихому океану в поисках остальных восставших во главе с Флетчером Крисченем. По пути домой фрегат потерпел кораблекрушение у Большого Барьерного рифа, и четверо пленных утонуло. Остальных доставили в Англию и предали суду. Трех из них в 1792 году казнили. Но ни само судно «Баунти», ни остальных мятежников Эдвардсу найти не удалось, и поэтому все были уверены, что судно и экипаж погибли в бурю. Вновь созданная английская колония на Тасмании, которую посетил капитан Фолджер, находилась в ведении губернатора Нового Южного Уэльса. Звали губернатора Уильям Блай — за истекшие годы бывший капитан «Баунти» сделал блестящую карьеру.

С Тасмании «Топаз» направился по Тихому океану в восточном направлении. После малоуспешного промысла тюленей в штормовом море судно взяло курс на север, и 5 февраля 1808 года вахтенный заметил впереди остров. На морской карте здесь не значилось земли, но американский капитан не ошибся, предположив, что островом может быть открытый Картеретом в

1767 году Питкерн. Длинные океанские волны с грохотом разбивались о неприступный скалистый берег, и, казалось, найти здесь якорную стоянку будет невозможно. Но на острове могли быть тюлени, и «Топаз» с величайшей осторожностью направился туда.

В подзорную трубу Мэтью Фолджер заметил над деревьями столбики дыма. Значит, на острове есть люди, хотя Картерет и обозначил его как необитаемый. Внезапно капитан увидел каню; лодка с двумя гребцами на борту по волнам ревущего прибоя приблизилась к шхуне. Лица людей были темными, как у полинезийцев, а на теле были только набедренные повязки. Они крикнули капитану по-английски, чтобы он спустил канат и позволил им подняться на судно. Пораженный тем, что островитяне говорят по-английски, Фолджер расспросил их:

— Кто вы такие?

— Мы англичане.

— Англичане? — удивленно воскликнул он. — Где же вы родились?

— Здесь, на острове.

— Но как же вы можете быть англичанами, если родились на острове, который англичанам не принадлежит и о котором они даже не знают?

— Наш отец был англичанином.

— Кто же ваш отец в таком случае? — в нетерпении крикнул Фолджер.

— Алек. Разве вы не знаете Алека?

— Откуда, черт побери, мне знать Алека!

— Значит, вы никогда не слышали про капитана Блая и судно «Баунти»? Отец был одним из его людей.

И тут Фолджер все понял. «Мной овладело неопишное чувство изумления и радости», — рассказывал он позднее. Благодаря чистой случайности американскому капитану удалось обнаружить местопребывание мятежников «Баунти». Правда, он не сразу решился сойти на берег, но, когда двое молодых островитян заверили его, что в живых остался один-единственный член оставшего экипажа, согласился последовать вместе с ними на остров. В поселке он встретился с Джоном Адамсом (Александром Смитом), который уже восемь лет оставался единственным взрослым мужчиной на

острове после кровавых событий, ознаменовавших начало колонизации. Адамс подарил капитану судовой хронометр как доказательство того, что он действительно был моряком пропавшего английского мятежного судна. Фолджер, видимо, рассказал при этой встрече, что остров называется Питкерн — ведь мятежники, как мы уже отмечали ранее, знали лишь таитянское его название Мата-ки-те-ранги. В те времена на острове помимо Адамса проживало 34 полуангличанина.

Американский капитан пробыл на Питкерне всего шесть часов. «Я рассказал Александру Смитю, что произошло за эти годы в мире, — записал он в судовом журнале „Топаз“, — в частности, про победы английского флота, и эти новости его очень обрадовали. Он, со своей стороны, поведал мне о восстании и смерти своих товарищей».

Джон Адамс мог лишь радоваться тому, что Фолджер не зашел на остров по пути на запад, ибо в таком случае он неминуемо рассказал бы о своем открытии губернатору Нового Южного Уэльса, каковым был капитан Блай, а последний наверняка не пожалел бы усилий и снарядил военный корабль на Питкерн, чтобы арестовать Адамса — одного из самых активных участников мятежа. Но «Топаз» плыл на восток. В Вальпараисо Фолджер повстречал одного английского морского офицера, которому рассказал о колонии на Питкерне. Офицер направил донесение английскому адмиралу в Рио-де-Жанейро, но лишь в мае 1809 года эти сведения дошли до Лондона, где донесение было подшито в архив. Никакой информации не было даже направлено британским военным кораблям, находящимся в Тихом океане. Вот почему Питкерн был еще раз «открыт» двумя судами английского морского флота. И лишь в 1823 году адмиралтейство снарядило корабль «Блоссом», капитану которого, Бичи, было приказано осмотреть остров и присоединить его к английской короне. Никто из побывавших на острове капитанов не пожелал арестовать Джона Адамса и доставить его в Англию для суда, напротив, все трое заявили, что он был подлинным отцом для островитян, воспитывал подрастающее поколение в духе истинного христианства, и если его педагогическая деятельность будет прервана, то колония придет в упадок.

Джон Адамс стал легендарной личностью острова Питкерн и остается таковым вплоть до наших дней. Его могила служит местом паломничества, его высказывания цитируются и передаются из поколения в поколение. Если так сказал Джон Адамс, значит, так должно быть. Однако в дни мятежа, да и в последующие годы он отнюдь не был похож на учителя воскресной школы. Ведь именно он, как мы уже знаем, вытатуировал свои инициалы «А. С.» (Александр Смит) и дату «1789» на руке вахины Джени, которую позднее уступил товарищу Айзеку Мартину якобы за две бутылки рома. А когда умерла его другая жена, Пураи, он потребовал себе женщину одного из полинезийцев. Адамс принимал активное участие в организации первого заговора на острове, когда были убиты два полинезийца, и едва не погиб сам во время попытки бунта таитян. Он весьма усердно потреблял самогон, приготавливаемый Маккоем, и вместе с Янгом планировал убийство Кинтала, своего товарища по судну. И даже после смерти Янга от астмы в 1800 году Адамс жил, как паша, собрав в своем гареме всех женщин острова.

Но, видимо, именно в эти годы в его сознании произошел какой-то перелом. Сын бедного лондонского паромщика, он едва ли очень хорошо мог читать и писать до того, как уселся на школьную скамейку на Питкерне, когда обучение начал вести Янг. Учебником им служили Библия, которую вывезли с «Баунти», и молитвенник Флетчера Крисчена. Когда же Янг умер, Адамс был настолько сведущ в воспитании, что взял на себя роль наставника подрастающего поколения.

Лексикон Адамса вряд ли мог служить образцом оксфордского английского языка, и даже сегодня жители острова говорят на особом языке, одном из самых странных в мире. Все моряки «Баунти», естественно, говорили по-английски, но на различных диалектах, сдобренных множеством морских словечек, вынесенных из матросских кубриков парусников конца XVIII столетия. Плененные ими женщины и мужчины-полинезийцы разговаривали между собой по-таитянски, но так как двое мужчин родом были с Тубуаи, а одна женщина с Хуахи-не, то слова из их родных наречий также можно было встретить в том удивительном смешанном языке, который служил средством общения на Питкерне в давние

времена. Позднее капитаны французско-полинезийских шун также оставили свой след в языке питкернцев, впитавшем в себя, таким образом, и современные морские выражения. Между собой все жители острова говорят именно на этом языке, но более пожилые люди понимают английский и могут говорить на нем с посторонними.

Приведу несколько примеров, чтобы продемонстрировать различия между чистым английским и питкернским языками:

Your eyes are red with crying («Ваши глаза покраснели от слез») по-питкернски звучит так: *Yus eyes sa ulla-ulla*.

I'm able to carry your basket («Я могу понести вашу корзинку») — *I'sa able to cahly your basket*.

The little child is sick («Маленький ребенок болен») — *Dah little sullun sa sore*.

I don't know («Я не знаю») — *I ka wa*.

I'm going for a swim («Пойду поплаваю») — *I'sa goin' nawi*.

Еще при жизни Джона Адамса (а умер он в преклонном возрасте в 1829 году) потомки впитали в себя его слова и цитировали их как высказывания самого пророка, и, хотя все они не так давно перешли в веру адвентистов седьмого дня, они по-прежнему в известной мере строят свою жизнь, исходя из заветов Адамса. Заповеди обращенного бунтовщика до сих пор составляют основу морального кодекса островитян.

Вот один из тезисов Джона Адамса: «Питкернцы должны жить в браке, но в маленьком обществе, где возможности обзавестись семьей временами ограничены, женщина или мужчина, ищущие внебрачных связей, не должны подвергаться моральному осуждению».

Возможно, именно наставлениями Джона Адамса объясняется тот факт, что на Питкерне рождается больше внебрачных детей, чем во многих других местах. К 1930 году примерно четвертая часть всех детей была плодом внебрачных связей. Каково положение сегодня? На этот счет, насколько мне известно, никакой статистики не существует, но вряд ли будет большой ошибкой утверждать, что более половины детей, рождающихся на Питкерне, имеют отцом мужчину, не состоящего с их матерью в браке.

Все жители острова — это одна семья, ибо за 175 лет лишь несколько мужчин привнесли на Питкерн свою кровь. Официально население Питкерна в 1965 году восходило к девяти европейцам, шести полинезийцам и двенадцати доставленным на остров таитянкам. Для генетика Питкерн представляет весьма интересное поле деятельности.

2

Воспитанники Адамса рассказывают мне о «прогулке Якобсена», или «прогулке в кусты», придавая особый смысл этому выражению. Оно связано с именем датского моряка Нильса Олуфа Якобсена. Моррис Уоррен и я с трудом собрали развалившееся надгробие на его могиле на продуваемом всеми ветрами местном кладбище.

Надпись на камне гласит, что Якобсен родился в Копенгагене 17 ноября 1879 года и умер на Питкерне на 51-м году жизни, другими словами, в 1930 году. А ниже высечено: «Он никогда больше не возвратится к себе домой...» Дальнейшие слова стерлись, но в самом низу детским почерком приписано: «Дорогой папа, мы так по тебе горюем».

Последние строки просила высечь на камне Норма, дочь Нильса Олуфа Якобсена. В год его смерти она была еще совсем ребенком и поэтому немного может рассказать об отце. Норма и ее муж, почтмейстер острова Оскар Кларк, живут в деревянном доме, построенном Нильсом Якобсеном. Датский моряк прибыл на Питкерн в 1921 (1922) году на французской шхуне с острова Мангарева. В то время ему шел 42-й год. На шхуну в каноэ прибыла молодая красавица Инес Уоррен, у которой на острове было много поклонников. Она влюбилась в моряка, а он ради нее решил остаться на Питкерне. Однако сделать это было не легко, ибо в те времена чужестранцам запрещалось ступить на берег острова.

Но Инес спрятала Нильса под брезентом, когда на лодке переправляли со шхуны груз в бухту Баунти. Нильс Якобсен скрывался в зарослях до тех пор, пока шхуна не ушла на Мангареву. Инес снабжала его ямсом и плодами хлебного дерева, родным же, удивляв-

шимся её столь частым отлучкам в заросли, она говорила, что совершает «прогулки в кусты». Это выражение сохранилось на острове и после того, как Якобсен переехал в поселок и женился на Инес. Надо сказать, что, скрываясь в зарослях, он не испытывал жажды, ибо, как вспоминают старожилы Питкерна, его единственный багаж состоял из ящика пива.

Согласно неписаному закону острова, идущему от адвентистов, молодым мужчинам и девушкам не положено оставаться наедине без надзора старших. Но, будучи потомками жизнелюбивых таитянских женщин, они всегда находят выход из положения и спрашивают у родителей разрешение на «прогулку Якобсена», чтобы побродить в зарослях. Это крылатое выражение, скорее всего, соответствует скандинавскому «лежать в вере и законе» *. Можно не сомневаться, что во время этих прогулок природа берет верх над воспитанием, и боязнь Судного дня, кошмаром висящая над жителями острова, отступает на задний план, когда в молодых людях пробуждается кровь старого Адамса. Прав, видно, Моррис Уоррен, человек пожилой, когда он говорит, что старшее поколение не может, да и не хочет противостоять этим встречам в зарослях.

— Нам надо удержать здесь молодежь, — подчеркивает он, — ведь ничто не мешает им уехать с Питкерна и поискать себе работу, например, на Новой Зеландии. Между тем молодежи из других мест въезд на остров запрещен. За последние четыре года число жителей сократилось наполовину, и все потому, что многим нашим юношам захотелось повидать другие страны. Они никогда не возвращаются в родные места, а жен находят за границей. И если еще восемь-десять человек покинут Питкерн, то у нас некому будет править «длинными лодками» и колония окажется на грани распада. Вот почему многие отцы, как и я, вспоминали слова Джона Адамса и говорили своим сыновьям: «Отправляйся со своей девушкой в кусты, когда тебе захочется, и, если она принесет ребенка, не беда, ведь на Питкерне как раз недостает молодежи, а с помощью почкования еще никто из нас не размножался».

* Отношения, построенные на взаимном доверии, а не на юридически скрепленных статьях закона. — *Примеч. пер.*

Что же касается молодых девушек, то им гораздо труднее уехать с острова. Чтобы приобрести билет на проходящее судно, они должны получить разрешение магистрата Питкерна, а таковое им дается лишь в том случае, если они нуждаются в больничном лечении на Новой Зеландии или же согласятся пройти там курс обучения, чтобы затем вернуться на остров и применить дома полученные знания.

В один из вечеров я созываю в местном клубе «конференцию круглого стола» и пытаюсь коснуться этой проблемы. Никто из местных жителей не осмеливается высказать открыто свое мнение, все говорят лишь о долге перед господом богом и о том, что Судный день недалек. Тогда я обращаюсь непосредственно к молодежи, которая также пришла в клуб:

— А вы что, воды в рот набрали? Быть может, здесь слишком много народу и вы стесняетесь откровенно высказаться? Если кто-нибудь из вас имеет что сказать, давайте пойдем в дом к Эдне и поговорим обо всем в более тесном кругу.

Но по освещенной лунным светом тропе к домику Эдны я иду один: желающих продолжить неудачную дискуссию не оказалось. Однако через два дня у меня происходит встреча с пятью молодыми девушками, и на сей раз они держат себя гораздо свободнее, чем в клубе.

— Нам необходим контакт с окружающим миром, — говорит одна из них. — Недостаточно лишь отвечать на письма филателистов. В школе и по радио мы слышим о космонавтах, облетающих Землю на своих кораблях, а нас всю жизнь заставляют жить на этом острове. В старых журналах мы читаем о том, что молодежь может купить себе в других странах, а у нас нет даже магазина, где мы могли бы потратить деньги. Иногда нам удается выменять немного товаров на проходящих судах или купить одеколон у судового парикмахера. Но если даже я и обзаведусь губной помадой, я не смею ею пользоваться, боюсь, что мне запретят выезжать к проходящим судам «по моральным соображениям», как ненадежную.

— А мне бы хотелось пудриться, — вставляет другая девушка, — но как вспомню, что это считается грехом!.. — Она указывает на одну из подруг. — Ей вот за-

претили приближаться к пароходам за то, что она пошла к парикмахеру.

В беседу вступает проштрафившаяся девушка. Она вспоминает:

— Месяца три назад я была вместе со всеми на корабле, который привез листы железа для Адамстауна. В нашем распоряжении было четыре часа, и я пошла к парикмахеру, чтобы он сделал мне модную прическу, как на картинке, которую я вырезала из иллюстрированного журнала. Вдруг одна из пожилых женщин влетела в каюту и закричала: «Ах ты заблудшая овца, что же ты делаешь перед Судным днем, ты ведь знаешь, что он скоро грядет!» Под смех парикмахера она вытащила меня из-под сушилки для волос.

— Почему мы должны изолироваться от остального мира? — спрашивает первая девушка. — Я читала о девушках, которых помещают в дома для трудных подростков. Это напоминает мне условия жизни на Питкерне. Мы здесь как крепостные, а если выходим замуж, то наперед знаем, что нас никуда непустят, даже в короткую поездку. Разве у нас меньше прав жить собственной жизнью, чем у других молодых людей? С ума сойти можно, глядя на океан изо дня в день, из месяца в месяц и зная, что все равно никогда не попадешь дальше якорной стоянки проходящего мимо случайного судна! Мне иногда кажется, что мы расплачиваемся за грехи наших предков и вынуждены отвечать за их преступления.

— И вы побоялись сказать обо всем этом в клубе?

— А что оставалось делать? Вы, верно, забыли, что там были члены магистрата, а ведь это они решают, кому можно купить билет на проходящий корабль, если есть свободное место. Тому из нас, кто надеется выехать отсюда, приходится пролезать через игольное ушко.

— Другими словами, этот остров вам кажется тюрьмой?

— Ничего подобного! Это наш дом, мы его любим, и вполне вероятно, что многие из нас вернулись бы на остров с молодым человеком, например, из Новой Зеландии, если бы ему разрешили здесь поселиться. Но мы не желаем подчиняться старомодным условностям.

Таковы, на мой взгляд, проблемы питкернской молодежи в миниатюре, и если они не найдут своего разрешения, то небольшое общество на этом острове со временем обречено на вымирание.

3

Принято считать, что ежедневные нужды девяти человек позволяют открыть небольшую лавку. Почему же на Питкерне нет магазина? Надо полагать, один магазин на 72 человека — это не слишком много?

Жители острова, где сначала право на женщину, а затем самогон были единственной «твердой валютой», и сегодня продолжают жить меновой торговлей, хотя и признают ценность денег — но только за пределами бухты Баунти. Врач судна, доставившего меня на Питкерн, на протяжении многих лет интересовался своеобразными экономическими отношениями и денежными делами островитян.

— Они весьма состоятельны, а расходовать деньги им не на что, — рассказывал он. — Когда новозеландский банк решил аннулировать десятишиллинговые банкноты, он в числе прочих сообщил и жителям Питкерна, что эти деньги подлежат обмену. И тогда обнаружили тысячи старых банкнотов — очевидно, своеобразной сберегательной кассой для жителей острова служат матрацы. И не забывайте, что речь шла о десятишиллинговых банкнотах. Кто знает, сколько у населения бумажных денег достоинством в один и пять фунтов?

Новозеландские денежные знаки действительны только для покупок товаров на проходящих мимо острова судах, однако и в этих случаях оборот весьма ограничен, поскольку жители Питкерна, как правило, обменивают товары на кустарные поделки из дерева и тропические фрукты, а наличными расплачиваются в основном с судовым парикмахером, который одновременно держит судовую лавку. К тому же, как мы имели возможность убедиться, моральный кодекс не позволяет мужчинам и женщинам Питкерна «раскошелиться». К числу запрещенных товаров в первую очередь относятся табачные изделия, алкогольные напитки, игральные карты и косметика. Разрешается приобретать в основном лезвия, пасту для бритья, шампунь для волос,

мыло и еще кое-какие мелочи. О кока-коле, жевательной резинке и шоколаде жители острова не могут и мечтать. В результате им не на что истратить деньги, которые они заработали во время общественных работ или от продажи сувениров. Правда, они могут сходить в кино в помещении клуба, но стоимость сеанса всего один шиллинг (полторы датские кроны).

Налогов островитяне не платят, жилье им ничего не стоит, хозяйство тоже. Время от времени они испытывают лишь нужду в керосине; что же касается орудий труда, то ими жителей обеспечивает магистрат. Кое-кто из молодежи использует накопленные деньги на то, чтобы приобрести транзисторы, но эти приемники здесь очень дешевы — ведь на Питкерне нет таможенной пошлины.

Мебель островитяне сбивают сами, нередко с большим искусством. Обои у них не в ходу, стены увешаны журнальными вырезками, картинками с мотивами из жизни Христа либо же портретами королевы Елизаветы и принца Филиппа, которыми остров щедро снабжает колониальная администрация. Здесь рассказывают об одной женщине, которая, вычитав в женском журнале о чудесной туалетной бумаге, накупила у судового парикмахера множества рулонов. Когда же к ней пришел один из фанатичных приверженцев адвентистской веры и спросил, что она намерена делать с этой розовой мягкой бумагой в приближающийся Судный день, она не нашла ничего лучшего, как развесить бумагу на фруктовых деревьях, чтобы отпугивать ею птиц.

Страшнее Судного дня для адвентистов ничего нет, по крайней мере для старшего поколения. Согласно учению американской секты, возвращение господ бога на землю ожидалось в 1843 году — во всяком случае, так подсчитывали по «Откровению Иоанна». Когда же этого не произошло, миссионеры стали доказывать, что господь не появился в тот год по той причине, что начал заниматься чисткой небесных святынь. Они проповедуют очищение перед грядущим Судным днем, призывают единоверцев вести здоровую жизнь, воздерживаться от спиртного, табака, не есть много мяса, избегать «мирских радостей», особенно танцев и нарядов. В 1886 году английский фрегат «Пеликан» доставил на Питкерн с Таити адвентистского священника Джона

Тэя, который вскоре обратил островитян из приверженцев англиканской церкви в адвентистов седьмого дня.

Надо сказать, что в известном смысле адвентистская миссия производит благоприятное впечатление. Ее служители — люди прямые и открытые, а глава миссии, мистер Феррис, и его жена проводят в меру своих скромных возможностей немалую воспитательную работу среди населения острова. И все же, на мой взгляд, грешно — особенно по отношению к молодежи — проповедовать мракобесное учение в этом изолированном обществе, где, казалось бы, сама природа постаралась скрасить убогое существование людей. Что плохого в том, если молодежи разрешат хоть немного заняться спортом или купаться по субботам? Если бы юноши и девушки могли без утайки танцевать в клубе, пусть даже изредка, разве это могло бы пагубно сказаться на их душах? Результатом же постоянных запретов явились лишь «якобсеновские прогулки», с которыми старшему поколению приходится мириться. Справедливо ли проповедовать приближение Судного дня и под этим предлогом запретить всем без исключения светские удовольствия? Здесь столько трубят о Судном дне, что, возможно, и по этой причине люди не так уж жаждут работать.

Что за беда, если бы миссия позволила открыть на острове магазин, где продавались бы те мелочи, о которых жители читают в журналах и которые им так хочется приобрести: губную помаду, пудру, игрушки для ребят. Ведь проповедники все равно сквозь пальцы смотрят на то, что молодежь покупает транзисторы и слушает модные танцевальные ритмы с Таити, танцевать которые им запрещается.

Слов нет, страх перед Судным днем приглушил инициативу людей и поубавил жизнерадостности, но, к счастью, не сумел окончательно подавить жажду жизни.

Лишь при условии, что молодое поколение взбунтуется против этого духовного порабощения и преодолет страх перед запретами, можно будет надеяться на возрождение этого маленького общества. Если же население и дальше будет следовать призывам миссионеров, не исключено, что Судный день для Питкерна и в самом деле наступит, но совсем не так, как представ-

ляют себе адвентисты: на острове просто не останется жителей.

Разве создание кооператива не принесло бы Питкерну пользу? Сегодня сотрудничество островитян ограничивается совместным посещением проходящих судов, рыбалкой вблизи побережья и общественными работами; в остальном же каждая семья ведет хозяйство самостоятельно. Когда в доме кончается мука, одалживают у соседа, но никому и в голову не придет выпекать хлеб совместно. В каждом доме солят и варят, забивают живность и работают на собственных клочках земли, причем в самое случайное время. Сколько сил можно было бы сэкономить, сколько бесцельного труда избежать, если бы часть всех дел выполнялась совместно!

Но и это единоличное ведение хозяйства имеет историческую подоплеку. Когда в 1820 году на остров зашла английская китобойная шхуна, Джон Адамс сказал капитану, что по старости не находит в себе больше сил заниматься обучением детей в местной школе. Капитан собрал команду и спросил, не хочет ли кто добровольно остаться на острове и заменить Адамса. Вызвался молодой Джон Баффет. Позднее он женился на одной из местных девушек. В 1828 году на Питкерна приехал священник Джордж Ханн Ноббс; он стал мужем Сары Крисчен, внучки Флетчера Крисчена.

Ноббс совместно с Баффетом организовал на острове кооперативную систему труда. Вполне возможно, что жителям это пришлось не по нраву, они сочли это насилием над своим свободным существованием. Однако Ноббс и Баффет считали подобное объединение необходимым. Поскольку население острова неуклонно возрастало и в 50-е годы достигло двухсот человек, Ноббс опасался перенаселенности. По его договоренности с английским правительством в 1856 году судно «Морейшайр» забрало всех жителей Питкерна и перевезло на остров Норфолк, в бывшую английскую штрафную колонию, расположенную между Австралией и Новой Зеландией.

На этом новом острове всем прибывшим выделили земельные наделы. Однако шестнадцать питкернцев — четверо мужчин и двенадцать женщин — не вынесли жизни на Норфолке и на судне «Мэри Энн» в

январе 1859 года возвратились на родной остров. Позднее их примеру последовали другие семьи. Отголоски эмиграции до сих пор живы в семейных преданиях, и Ноббса с его призывами к кооперации жители, быть может, не без оснований, считают виновником переселения на Норфолк. «Если бы каждая семья могла управляться в одиночку, никакого переселения не было бы» — эти слова и сегодня раздаются на острове. Вот почему люди не желают совершать прежних ошибок и работают сообща лишь в случае крайней необходимости. И поскольку инициаторами неудавшейся попытки переселения были два человека «извне», то этим, возможно, объясняется нежелание местных жителей открыть доступ на остров всем, кто хотел бы поселиться на Питкерне.

1

«Ночью шел сильный дождь, и весь день горы были окутаны туманом. Американское грузовое судно в полдень приняло «длинные лодки» в трех четвертях мили от берега, и теперь они направлялись обратно в Баунти-Бей, где собралось много мужчин и почти все женщины поселка; все они жаждали узнать, какие товары везут с корабля.

Неожиданно собравшиеся на берегу увидели, что происходит что-то неладное. В промежутках между валунами засвистело, и послышался такой звук, словно кто-то изо всех сил пытается высосать пищу из полого зуба, только не из одного, а из сотен зубов сразу. Звук становился все громче, и вскоре он уже наполнил собой всю бухту, так что нам приходилось кричать, чтобы услышать друг друга. Вода схлынула, но не спокойно и неторопливо, как при обычном отливе, а внезапными, быстрыми рывками. Внутренняя часть бухты обнажилась, открыв взору подводные шхеры и скалы. Тысячи крабов ринулись в укрытие, щупальца спрута впились в основание скалы, колыхались водоросли. Такой картины нам еще не приходилось видеть, но у нас не было времени детально ее запечатлеть: нас охватил страх за наших близких в каноэ, что приближались к бухте, — мы поняли, что где-то в океане к острову спешит гигантская волна».

Эту историю я услышал от Роя Кларка. Он был почтмейстером острова до того, как им стал его младший брат. На протяжении многих лет Рой вел дневник, занося в него все события, которые случались на Питкерне. Быть может, именно поэтому некоторые жители называют его «ходячим архивом». Вот как он описывает те мгновения, когда последний из трех гигантских водяных валов обрушился на маленький тихоокеанский островок несколько лет назад.

— Более чем тысячемильное пространство в открытом океане между островами Пасхи и Питкерн при плохих погодных условиях становится своего рода радифоническим вакуумом, в котором судовым радистам трудно установить связь со станциями на Американском материке, на островах Кука или Новой Зеландии. Команде грузового судна, вышедшего в море, очевидно, по этой причине не сообщили о надвигающемся вале. Мы уже были не в состоянии передать им сигнал опасности, поскольку от берега до радиостанции в Таро Граунд примерно час ходьбы, а ночной дождь настолько размыл тропу, что посыльный добрался бы до радиста Тома Крисчена не ранее чем через полтора часа.

Но прежде всего надо было предупредить об опасности тех, кто находился в лодках. Забравшись на крышу самого высокого лодочного сарая, мы изо всех сил стали махать им руками, но люди были слишком далеко, и трудно было понять, видят ли они наши сигналы. А кроме того, дети очень часто именно так машут старшим товарищам, поэтому сидящие в лодках могли и не обратить на нас внимания.

В прежние годы два таких шквала уже обрушивались на остров, и мы могли себе представить, что должно вот-вот произойти. Огромные волны были вызваны подводным землетрясением в 500—600 морских милях к северу от Питкерна и достигали 15—20 метров в высоту. Но оба раза лодок на воде не было, а люди, которые находились на берегу, успели подняться на Гребень, откуда в безопасности следили за происходящими событиями. Минут через двадцать после того, как из бухты ушла вся вода, появился предвестник водяного вала в виде гигантского серого водяного ковра; он медленно катился в бухту и достиг самого большого лодочного сарая. Когда он с грохотом стал отступать назад, мы заметили огромную стену воды. Она приближалась к нам, все увеличиваясь в размерах. Кто-то из женщин закричал, что настал Судный день. Но самое устрашающее впечатление производил не оглушительный грохот, доносившийся с океана, а вид воронки перед волной, в которой, словно мелкие камешки и спички, крутились обломки скал и плавник. И как только такой водопад мог подняться в эдакую высь прямо посреди океана? Вода стояла вертикально, достигая двадцатиметровой вы-

соты, а сверху ее венчала бурлящая белопенная корона! Но вот волна обрушилась на берег, и почва задрожала под нами, как при землетрясении. Отступая, вода смыла кусты и деревья и два лодочных сарая. Через несколько минут все было кончено, но место причала напоминало поле брани.

Эта картина всплыла в нашей памяти, и мы могли себе представить, что произойдет на этот раз. А положение сейчас было куда опаснее; ведь на борту каноэ находилась бóльшая часть мужского населения острова.

Прошло не менее четверти часа с того момента, как из бухты ушла вода, когда лодки наконец приблизились к берегу и нам стало ясно, что люди там понимают всю серьезность положения. Они изо всех сил налегали на весла, но в то же время и табанили, а рулевой Паркин Крисчен то и дело поглядывал назад. Продвигаться дальше по такой низкой воде они уже не могли, оставалось ждать появления «предвестника». Люди в лодках и те, кто стоял на берегу, с напряжением вглядывались в разбушевавшийся океан. И вот появилась гигантская волна. В первый момент она казалась узкой полоской на горизонте, затем превратилась в невысокий барьер — как в том месте, где волны разбиваются о коралловый риф, но вскоре встала блестящей зеленой стеной. Казалось, весь Тихий океан навалился с севера на остров, чтобы захлестнуть его. Каково же было глядеть на это тем несчастным, что находились в лодках?!

Наконец прокатилась огромная волна, плоская и серая, она тут же превратилась в гигантского спрута, распростершего щупальца во все стороны. С северо-запада на остров обрушился ливень, море окутал туман, сквозь дымку которого проглядывала стена водяного вала.

Удастся ли нашим товарищам влететь на «предвестнике» в Баунти-Бей? Быть может, мы успеем зацепить лодки веревками, прежде чем громада воды обрушится на берег? Мы пытались вспомнить, сколько времени прошло в прошлый раз между появлением плоской волны и валом. Что, если волна, отступая в океан, вызовет такие завихрения, что веревки и тросы лопнут, прежде чем люди успеют выскочить на берег?

Но вот первая гора настигла лодки, подняла их

ввысь на четыре-пять метров, лодки на мгновение почти вертикально встали в воде, а затем с бешеной скоростью на гребне устремились вниз. Их швыряло из стороны в сторону, и даже нам было слышно, как трещит и стонет дерево. Лодки стремительно несли на берег, мы же бросились им навстречу с веревками в руках; концы веревок были крепко привязаны к самым мощным деревьям на тропе, ведущей к Гребню. На нас обрушились бурлящие волны, они тащили людей назад, но мы напрягали все усилия, охваченные одной лишь мыслью: удержать веревки, чего бы это ни стоило! Две лодки перевернуло и бросило на камни, а третью, словно ореховую скорлупку, выкинуло в кустарник восточнее лодочных сараев. Но вот наконец веревки удалось закрепить, мы вцепились в них, плавая в бурном водовороте, задыхаясь и почти скрываясь в воде, и все же мы чувствовали, что волна-предвестник с ревом и грохотом начинает отступать, мертвая хватка вокруг наших тел ослабевает. Падая от усталости, напрягая последние силы, мы устремились к скользкой тропе, карабкаясь, хватаясь друг за друга и стремясь уйти подальше от водяного вала, от грохота которого, казалось, лопнут наши барабанные перепонки.

Между тем волна обрушилась на берег. Затрещали деревья, земля над нами сползла вниз, словно лавина, весь остров затрясся и заходил ходуном. Сам я почти не видел, что происходит вокруг: меня швырнуло лицом в грязь и придавило огромным пластом глины. Когда меня откопали, то рассказали, что водяной вал превышал двадцать метров. Лодочные сараи превратились в развалины, две «длинные лодки» размолоты в щепы, четыре больших обломка скалы загородили выход из Баунти-Бей; обрушившаяся глина окрасила воду в красновато-бурый цвет. Но все мы остались в живых и собрались на тропе, а дождь и шторм нам уже были не страшны. Много недель спустя мы узнали, что водяной вал был вызван подводным землетрясением, которое, как полагают, произошло между островами Мангарева и Фатухива. Его разрушительные последствия наблюдались даже в Японии и на Аляске.

Рой Кларк посасывает арбуз, далеко выплевывая косточки. Смотрит на меня и улыбается.

— Я знаю, люди в большом мире говорят, что мы

тут, на Питкерне, лентяи. Но нам так часто приходится смотреть смерти в глаза, что небольшая работа, которую, возможно, и следовало бы выполнить лучше, всерьез не занимает наши мысли. Мы не утруждаем себя повседневными заботами. Стоит ли утруждать тропу или затыкать дыры на крыше, если знаешь, что наутро тебе предстоит отправиться в море, откуда ты можешь не вернуться?

Рассказ Роя заставляет меня по-новому взглянуть на жизнь обитателей Питкерна.

— Все мы живем под страхом неизвестности и постоянной опасности, — продолжает Рой. — Но ты редко услышишь, чтобы кто-нибудь из нас на это жаловался. У человека несведущего может создаться впечатление, будто мы здесь только тем и заняты, что читаем рассказы в новозеландских журналах, так как о своих наполненных тревогами буднях у нас говорить не принято. У здешних жителей свои правила относительно того, что позволительно, а чего делать нельзя. И один из запретов — говорить об опасностях и неприятных событиях нашей жизни. Он не распространяется на все, что касается эпохи мятежа на «Баунти». Здесь это принято считать неотъемлемой частью истории рода. Но не надо думать, будто будничные события не оседают в наших головах. Память о многих из них хранят географические названия на острове.

2

Как-то, странствуя по горам, Лес Крисчен и я остановились на отдых в банановой роще, где жители острова были заняты на общественных работах. Лес рассказал мне, что это место получило название «Капитан без внутренностей», но объяснить, откуда оно взялось, он не смог. Зато Рою это хорошо известно. Вот что он поведал:

— Когда наши лодки, а было это в тысяча восемьсот девяносто третьем году, вышли навстречу подошедшему к острову судну, штурман попросил взять с собой труп капитана и похоронить его на берегу. В те времена радиосвязи еще не существовало, и команда не могла оповестить об этом заранее. Капитан скончался три недели назад; перед смертью он категорически запретил опускать свое тело в море. Два члена экипажа

забальзамировали труп как смогли, и островитяне согласились захоронить его на острове.

Погода в тот день была плохая, и случилось так, что лодка, на которой находилось тело капитана в мешке, перевернулась, двоим островитянам пришлось прыгнуть за борт и вплавь доставить мешок на берег. Жителей Питкерна удивило, что никто из моряков не сопровождал тело; возникло предположение, что капитан покончил с собой, а потому не может быть похоронен в освященной земле. Его последним пристанищем стала банановая роща, которая впоследствии получила название «Капитан без внутренностей». Оба островитянина, доставивших труп на берег, умерли от неизвестной болезни, которая оказалась заразной. Еще 11 жителей острова последовали за ними в могилу. Но врача на Питкерне не было, а потому причина болезни осталась невыясненной.

Много лет спустя островитяне хотели сбить бананы коку проходившего мимо судна. Они расхваливали фрукты, снятые с плантации «Капитан без внутренностей», как самые лучшие на острове. Когда кок услышал историю этого странного названия, он решительно отказался от бананов. Он-то знал, что случилось на том судне — там вспыхнула эпидемия тифа, и капитан явно умер от этой болезни. Жители Питкерна по-прежнему продают бананы из этой рощи проходящим судам, но никто больше не упоминает о происхождении необычного названия.

Вдоль побережья имеется пять банок — отмелей, куда островитяне отправляются, как правило, каждый вторник на своих маленьких каноэ ловить рыбу. Рыба наряду с корнями таро, кокосовыми орехами и плодами манго составляет основу пропитания местных жителей. Как можно судить по рассказам Роя Кларка, названия всех пяти банок связаны с местными событиями:

«Головная боль»: трое мужчин сидели в каноэ, и один из них сказал: «У меня страшно болит голова, вернемся домой». Еще до возвращения в Адамстаун он скончался.

«Э, послушай!»: один человек во время рыбной ловли потерял трупы, пытаясь достать из сетей большую рыбу. «Э, послушай!» — закричал он, обращаясь к рыбе.

«Там, где упал Джонни»: юноша по имени Джонни

с острова Мангарева, находясь в гостях на Питкерне, свалился со скалы и погиб на этом месте.

«Нелли»: четверо островитян ловили рыбу у берега. Вдруг находившаяся в лодке собака по кличке Нелли прыгнула за борт и была унесена течением.

«Там, где Минни упала в воду»: Минни — женщина, которая до прибытия на остров адвентистского миссионера собирала крабов и ракушки на берегу. Она упала в воду и была подхвачена течением, но один из мужчин бросился вслед и вытащил ее на берег.

Одна из банановых рощ вблизи поселка до сих пор носит название «Большое дерево у марае» — то есть около полинезийского марае, места жертвоприношений. Как уже упоминалось ранее, полинезийцы с Мангаревы жили на Питкерне еще до того, как в 1790 году туда прибыли мятежники с «Баунти», хотя к моменту появления последних на острове никого из прежних жителей не оставалось в живых. Доставленные на Питкерн полинезийки первое время продолжали поклоняться своим божествам, но позднее перешли в лоно христианской церкви. Что же касается мужчин-полинезийцев, то все они были убиты до того, как получили возможность услышать о благословениях англиканской церкви. И мужчины и женщины собирались для культовых обрядов вокруг развалин марае, воздвигнутых прежними обитателями острова. Когда все язычники, кто остался в живых, были обращены в христианство, марае разрушили. Но и сегодня жители Питкерна находят в районе рощи «Большое дерево у марае» грубо выделанные фигурки — видимо, своего рода «заготовки» изваяний богов. Возможно, первые обитатели острова отправляли такие незаконченные фигуры на Мангареву, где производилась окончательная их обработка. Об этом нам ничего не известно.

3

Рассказывая об истории Питкерна, нельзя обойти тему кораблекрушений. По словам Роя Кларка, гибель норвежской яхты «Тронхейм» до сих пор окружена ореолом таинственности.

Было это 28 июля 1944 года. В сравнительно хорошую погоду жители острова заметили на горизонте к северу от Питкерна судно, которое приближалось и

вскоре подошло так близко к берегу, что могло вот-вот сесть на мель. Люди спустили на воду каноэ и направились навстречу судну. Мотор яхты продолжал работать, были подняты все паруса, и люди на судне не подзревали, какая опасность ожидает их впереди.

Островитяне взобрались на борт, где их встретил молодой человек, который представился капитаном Марквальдером из Швейцарии. Он сообщил, что яхта водоизмещением 25 тонн построена в Норвегии и что мотор работает отлично.

Паркин Крисчен, бывший на лодках старшим, сказал капитану:

— Немедленно спустите паруса, иначе яхта налетит на камни. Соберите команду на палубе!

— Команду? — переспросил швейцарец. — У меня нет никакой команды. Яхтой управляем мы с женой.

Госпожа Марквальдер была больна и находилась в каюте. Третьим пассажиром на борту был шестилетний сын супругов. Корабельный пес жалобно скулил, а кошка спокойно лизала лапы.

Марквальдер рассказал, что купил норвежскую яхту на Таити, чтобы плыть на ней в Южную Америку. Года два ушло на то, чтобы получить разрешение властей — в те дни опасность представляли японские и немецкие подводные лодки. Швейцарцы намеревались добраться до Вальпараисо или другого южноамериканского порта, а оттуда на зафрахтованном судне продолжить путь в охваченную войной Европу. Специального морского образования у главы семьи не было, а все свои средства он поместил в «Тронхейм».

— Но два человека не могут провести корабль через Тихий океан, — заявил Паркин.

— Мы же доплыли до вас, — возразил Марквальдер.

— Почему вы не спускаете паруса и не выключаете мотор?

Паркин, который взял на себя функции лоцмана, провел «Тронхейм» в сравнительно безопасное место в районе бухты Баунти. Жена Марквальдера пожаловалась на то, что они с сыном страдают морской болезнью с самого отплытия с Таити и ей бы очень хотелось сойти на берег. Капитан же пожелал остаться на яхте. Ночью поднялся ветер, и волна с севера захлестнула маленькое суденышко. Якорная цепь была сорвана, на

носу яхты образовалась пробоина. На рассвете каноэ островитян с трудом добралось до судна.

— Мы проведем яхту в подветренную часть острова, — предложил Паркин Крисчен.

Но Марквальдер отказался.

— Посадите судно на мель, — попросил он. — Это все, о чем я вас прошу.

— Но его ведь разобьет...

— Не беда. Направьте его на мель.

— Хорошо, — ответил Паркин. — Вы капитан, и я сделаю, как мне приказано. Только прошу потом ко мне претензий не иметь.

— Обещаю.

— Надо привязать покрепче все ценное, что есть на палубе.

— Нет, направьте шхуну на мель без промедления.

Паркин и остальные питкернцы, находившиеся на борту, сделали так, как им было приказано. На высокой волне Паркин направил «Тронхейм» на прибрежные скалы, где за два часа яхту размолотило в щепки. Пассажиры преодолели последние несколько метров до берега вплавь.

— После «Баунти» это первое судно, которое сознательно посадили на мель, — заметил Паркин.

— Ну, это уже кое-что, — ответил Марквальдер.

Семейство швейцарца провело на Питкерне несколько месяцев, прежде чем им удалось устроиться на проходящее судно. Денег у них не было, но жители острова предоставили им кров, а позднее организовали сбор средств, чтобы купить им билеты. И по сей день никто на острове не знает, почему капитан пожелал разбить свою яхту. Ведь отвести судно на подветренную сторону острова не представляло особых трудностей, к тому же подошедшие на лодках питкернцы были готовы остаться на борту и оказать помощь капитану. Поговаривали, правда бездоказательно, будто Марквальдер был вовсе не швейцарец, а немец, и он делал все возможное, чтобы отсрочить возвращение в «Третий рейх», к тому времени (дело было в 1944 году) висевшему на волоске. Но после того как семья покинула остров, никто из жителей Питкерна о ней ничего больше не слышал.

1

В 1819 году американское судно «Эссекс» промышляло китов к юго-востоку от архипелага Туамоту. Капитан — настоящий морской волк, про каких говорят, что, обнаружив кита, он уже не выпустит его из поля зрения. На сей раз шхуна заметила огромного кашалота и преследовала его несколько дней. Но однажды утром, когда деревянное суденышко наконец поравнялось с китом, тот неожиданно переменял курс, его горб, точно айсберг, взметнулся вверх, и меньше чем за минуту огромное животное протаранило шхуну. «Эссекс», размерами значительно уступавший киту, затонул, а оставшиеся в живых моряки втиснулись в две спасательные лодки и оказались лицом к лицу со штормовым ветром и бескрайним беспокойным океаном. Спустя несколько суток они заметили остров, не обозначенный ни на одной морской карте. С огромным трудом им удалось высадиться на берег. Остров они назвали Элизабет — по имени жены или дочери капитана. Передохнув и не найдя на острове ни воды, ни пищи, они вновь вышли в море и после тяжелого трехмесячного плавания добрались до побережья Южной Америки, где их подобрал проходящий мимо корабль. Полное драматизма приключение экипажа «Эссекса» послужило канвой романа писателя Германа Мелвилла о Моби Дике — гигантском ките Южных морей, а остров Элизабет позднее был переименован в остров Гендерсон и нанесен на морские карты.

Гендерсон и прилегающие к нему острова Дьюси и Оено находятся под административной властью Питкер-на. Все три острова необитаемы, и все принадлежат к числу самых труднодоступных мест на Земле. Чтобы попасть на Гендерсон, расположенный примерно в 110 морских милях к востоку-северо-востоку от Питкер-

на, надо выйти из бухты Баунти на лодках, и даже после двухдневного плавания в открытом океане нельзя быть уверенным, что удастся сойти на берег. Дьюси, Оено и Гендерсон — коралловые острова. Однако если коралловые рифы, окружающие первые два острова, и создают известные трудности, но не исключают возможности подхода к берегу, то у побережья Гендерсона имеются лишь остатки кораллов. Это вынуждает каное идти вплотную к берегу на высокой воде прибое, в точно обусловленном месте проскочить между берегом и рифом, сделать полукруг и только после этого повернуть к берегу. В 1902 году на остров высадился английский морской офицер и именем английского короля присоединил остров к Великобритании. Но лишь в середине 30-х годов жители Питкерна случайно обнаружили, что на острове Гендерсон имеется пресная вода, что позволит морякам, потерпевшим кораблекрушение, найти здесь приют (если, заметим, они будут знать, где найти источник).

История о том, как на острове Гендерсон нашли пресную воду, позволяет усмотреть в образе мышления питкернцев следы полинезийского влияния.

Ветер не позволял лодкам выйти в море, и, когда запасы пресной воды подошли к концу, экспедиция оказалась в критическом положении. По вечерам у костра на берегу люди обсуждали, что следует предпринять. Один из молодых питкернцев вспомнил старинное полинезийское предание о людях, оказавшихся в таком же положении на необитаемом острове. Продолбив отверстие в скальной породе, они призвали на помощь бога Та'ароа, и из камня тотчас полилась вода.

— Не последовать ли нам их примеру? — спросил рассказчик.

— И ты называешь себя христианином? — с презрением заметил один из его товарищей. — Что сказал бы наш миссионер в Адамстауне, услышь он сейчас твои слова?

— У него достаточно воды. У нас же ее нет.

На следующий день вода кончилась, и люди поняли, что умрут от жажды, если не выпадет дождь. Однако безоблачное небо не вселяло надежды. Островитяне сообща обратились к богу, но и он не внял их молитве.

Тогда все тот же питкернец вместе с товарищем на-

правился к центру острова, где известковые образования на несколько метров возвышаются над поверхностью океана. С помощью ножа они выскребли в камне углубление, все время призывая бога Та'ароа. Попытка не принесла успеха, но они повторили ее в разных местах и наконец нашли в северной части острова место, где каждое углубление через несколько минут заполнялось водой. Все участники похода были убеждены, что спасла их молитва на берегу, а вовсе не обращение молодого человека к богу Та'ароа. Как бы то ни было, но теперь питкернцы не боятся остаться без воды на острове Гендерсон.

Во время поездки на Гендерсон в 1938 году Рой Кларк обнаружил на северо-востоке побережья пещеру, а в ней человеческие кости. В другой пещере неподалеку нашли еще несколько скелетов. Но определить, кому принадлежали останки, не представлялось возможным.

2

В стародавние времена многие капитаны парусных судов, желая освободиться от неугодных моряков, высаживали их на далеких островах и оставляли на произвол судьбы. Этих несчастных называли «отверженными». Шансы на то, чтобы выжить, у них были невелики. Если остров был населен, они становились жертвами воинственных аборигенов, если же остров оказывался необитаемым, они вскоре умирали от жажды и голода. Но бывали и исключения. В 1704 году шотландский моряк Александр Селькирк после стычки с капитаном был оставлен на необитаемом острове Масатиерра в восточной части Южных морей, примерно в четырех сутках пути от побережья Чили. Здесь он прожил четыре года и четыре месяца, пока его не подобрало проходившее мимо судно. Когда Селькирк вернулся в Англию, о его удивительной судьбе узнал писатель Даниель Дефо; эти сведения послужили материалом для романа «Приключения Робинзона Крузо», и поныне одного из самых популярных во всем мире.

Несколько лет назад мне довелось провести месяц в гроте Селькирка на острове Масатиерра, и я вдруг подумал, что книга «Робинзон Крузо», вероятно, была известна большинству мятежников «Баунти». Быть мо-

жет, Флетчер Крисчен вспомнил о приключениях Робинзона, когда в ночь с 27 на 28 апреля 1789 года, оскорбленный несправедливыми упреками капитана Блая, собирався прыгнуть за борт и вплавь добраться до острова Тофуа. И не исключено, что именно трудности, с которыми Селькирк столкнулся на острове Масатиерра, удержали его от этого безрассудного шага и побудили возглавить мятеж.

Но все это только досужие домыслы. Гораздо интереснее было бы узнать, нет ли в наши дни таких «отверженных», которых, вопреки их воле, высаживают на далеких и пустынных островах.

В дневнике Роя Кларка кое-что записано на сей счет. Так, в 1957 году на острове Гендерсон питкернцы обнаружили американца Роберта Томарчина из Флориды. И если описанного выше Есту Бранда с острова Паки Айленд в Торресовом проливе можно назвать последним Робинзоном Крузо, то Томарчина, живущего на Гендерсоне только с шимпанзе, следует, очевидно, причислить к последним «отверженным» нашего времени.

В августе 1957 года шесть коротких ударов Морриса Уоррена в корабельный колокол возвестили о прибытии на Питкерн судна. Когда островитяне прибежали на берег, они увидели, что перед бухтой Баунти бросила якорь небольшая американская яхта «Флайинг Уоллас» («Летающий морж»). На ее борту находились лишь два человека — супруги Уэллс. Капитан не пожелал покинуть судно, однако миссис Уэллс отправилась на каноэ на берег и провела в Адамстауне двое суток. Она рассказала, что ждет ребенка, и поэтому они с мужем хотят как можно быстрее дойти до Новой Зеландии. На вопрос о том, как два человека сумели управлять таким судном, миссис Уэллс ответила, что на яхту был нанят матрос, «но он оказался не совсем нормальным и сбежал по пути на один из островов». Жители Питкерна решили, что яхта заходила на один из островов архипелага Туамоту, куда и сбежал матрос.

Но месяц спустя у острова бросило якорь судно «Коринти». Капитан по имени Джонс поинтересовался, есть ли на Гендерсоне кто-нибудь из жителей Питкерна: когда «Коринти» по пути из Панамы в Новую Зеландию проходил мимо этого безлюдного острова, он заметил на

берегу человека, который подавал ему знаки. Джонс решил, что это один из жителей Питкерна, прибывший на остров за деревьями миро. Но никто из питкернцев уже давно не посещал Гендерсон. И тогда островитяне решили, что человек, которого заметил Джонс, это, вероятно, и есть тот самый матрос, сбежавший с американской яхты. И так как он явно не имел ни малейшего представления о том, где на острове можно отыскать воду, то, конечно, погибнет от жажды, если его немедленно не спасут. Том Крисчен связался по радио с американским судном «Пайонир Айл», которое согласилось взять на борт две лодки островитян. Несколько дней спустя, когда лодки подошли к берегу Гендерсона, к ним со слезами бросился молодой человек. Он вскочил в одну из лодок и обнял рулевого:

— Не знаю, кто вы такие, но вы спасли мне жизнь! Тут миллионы крыс, они пожирают мою провизию, и если бы не вы, то мы с Моко умерли бы скоро от голода!

Никто из прибывших не сомневался, кто такой Моко — по узкой прибрежной полосе взад-вперед с громкими радостными криками носился шимпанзе.

Молодой человек рассказал, что его зовут Роберт Томарчин, родом он из американского штата Флорида. Он нанялся на яхту «Флайинг Уолрас» с условием, что ему разрешат взять с собой шимпанзе. Хозяева яхты согласились, однако вскоре выяснилось, что шимпанзе действует на нервы капитану и в особенности его супруге. Когда же обезьяна съела все витамины миссис Уэллс, это окончательно переполнило чашу их терпения. На следующее утро впереди по курсу показался остров Гендерсон, и капитан Уэллс предложил своему единственному матросу сойти на берег и побыть там несколько дней, пока нервы его жены не успокоятся. По крайней мере сам Томарчин так понял их договоренность. Но на всякий случай он все же запасся достаточным количеством провианта.

— Я не исключал возможности, что они могут уйти на яхте без меня, — рассказал он. — Весь тот и следующий день я пытался обнаружить судно, но его все не было. И тогда до меня постепенно дошло, что они бросили меня на произвол судьбы. Я никогда ничего не слышал об острове Гендерсон, не знал, есть ли там прес-

ная вода. Но мне повезло — в первый же день пошел дождь, и я сумел собрать немного воды в ведерко для себя и для Моко. Когда наступила ночь, все вокруг нас ожило — тысячи и тысячи крыс выползли из трещин в скалах и атаковали мой лагерь, где сожрали большую часть продовольственных запасов. Я развел костер, и это позволило держать их на некотором расстоянии. Шли дни, недели, но ни один пароход не появлялся на горизонте. К счастью, можно было питаться кокосовыми орехами и птичьими яйцами, до которых еще не добрались крысы. Под конец я пришел в полное отчаяние и решил, что начинаю терять рассудок.

Высадили меня на остров двадцать восьмого июля, а в середине августа я заметил корабль. Должно быть, это был «Коринти». Я стал махать руками словно сумасшедший, надеясь, что на борту поймут, в чем дело. Но корабль продолжал свой путь и вскоре превратился в крошечную точку на горизонте. Я оказался в критическом положении: яиц на острове больше не оставалось, а все кокосовые орехи, которые можно было достать, мы с Моко уже съели.

Шимпанзе Моко было девять месяцев от роду, и вот теперь, когда наконец пришло спасение, капитан шхуны «Пайонир Айл» заявил, что, если Томарчин хочет попасть в Панаму, ему придется расстаться со своим другом. На это моряк не согласился. Он отправился на Питкерн, где прожил некоторое время и где появление Моко вызвало настоящую сенсацию. О супругах Уэллс больше никто не слышал. Интересно, дошли ли они до Новой Зеландии?

3

Напоследок несколько слов о двух других островках, относящихся к администрации Питкерна.

Коралловый атолл Дьюси находится примерно в 300 морских милях от Питкерна, но жители последнего редко посещают этот остров — иногда раз в десятилетие. Островок обнаружил в 1791 году капитан «Пандоры» Эдвард Эдвардс, занимавшийся поисками мятежников с «Баунти». Стоило ему продолжить курс в западном направлении, и он нашел бы девять мятежников и плененных ими женщин на острове Питкерн. Вновь от-

крытый остров Эдвардс назвал в честь английского лорда Дьюси. В 1902 году остров был аннексирован Англией.

Оено — красивый коралловый остров, со всех сторон окруженный рифом, в котором имеется проход; от Питкерна его отделяет расстояние в 65 морских миль. Раз в два года его посещают питкернцы для сбора дерева миро и черепаших панцирей — карапаксов. У этого низкого, поросшего пальмами острова в разные времена терпели крушение многие корабли.

4

Наступил последний день моего пребывания на Питкерне. Ближе к вечеру в сопровождении Первиса Янга я вышел из Адамстауна и направился на Острие, чтобы спустить флаг. Ветер раскачивал ветви баньянов, птицы носились в ясном небе над гротом Флетчера Крисчена.

Спуская флаг, Первис окидывает взором горы и Баунти-Бей.

— Страшно подумать, что когда-нибудь нам придется покинуть Питкерн, — задумчиво произносит он. — Но надо смотреть правде в глаза: если не удастся остановить переселение, так оно, вероятно, и случится. Достаточно потерять еще нескольких мужчин, и некому будет управлять лодками, мы не сможем обслуживать подъемник. Уже свыше половины домов стоят пустыми. Как удержать молодежь? Дай мне совет, прежде чем ты отправишься в свой далекий мир!

Но я бессилён ему помочь. Когда предки Первиса прибыли на остров, беда состояла в том, что было слишком мало женщин. Сегодня на острове слишком мало мужчин.

На следующий день под вечер лодки подплывают к кораблю, который должен доставить меня в Панаму. Мои друзья-островитяне поют прощальную песню, точно так же, как ее пели всем гостям на протяжении последних полутора лет.

Ритмично стучит судовая машина. Мы отходим от Питкерна. Морские птицы с криками проносятся над бухтой Баунти. Сердитый белопенный прибой разбивается об отвесные прибрежные скалы. Перед нами растилается гигантский ковер океана — впереди нас ждут

тысячи миль морской пустыни. Спускается ночь. Наверху на горе виднеется слабый отблеск света — это Эдна поставила на окно зажженную лампу, последний привет старой жительницы Питкерна заезжему чужестранцу, который прожил немного в ее доме и теперь спешит в родные края.

Но вот остров скрывается в темноте, сливаясь воедино с тучами на горизонте. Путешествие по следам «Баунти» подошло к концу.

ХРОНОЛОГИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ НА ПИТКЕРНЕ И ОСТРОВАХ ДЬЮСИ И ОЕНО

До открытия европейцами. Какое-то время на Питкерне жили люди с Мангаревы, называя его Мата-ки-те-ранги. Вожди Мангаревы, возможно, наложили на остров запрет, чтобы беспрепятственно заниматься рубкой дерева миро.

1767. Остров замечен капитаном Картеретом со шхуны «Своллоу» и назван в честь находившегося на борту гардемарина. Попыток высадиться на берег не предпринималось.

1790. Флетчер Крисчен, Эдвард Янг, Уильям Браун, Джон Миллз, Айзек Мартин, Мэтью Кинтал, Уильям Маккой, Джон Уильямс и Александр Смит (Джон Адамс) — мятежники корабля «Баунти» — поселяются на Питкерне вместе с тринадцатью полинезийскими женщинами и шестью полинезийскими мужчинами. Остров был поделен на девять частей — по одной на каждого европейца.

1791. Капитан Эдвард Эдвардс на фрегате «Пандора», разыскивая мятежников, открывает остров Дьюси. На Питкерне убиты полинезийцы Тараро и Оха; их женщины достаются европейцам.

1793. Оставшиеся в живых полинезийцы убивают Флетчера Крисчена, Айзека Мартина, Джона Миллза и Уильяма Брауна, но сами погибают от рук женщин.

1798 (?). Во время приступа белой горячки Маккой падает со скалы и погибает.

1799. Эдвард Янг и Джон Адамс казнят Мэтью Кинтала.

1800. Эдвард Янг умирает от астмы. Джон Адамс остается единственным взрослым мужчиной на Питкерне; он становится воспитателем молодежи.

1808. Питкерн вновь «открывает» Мэйхью Фолджер, капитан зверобойной шхуны «Топаз». Фолджер сообщает цивилизованному миру о судьбе мятежников.

1814. Питкерн посещают британские военные суда «Брайтон» и «Тэгус».

1819. Спасательные лодки американской китобойной шхуны «Эсекс» обнаруживают остров Гендерсон.

1820. На Питкерн заходит английская китобойная шхуна «Сайрус»; один из членов команды, Джон Баффет, остается на острове и сменяет Джона Адамса на посту воспитателя молодежи.

1823. Питкерн посещает военное судно «Блоссом».

1828. На Питкерн приезжает Джордж Ханн Ноббс, который позднее становится священником.

1829. Умирает Джон Адамс.

1831. Жителей Питкерна перевозят на судне «Люси Энн» на остров Таити, но полгода спустя они возвращаются обратно.

1838. Капитан военного судна «Флай» впервые поднимает на Питкерне английский флаг, утверждая тем самым британское господство над островом.

1856. Население Питкерна численностью в 194 человека перевозят на судне «Морейшайр» в бывшую английскую колонию для провинившихся Норфолк Айленд, между Австралией и Новой Зеландией.

1858. 32 человека на корабле «Мэри Энн» возвращаются на Питкерн. Годом позже за ними следуют еще четыре семьи. Главой маленькой колонии становится Саймон Янг.

1875. У берегов острова терпит кораблекрушение парусник «Корнуоллис» из Сан-Франциско. В тот же год английское судно «Кандейш» натывается на коралловый риф Оено.

1881. Английское судно «Акадиа» наскочило на коралловый риф острова Дьюси; команде на двух открытых лодках удается добраться до Питкерна.

1883. Американский баркас «Орегон» терпит кораблекрушение у кораллового острова Оено. Капитан погиб, остальные члены экипажа спасаются на Питкерне.

1886. Судно «Пеликан» доставляет на Питкерн миссионера-адвентиста Джона А. Тэя. В течение недели Тэй обратил всех жителей острова в адвентистов седьмого дня.

1898. Питкерн переходит в административное подчинение британского верховного комиссара западной части Тихого океана.

1902. Англия аннексирует острова Оено, Дьюси и Гендерсон.

1914. Питкерн отрезан от окружающего мира; жителям угрожает голод. Островитяне строят шхуну «Мессенджер», чтобы плыть на Мангареву за провиантом.

1918. «Мессенджер» тонет.

1938. Налажена радиосвязь между Питкерном и остальным миром.

1944. Терпит кораблекрушение яхта «Тронхейм».

1952. Питкерн и относящиеся к нему острова передаются в подчинение губернатору Фиджи.

1953. Глава колонии Джон Крисчен по рекомендации английского правительства направляется в Суву (Фиджи) для представления английской королеве Елизавете и принцу Филиппу.

1957. Луи Марден, сотрудник журнала «Нэшнл джиогрэфик мэгэзин», поднимает якорь «Баунти» со дна бухты Баунти.

1958. На острове Гендерсон находят скелеты людей.

1962—1965. Многие мужчины покидают остров; число жителей Питкерна сокращается наполовину.

Численность населения Питкерна

1790 г.	—	28 человек
1856 г.	—	194 »
1859 г.	—	40 »
1879 г.	—	90 »
1914 г.	—	140 »
1960 г.	—	146 »
1965 г.	—	72 »
1976 г.	—	58 (Примеч. ред.)

Еще сравнительно недавно Океания представлялась большинству людей столь же далекой и недоступной, как космос. О ней редко вспоминали, и лишь для того, чтобы подчеркнуть, как огромна наша планета.

Яркая, увлекательная книга Фальк-Рёнке вводит читателя в удивительный мир Океании. Автор рисует самобытную жизнь островитян, их нравы и обычаи, создавая «эффект присутствия». Но поскольку А. Фальк-Рёнке не останавливается специально на описании политических и социально-экономических процессов, происходящих в современной Океании, расскажем об этом хотя бы коротко.

В сущности, до 60-х годов нашего столетия мир мало интересовался тихоокеанскими островами.

Размах национально-освободительного движения после второй мировой войны, приход к международному сообществу государств, расположенных на гигантских и богатейших материках Азии и Африки, отвлекали внимание от народов Океании, живущих несколькими сотнями, редко тысячами человек на крошечных островках, отделенных друг от друга необозримыми просторами Великого океана.

К тому же колониальные державы, создав на тихоокеанских островах военные базы и полигоны для испытаний новейших видов оружия, старались тщательно изолировать островитян от внешнего мира. Утомленному цивилизацией европейскому и американскому читателю жизнь полинезийцев, микронезийцев, меланезийцев преподносилась как беспечное наслаждение в куцах земного парадиза. В действительности это совсем не так. История Океании полна драматизма. Это прежде всего история мужественных народов, которые в давние времена заселили неведомые, безлюдные острова и понесли при этом громадные жертвы, что не могло не сказаться на процессе их дальнейшего развития.

Переселяясь в течение многих веков с Азиатского и Американского материков на тихоокеанские острова, они затрачивали колоссальные силы, попадали в непривычные условия и вынуждены были приспосабливаться к ним. При этом жители островов вследствие географической удаленности оказывались в совершенной изоляции от других цивилизаций и были предоставлены самим себе. Хорошо известно, что культура народов успешно развивается лишь в условиях взаимовлияния, взаимопроникновения, взаимообогащения.

Когда европейцы впервые попали на острова Океании, они увидели людей, находившихся на довольно низком уровне развития. Островитяне не знали не только огнестрельного оружия, но и луков и стрел, жилища их были примитивны, они не умели обрабатывать металл, а одежда почти отсутствовала.

Но все это объяснялось не «органической неполноценностью» островитян, а объективными условиями их бытия: на большинстве островов не было металлических руд, животный и растительный мир был весьма ограничен, в благоприятных климатических условиях не требовались сложное домостроительство и одежда. В то же время изделия островитян из камня, дерева и раковин отличались высокой степенью художественности. Историки, этнографы и антропологи, изучающие культуру и быт народов Океании, свидетельствуют о высоком уровне земледелия (тщательная обработка земли, применение искусственного орошения и даже удобрений), а также об успехах этих народов в приручении животных и, наконец, об их высоком мореходном искусстве.

Пришельцы полюбили землю своей новой родины, хотя подчас она представляла собой крохотный коралловый островок, лишь на несколько футов поднявшийся над океанскими волнами. Этот высокий патриотизм передавался островитянами из поколения в поколение и помог им выстоять и перенести все невзгоды, в таком изобилии выпавшие на их долю.

Вторжение «западной цивилизации» на тихоокеанские острова, начавшееся четыре с половиной века назад, привело к вымиранию аборигенов, разграблению тех немногих богатств, которыми они обладали,— сандалового дерева, фосфатов, золота,— к духовной депрессии, забвению исконных средств для поддержания существования. В то же время, встретившись с европейцами и американцами, островитяне поняли, что существует иной мир, где жизнь богата и многообразна. Они захотели по-настоящему узнать о великих достижениях человеческого разума, прибегнуть к ним.

Особенно остро аборигены почувствовали необходимость в этом после окончания второй мировой войны, в ходе которой многие из них вместе с народами антигитлеровской коалиции сражались против общего врага.

Шквал национально-освободительной борьбы афро-азиатских народов всколыхнул и тихоокеанский «заповедник колониализма», где тоже повеяли ветры перемен. Политический климат на тихоокеанских островах начал существенно меняться. К тому же послевоенный научно-технический прогресс в значительной степени уничтожил былую изоляцию Океании.

Ход развития политических, экономических и культурных процессов в Океании уже в начале 60-х годов создал реальные условия для возникновения там независимых государств.

1 января 1962 г. возникло первое в Океании независимое государство — Западное Самоа, а к началу 80-х годов образовалось еще семь суверенных океанийских стран: Науру, Тонга, Фиджи, Папуа Новая Гвинея, Соломоновы острова, Тувалу, Кирибати.

В независимых океанийских государствах живет более 85% всего населения Океании (без географически входящих в нее Новой Зеландии, Гавайев и провинции Ириан Джая). Общая площадь освободившихся от колониализма островов составляет 93% территории Океании.

Таким образом, к началу 80-х годов в Океании процесс ликвидации прямого колониального господства завершается. За годы независимости суверенные государства Океании добились некоторых успехов в развитии экономики и культуры. Но этот процесс идет

крайне медленно. Прогрессивное развитие океанийских государств серьезно тормозят как глубокая отсталость социально-экономических отношений, так и неокOLONиалистская политика империалистических держав, которые упорно не хотят уходить из Океании. Соглашаясь предоставить океанийским территориям формальную независимость, они стараются сохранить контроль над своими бывшими владениями. А США и Франция вообще не предоставили и не собираются предоставлять независимость ни одной из подвластных им океанийских территорий.

Значение тихоокеанских островов для империалистических держав все возрастает. Это объясняется как военно-стратегическими, так и экономическими причинами. Острова эти используются для размещения военно-морских и военно-воздушных баз, станций космического наблюдения и оповещения. Там создаются склады оружия, сооружаются испытательные полигоны для отработки ракетно-ядерных систем, учебно-тренировочные поля для морской пехоты и диверсантов.

Острова Океании лежат на скрещивании основных трансокеанских морских и воздушных линий, связывающих США и Канаду с Японией, Австралией и Новой Зеландией, торгово-экономические отношения между которыми стремительно расширяются. Уже сейчас они служат своего рода узловыми станциями, через которые проходят и где перераспределяются грузовые и пассажирские потоки, где заправляются горючим корабли и самолеты.

В 60—70-е годы расширились геологоразведочные работы в Океании: на островах были открыты залежи бокситов, медной руды и других ценных полезных ископаемых, что подняло значение тихоокеанских островов как поставщиков сырья в промышленно развитые страны. Роль Океании в этом отношении еще более возрастет при будущем освоении морского дна и добычи там полезных ископаемых.

Большое значение в хозяйстве Океании имеет рыболовство. Иностранных предпринимателей тихоокеанские острова привлекают и как район, весьма перспективный для развития международного туризма.

Расширяющиеся экономические возможности Океании ведут к росту иностранного капитала в островных странах. В 70-х годах особую активность проявляли японские предприниматели. Японский капитал направлялся главным образом в горнодобывающую и лесную промышленность, рыболовство и «индустрию туризма».

В последние годы Австралия и Новая Зеландия стремятся взять на себя роль «покровителей» океанийских народов. Руководители обоих государств постоянно подчеркивают свое «особое» отношение к Океании, готовность помочь островитянам в экономическом и культурном развитии. Но за этим ясно видно их желание удержать в своих руках контроль над данным районом.

События последних лет свидетельствуют, с одной стороны, о все усиливающемся стремлении стран Океании к самостоятельности во внутренней и внешней политике, к укреплению межокеанийских связей, а с другой стороны — об упорном противодействии этому империалистических держав.

Над Океанией взойшло солнце свободы. Но впереди у народов этого региона трудный путь борьбы с остатками колониализма, с

неоколониализмом, с глубокой социально-экономической отсталостью.

Элементы современной жизни тонут еще в глубокой патриархальности уклада океанийского общества. Об этом свидетельствует книга Арне Фальк-Рёнке. Автор ведет читателя по Океании, держась далеко от туристских маршрутов, усиленно рекламируемых в Европе и Америке. Он показывает жизнь островитян как бы изнутри, не скрывая ее сложностей, проблем, мучительно тревожащих жителей «земного рая». Это придает книге своеобразие и выделяет ее в потоке литературы на океанийские темы, ставшем в наше время уже достаточно широким.

К. В. Малаховский

ОГЛАВЛЕНИЕ

Всегда в пути (В. Л. Якуб)	3
О судне «Баунти» и его экипаже	6
Глава первая	9
Глава вторая	39
Глава третья	59
Глава четвертая	78
Глава пятая	95
Глава шестая	122
Глава седьмая	143
Глава восьмая	145
Глава девятая	169
Глава десятая	184
Глава одиннадцатая	198
Глава двенадцатая	207
Хронология исторических событий на Пит- керне и островах Дьюси и Оено	215
Послесловие (К. В. Малаховский)	217

Арне Фальк-Рёнке

СЛЕВА ПО БОРТУ — РАЙ
(Путешествие по следам «Баунти»)

*Утверждено к печати
редколлекцией серии «Рассказы о странах
Востока»*

Редакторы *И., Я. Хидекель,*
Р. Г. Стороженко
Младший редактор *Е. Г. Марунина*
Художник *А. Н. Жданов*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *Г. А. Никитина*
Корректор *П. С. Шин*

ИБ № 13986

Сдано в набор 11.12.79 Подписано к печати 8.04.80. Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 11,97. Уч.-изд. л. 11,57. Тираж 30 000 экз. Зак. № 860.
Цена 1 руб. 20 коп.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»

Выйдут:

Галич З. Н. Проблемы социально-экономической эволюции стран Юго-Восточной Азии и Тропической Африки: Сравнительный анализ. 13 л.

Государство и аграрная эволюция в развивающихся странах Азии и Африки: Сб. статей. 20 л.

Государственный капитализм и социальная эволюция стран зарубежного Востока / Аршаруни Н. А., Бессонов С. А., Длин Н. А. и др. 20 л.

Заказы на книги принимаются всеми магазинами книготоргов и «Академкнига», а также по адресу: 117192. Москва В-192. Мичуринский проспект, 12, магазин № 3 («Книга — почтой») «Академкнига».

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»

Выйдут:

Национальные кадры освободившихся стран: (Проблемы подготовки и использования) / Побоккова О. П., Смирнов А. Г., Тимофеева Н. М. и др. 18 л.

Процессы деклассирования в странах Востока: Сб. статей. 20 л.

Шнирельман В. А. Происхождение скотоводства: (Культурно-историческая проблема). 20 л.

Заказы на книги принимаются всеми магазинами книготоргов и «Академкнига», а также по адресу: 117192. Москва В-192. Мичуринский проспект, 12, магазин № 3 («Книга — почтой») «Академкнига».

1 р. 20 к.